

KANT

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES
SERIES

10.00.00 PHILOLOGICAL SCIENCES
17.00.00 ART STUDIES
22.00.00 SOCIAL SCIENCES
23.00.00 POLITICAL SCIENCE
24.00.00 CULTURAL STUDIES

ISSN 2305-8757

ПОЭТИКА НОМО ECONOMICUS

- ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НОМО ECONOMICUS • УЗНАТЬ НАПЕРЁД: ЯЗЫК ТАРО В ФИЛЬМЕ "ЛЮДИ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ" И В РОМАНЕ "ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ" • УПРАВЛЕНИЕ ИМИДЖЕВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ
- ИНТЕГРАТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ
- ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ФЕСТИВАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований за счет средств издательства по следующим отраслям наук:

10.00.00 Филологические науки, 17.00.00 Искусствоведение, 22.00.00
Социологические науки, 23.00.00 Политические науки, 24.00.00 Культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО "Издательство

СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Абдуллаева Рена Габип кызы, д-р искусствоведения, проф., Институт архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доц., Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Буксикова Ольга Борисовна, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Грачев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Комуцци Людмила Владимировна, д-р филолог. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Костина Анна Владимировна, д-р культурологии, д-р филос. н., проф., Московский гуманитарный университет (Москва)

Лю Сяоянь, д-р филолог. н., проф., Полицейская академия при Министерстве общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н., проф., Северо-Кавказский социальный институт (Ставрополь)

Петров Владимир Николаевич, д-р социологических наук, проф., Кубанский государственный университет (Краснодар)

Прахакара Джатъяло Рао, профессор лингвистики, Центральный университет Хайдерабада (Хайберабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р искусствоведения, проф., этномузыковед, Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулвагаб оглы, д-р искусствоведения, проф., Национальной академии наук Азербайджана, член-кор. Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

Сраджев Виктор Пулатович, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Шемякина Мария Константиновна, д-р культурологии, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2021, № 4(8), 1-94 с.

Главный редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 100 экз. Заказ № 572.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanitarian фокусируется на специальных и общих теоретико-методологических подходах, характерных для социально-гуманитарных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева

Содержание

Фогль Й. Поэтика Homo Economicus -----	4
Айлон Г. Феноменология Homo Economicus -----	16
Варенова Д.С. Узнать наперёд: язык Таро в фильме "Люди под лестницей" и в романе "Последняя любовь в Константинополе" -----	32
Туралина Н.А., Ефремова Н.В., Уварова Т.А. Управление имиджевыми коммуникациями в современной библиотеке -----	35
Киреева О.А., Доронина И.Н., Сороколетова Н.В. Интегративная оценка эффективности российских библиотечных корпораций -----	41
Харьковская Е.В., Посохова Н.В., Калашникова Н.Н. Социально- культурная реабилитация пожилых людей в деятельности культурно- досуговых учреждений средствами арт-терапии -----	49
Реш О.В., Корженко О.М., Зенин С.Н. Семья как носитель социальной семиотики в русской культуре: история и современность -----	62
Мирошниченко Е.В., Посохова Н.В., Кушченко Е.С. Исследование практики социокультурного брендинга территории на основе фестивального движения -----	69
Корженко О.М., Реш О.В., Зенин С.Н. Семиотика народного костюма как отражение традиционных ценностей русской культуры -----	78
Урусова И.К. Особенности и специфика формирования готовности курсантов к взаимодействию в поликультурной среде региона -----	85

Contents

Vogl . Poetics of Homo Economicus -----	4
Ailon G. The Phenomenology of Homo Economicus -----	16
Varenova D.S. Learn in advance: the Tarot language in the film "People under the Stairs" and in the novel "Last Love in Constantinople" -----	32
Turanina N.A., Efremova N.V., Uvarova T.A. Image communication management in a modern library -----	35
Kireeva O.A., Doronina I.N., Sorokoletova N.V. Integrative assessment of the effectiveness of Russian library corporations -----	41
Kharkivska E.V., Posokhova N.V., Kalashnikova N.N. Social and cultural rehabilitation of the elderly in the activities of cultural and leisure institutions by means of art therapy -----	49
Resh O.V., Korzhenko O.M., Zenin S.N. Family as a carrier of social semiotics in Russian culture: history and modernity -----	62
Miroshnichenko E.V., Posokhova N.V., Kushchenko E.S. Research of the practice of socio-cultural branding of the territory based on the festival movement -----	69
Korzhenko O.M., Resh O.V., Zenin S.N. Semiotics of folk costume as a reflection of traditional values of Russian culture -----	78
Urusova I.K. Features and specifics of the formation of cadets' readiness for interaction in the multicultural environment of the region -----	85

КАК ПОДГОТОВИТЬ ОБЗОР ПО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ?

Редакционная коллегия журналов "KANT" и серии журнала "KANT: Social science & Humanities" заинтересована в обзорных статьях, которые систематизируют и приводят анализ публикаций, вышедших за последние два-три года по избранной автором публикации проблематике. Оплата за публикацию научных обзоров не взимается.

Научные обзоры постоянно питают новые исследования, которые в свою очередь питают научные обзоры. Дело в том, что одно действует как сила над другим, и именно это заставляет науку, как глобальную дисциплину, постоянно развиваться и развиваться. Как для ученого, написание обзора может быть очень полезным как для самого исследователя, чтобы лучше разобраться в проблематике, так и для всего научного сообщества.

Прежде всего, приступая к работе над составлением обзора, убедитесь, что вы являетесь экспертом в этой области и осведомлены о выходе последних публикаций по теме, к обзору которой вы приступаете. Подумайте о совместной работе с соавторами, чтобы расширить взгляд на проблематику.

Ознакомьтесь с прочими обзорными статьями, опубликованными по смежным темам или аналогичным темам в смежных областях за предыдущие два-три де-

сятилетия, чтобы убедиться, что вы понимаете, что уже было сделано до вас.

Затем постарайтесь решить для себя, на какой вопрос вы попытаетесь ответить в рамках своего обзора или рецензии. Примеры вопросов, на которые можно ответить с помощью обзорных статей, включают в себя:

- Что изменилось в нашем понимании этой темы с момента последнего обзора? Какие задачи стоят сегодня перед исследователями в этой области? И каковы наиболее перспективные подходы к решению этих задач?
- Достаточно ли доказательств в существующей литературе, чтобы решить, какая из двух конкурирующих концептуальных моделей или теорий наиболее вероятна?
- Достаточно ли доказательств, чтобы обосновать общепринятое мнение или предположение в этой области?
- Насколько хорошо активные исследователи в этой области приняли то, что сейчас считается лучшей практикой, и какие научные результаты это дает?
- Из нескольких методик, используемых в этой области, какая оказалась наиболее успешной или полезной с течением времени?

Таким образом, ответы на эти вопросы помогут вам приступить к составлению обзора.

Следует внимательно отнестись к выбору ключевых слов, что позволит вам лучше сконцентрироваться на проблеме. В состав обзора необходимо привлекать не только отечественные исследования, но и зарубежные. Для этого вы можете обратиться к таким международным базам, как Web of Science, Scopus, PhilParers и другие. Следует придерживаться выбранных временных рамок исследования. По ходу изучения вопроса, вы можете делать заметки. Не все из них в итоге войдут в вашу статью и будут

процитированы вами, но это удобно для того, чтобы отслеживать все, что вы прочитали в соответствии с критериям поиска, и то, что вы узнали из него.

В какой-то момент во время этого чтения вы начнете готовить план для своей обзорной статьи. Разработайте, как вы будете структурировать статью, какие ключевые моменты вы хотите выделить, и какова история, которую вы будете рассказывать в своем обзоре. Часто хорошие обзорные статьи включают в себя цифры, которые объединяют результаты из литературы, которую вы просматривали, чтобы рассказать читателям что-то новое.

После этого вы можете приступить к написанию. Как и любая другая статья, она должна иметь введение, которое объясняет, что было сделано ранее (например, в предыдущих обзорах) и что мотивировало вашу обзорную статью (т. е. на какой вопрос вы пытаетесь ответить и для кого). В нем могут быть разделы "методы и результаты", особенно если вы выбрали системный и количественный подход к своему обзору, или это может быть более повествовательный обзор, разделенный на разделы, которые помогут вам рассказать историю и прояснить тему. В нем обязательно должен быть раздел выводов: что должно измениться в результате того, что вы нашли и обсудили в своем обзоре?

Как только вы сделаете это и попросите дружественного коллегу просмотреть его и дать вам обратную связь, вы будете готовы отправить обзор в журнал, который публикует статьи по этой области.

POETICS OF HOMO ECONOMICUS

Vogl Josef, Professor of Contemporary German Literature, Literary Studies, Media and Cultural Studies, Humboldt University Berlin, Berlin, Germany

Homo Economicus details Vogl's major project of betraying secular theodicy in modern economics. We get to know a new kind of man, his origin and future. It seems, Vogl concludes, that we have found the latest realization of homo economicus – a person who goes hand in hand with a new way of subjectivation. The compulsion to identity has become a compulsion to non-identity, otherness, uniqueness. The production of these so-called patchwork identities has become an economic program; a program that generates items with a flexible core and fuzzy edges – items that can be in demand on the market. With this figure, the history of homo economicus comes to an end; it gives way to a new type of people: a type that acts economically precisely by producing itself, its own subjectivity and spirituality.

Keywords: homo economicus; economics; modern world; history of homo economicus.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.1

УДК 316.7

БАК 22.00.05

© Фогль Й., 2021

© Григорьева М.А., перевод
с англ., 2021

Vogl Joseph. Poetics of Homo
Economicus // Continent.
Issue 4.1. 2014: 95-104.

4

Перевод с английского кан-
дидата полит. н. М.А. Гри-
горьевой

ПОЭТИКА НОМО ECONOMICUS

Номо Economicus подробно описывает главный проект Фогля, заключающийся в предательстве светской теодицеи в современной экономической науке. Мы знакомимся с новым видом человека, его происхождением и будущим. Похоже, – приходит к выводу Фогль, – мы застали последнюю реализацию номо economicus – человека, который идет рука об руку с новым способом субъективации. Принуждение к идентичности стало принуждением к неидентичности, инаковости, уникальности. Производство этих так называемых лоскутных идентичностей стало экономической программой; программой, которая порождает предметы с гибким стержнем и нечеткими краями, – предметы, которые смогут пользоваться спросом на рынке. С этой фигурой история номо economicus подходит к концу; он уступает место новому типу людей: типу, который действует экономически именно за счет производства самого себя, своей собственной субъективности и духовности.

Ключевые слова: человек экономический; экономика; современный мир; история человека экономического.

ФОГЛЬ Йозеф,
профессор современной
немецкой литературы,
литературоведения,
медиа и культурологии,
Берлинский университет
имени Гумбольдта,
Берлин, Германия

I. Современность не только повлекла за собой выход человека из собственной неэффективности; она также предоставила ответственного за это агента – агента, называемого *нomo economicus*, или человек экономический. [1] Фактически, современность подошла к этому довольно новаторски, и с разной степенью серьезности она пыталась изобрести серию разных "людей". Как будто простого бытия человека было недостаточно, и она продолжала искать новые форматы и разрабатывать разные предикаты для разных областей применения. Более или менее успешно эксперимент прошел с классическими и гуманистическими типами, с пролетарскими и советскими субъектами, с военными и фашистами. Но, недовольный этими замыслами, он просто выступил против нового человека и всех проистекающих моделей, как мы могли наблюдать это в начале XX века. В наши дни эта серия попыток выступила на неизведанную территорию. Вид, оказавшись в осаде, призван теперь продлевать свою жизнь за счет развития формы жизни, которая измеряет

себя в соотношении с машинами, киборгами или модифицированными генетическими материалами.

История об этих гомункулах и их лабораториях не была написана, но ясно одно: это "*Noch Nicht festgestellte Tier*" (Ницше), то есть, это "*животное еще не определено*", – вдохновило различные творческие фантазии, из которых только *homo economicus* выжила и по сей день будоражит умы. Несмотря на онтологическую неопределенность человека, только *homo economicus* на протяжении нескольких столетий поддерживал себя в различных сферах деятельности. Он меняется по мере разработки теории сообразно системам и ситуациям – что позволяет с уверенностью сказать, что он стал самым успешным экспортным продуктом западного общества.

Предварительные истоки этого нового человеческого типа можно проследить до определенной степени в конце Средневековья. Первые следы обнаружены в торговых конторах Италии эпохи Возрождения. Его первичную сцену можно увидеть в "свободно торгующихся" предметах Просвещения или в книгах по политической экономии; или, еще более очевидно, в экспансивном предпринимательском духе, который – вслед за Шумпетером – колонизировал мир своим созидательным разрушением. Но где бы ни находились его истоки, и как бы эти различные истоки ни слились в четкую и узнаваемую форму, ясно, что *homo economicus* не только имеет долгую и плодотворную историю – он сам много сделал в истории.

В свете его стойкости выделяются две вещи. Во-первых, похоже, существует общее согласие с тем, что успех *homo economicus* связан с его способностью действовать, как островок рациональности в запутанном, случайном и, в конечном счете, иррациональном мире. Как и один из его самых ярких примеров, Робинзон Крузо, застрявший на острове, он знает, что порядок в мире не дан и не невозможен, но должен быть осуществлен. Человек экономический так хорошо

управляет собой, потому что он не разделяет мирские вещи на истинное и ложное, хорошее и плохое, справедливое и несправедливое, а действует в соответствии с критериями прибыли и убытка. Как показывает экономическая теория, не было бы экономического человека, если бы реальность не позволяла организовать множество явлений, как бизнес, с использованием критериев использования и невыгодности.

Во-вторых, *homo economicus* сохранился до настоящего времени только потому, что он показал себя чрезвычайно пластичным, адаптируемым и готовым к реформированию. Он представляет собой теоретическое и практическое паспарту, которое можно легко комбинировать с рядом антропологических субстратов и с различными политическими и социальными порядками. Он так же легко совместим с религиозным, как и с агностическим или профанным; как с аскетичным, так и с гедонистическим; с либеральным и авторитарным, рабоче-трудовым и "буржуа". Защитная реакция, вызванная *homo economicus*, слабо выражена и предсказуема, что дает возможность с уверенностью сказать, что новый тип человека демонстрирует высокую степень совместимости, композиционности и сочетаемости.

Homo economicus – целиком и полностью историческое существо: он возник, претерпел мутации и, возможно, однажды достигнет своего конца. Время сделало его универсальной моделью, заменителем человека как такового, и в значительной степени отвечающего за организацию мира. Он создавался различными СМИ и учреждениями, вымыслами и формами знания, конкретными идеями функциональности и конкретными требованиями; и его можно принять за посредника, производящего как экономические, так и социальные системы. "Поэтика человека экономического" подразумевает необходимость исследовать этот человеческий тип с точки зрения его выдумки, его поэзии, чтобы понять его как субъекта и объекта культурных практик. Наше иссле-

дование связано с вопросом, как эта фигура стала гегемонистской человеческой формой, и даже более того – мерилом человека как такового. Конечно, это касается его историчности, его темпоральности – как путеводной нити эры, которая началась пятьсот лет назад и которая сегодня достигла определенного предела или порога, если она уже не достигла своего конца. Далее мы проследим несколько линий происхождения и модификаций этого так называемого экономического человека.

II. Начнем с того, что – и это будет нашим первым тезисом или соображением – появление *homo economicus*, кажется, связано с богатством событий, которое впервые приобрело очертания в начале эпохи современности. Здесь можно говорить об освобождении случайного, об изоляции случайного. В течение долгого времени случайность, *tyche*, рассматривалась как онтологическое, эпистемологическое и эстетическое исключение: событие, находящееся за гранью объяснимого, свидетельствующее о работе высших сил и связанное с ходом судьбы – стихия, похожая на испытание, и это можно было только преодолеть или отступить. Случайности приняли форму Фортуны – колеса судьбы, каприз которого напоминал суету земного существования.

Современность не просто заключается в секуляризации случайности; скорее, случайность стала внутренней категорией, потому что была воспринята определенной формой управления. Известное упоминание об этом современном управлении рисками можно найти в "Венецианском купце", автор которого проводит различие между работой судьбы и фортуны и управлением случайными событиями. Поверьте мне, говорит

меланхолический торговец, я очень благодарен своей судьбе:

Не вверен мой товар
Единственному судну или месту,
Не отдано имущество мое
В зависимость от нынешнего года.
Итак, меня печалят не дела
Торговые. [2]

Этот меркантильный субъект, наблюдающий за своей флотилией из своего дома, проявляет себя как хитрый авантюрист, потому что он вычитает из приключений авантюрное. И он делает это, опираясь на ряд техник, которые могут претендовать на определенную новизну в эпоху Возрождения и которые внесли первый важный вклад в формирование *homo economicus*.

Для начала мы можем заметить, как неуправляемый, роковой или опасный элемент досовременной случайности превратился в простой риск. Современные морские путешествия использовали итальянское слово *risco*, "то, что разрывается", для обозначения скалы, которая может потопить корабль; этот обрыв тогда стал риском, *rischio*, которому подвергаются перевозимые морем товары. Купец Шекспира больше не знает ударов судьбы, только рискует, потому что он вкладывает свои деньги сразу в несколько кораблей, страхуя одно вложение другим. История это-

го торговца связана с историей страхования, особенно с ранним морским страхованием, система которого позволяла предпринимателям компенсировать одну опасность другой, управляя риском посредством расчетов. Торговец делает ставку не на успех или неудачу, выживание или кончину (это было делом рыцарей), а на систему событий; и что бы ни случилось, это всегда можно уравновесить со всем, что происходит сейчас и в

СОВРЕМЕННОСТЬ НЕ ПРОСТО
ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В
СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
СЛУЧАЙНОСТИ; СКОРЕЕ,
СЛУЧАЙНОСТЬ СТАЛА
ВНУТРЕННЕЙ КАТЕГОРИЕЙ,
ПОТОМУ ЧТО БЫЛА
ВОСПРИНЯТА ОПРЕДЕЛЕННОЙ
ФОРМОЙ УПРАВЛЕНИЯ.

будущем. В определенном смысле внимание продавца к негативным последствиям действий и событий становится продуктивным. [3]

Тем не менее, этот расчет рисков требует, и это еще один аспект *homo economicus* – требует особой формы наблюдения. Ее первые следы можно найти в XIII веке, и до сих пор она продолжает оставаться важным компонентом системы, в которой *homo economicus* начинает действовать. Это методика ведения бухгалтерского учета по системе двойной записи. Эту технику, которая впервые распространилась в торговых городах Северной Италии, следует понимать не только как колонизацию мира посредством письма; она также представляет собой особую и последовательную технологию преобразования личности. Он характеризуется четырьмя элементами, перечисленными в одном из самых ранних печатных трактатов о бухгалтерском учете с 1494 года [4].

1. Бухгалтерия касается полной регистрации событий. Бухгалтерские книги каждой новой компании начинаются с описи всех без исключения событий и вещей: имеющих денежных сумм, недвижимости, товаров и инструментов, даже предметов домашнего обихода, одежды и белья. Того, что не указано в книгах, не существует. Бытие вещей невозможно отделить от их написания; и с этого первоначального акта письма начинается экономическая операция.

2. Бухгалтерский учет гарантирует непрерывный учет по оси времени. Бухгалтерские книги – это бизнес-дневник, который контролирует все коммерческие операции и быстро становится формой постоянного самоконтроля. Бухгалтерский учет не случайно считается одним из истоков современного дневника. Каждый день становится днем баланса и суждения, проверяемого по результатам.

3. Бухгалтерия обеспечивает выборочное восприятие событий. Продавец работает с тремя разными книгами, каждая из кото-

рых выполняет дополнительную фильтрацию: во-первых, дневник, который записывает все события час за часом, день за днем, как повествование; затем журнал, который переводит этот хронологический порядок в конкретные активы и обязательства, транзакции и платежи; и, наконец, бухгалтерская книга, в которой вся эта информация сортируется по разным счетам, документируя прибыль и убыток. События (коммерческого) мира приведены в так называемый "красивый порядок" [5], который можно просканировать одним взглядом; заказ, который переводит все, что происходит, в серию платежей.

4. Наконец, двойная бухгалтерия объединяет все события во взаимосвязи. В бухгалтерской книге используются не только отдельные счета для вещей, лиц и событий; все позиции также представлены в двух разных формах: дебетовая и кредитная; то есть как присутствующие, так и отсутствующие одновременно. Это превращает реестр в пространство, которое, наряду с взаимосвязью всех отношений, также делает видимым их качество. Вещи и люди перечислены с точки зрения обращения, обмена и взаимозависимости; и в этом мире ничего не потеряно: каждый исчезающий элемент появляется где-то в другом месте на поле существ.

Следовательно, для современного торговца можно сказать, что вначале был Счет; вначале была систематическая запись и фильтрация событий. И в этом начале мы можем признать происхождение нескольких практик, которые устанавливают стандарт современной организации субъекта и мира. Когда субъект определяет себя через позицию, на которой субъект переходит от теории к практике, описанная выше торговая технология предоставляет чрезвычайно эффективный метод для этого перехода, для перехода "à l'acte" – "к делу". Бухгалтерский учет отделяет сферу коммерческих отношений от живого человека; бизнес становится автономным. Движения человека отделяют-

ся от движений субъекта: бухгалтерский учет позволяет путешествовать на бумаге, как это делает венецианский купец. Он перемещается по земле, находясь в своем офисе, склонившись над своими книгами: важная форма, в которой к далеким землям обращаются как к близким родственникам. Тем не менее, этот купеческий объект также является бессонным, беспокойным и вечно бодрствующим. Лука Пачоли, автор упомянутого выше трактата о бухгалтерском учете, описал купца как существо с сотней глаз и сравнил его с петухом, "который из всех животных самый бдительный – и зимой, и летом хранит свою ночь" бдения и никогда не отдыхает". [6] Наконец, это дало начало предмету бухгалтерских балансов, годовых отчетов и непрерывного самоконтроля; субъект, который помещает слой бухгалтерских книг между собой и мирскими событиями. С этого момента жизнь начинает напоминать карьеру, в которой успех ведет к дальнейшему успеху, а время извлекает выгоду из доходов. Ранний человек экономический вводит свое методологическое оборудование в мир случайностей и находит там свое профанное разворачивание. В результате возникает связь между бухгалтерским учетом и повествованием, которая определяет конкретные биографии, а также литературные модели.

III. В наше время Земля начала вращаться вокруг Солнца, а деньги начали вращаться вокруг Земли. [7] Эта денежная орбита идет рука об руку с моральной революцией, которая составляет второй ключевой компонент человека экономического: он приносит с собой радикальный сдвиг в моральных и этических вопросах, как в теории, так и на практике. В этом контексте можно отметить, что Адам Смит, один из отцов-основателей классической экономики, в первую очередь считал себя философом-моралистом, а его "*Богатство народов*" 1776 г. появилось как второй том курса этики. Но прежде всего мы должны отметить

растущее критическое осознание так называемого "настоящего человека" – осознание, которое восходит к XVII веку.

Со времен барокко учителя естественного права и философы-моралисты соглашались, что человека больше нельзя просто понимать как *zoon politikon*, или *общественное животное*, прямо и безоговорочно предназначенное для жизни в обществе. Напротив: человек отличается от большинства других существ своей социальной дисфункциональностью. Он стал неприятным современником для своих современников, и обширная литература о таких понятиях, как "любовь к себе" и "самосохранение" наглядно демонстрирует, что, рассматривая человека, следует сквозь призму взгляда Канта – "необщительную общительность". [8] Соображения такого рода можно рассматривать как первые признаки политической антропологии, возможно, как признаки возникновения антропологии как таковой, но особенно как существенный шаг к осознанию *homo economicus*. "Настоящий" человек, как его описывали со времен Просвещения, оказывается в "*verdorbenen Zustände*", "*отверامي-тельном состоянии*", как заметил теоретик естественного права Пуфендорф; он "существо, исполненное злых желаний". [9] Но что же такого особенного в этих размышлениях? Чем эта искаженная человеческая фигура отличается от грешного человеческого существа христианского богословия?

Начнем с того, что этот человек, придерживаясь описаний XVII века, строго следует своим собственным желаниям; он движим аппетитом и отвращением, влечением и антипатией – короче говоря, он состоит из социальных недостатков и функциональных сбоев. Но это еще не все. Ведь пристальное наблюдение показывает, что именно эти недостатки порождают социальный порядок, который функционирует лучше, чем все другие. В этом смысл знаменитой формулы "личные пороки – общественные блага", которая фигурировала в подзаголовке морально-философского труда Бернарда

Мандевилья "Басня о пчелах". Написанный в начале XVIII века, он изложил далеко идущую социальную теорию. [10] Конечно, – говорит Мандевиль, – человек действует под властью аффектов, желаний и страстей; среди которых всё те же смертные грехи, такие как *Superbia*, *Avaritia*, *Invidia* и *Luxuria*: гордость, жадность, зависть и похоть. Тем не менее, Мандевиль продолжает: не наша сдержанность, а наша неумеренность – новаторский, умный и продуктивный дух – представляют собой самый мощный двигатель; и поскольку разные страсти взаимно вызывают друг друга и поддерживают друг друга, они компенсируют друг друга и уравнивают друг друга. Скупость А сдерживает расточительство В, и уловки каждого способствуют общему благу. Это точка схода аргумента Мандевилья: то, что кажется безнравственным, нерегулярным и презираемым, в итоге составляет динамичный и гармоничный социальный порядок. Вслед за Мандевилем хороший политик имеет в виду только худшее в человеке; он предполагает не добродетели и средние качества, а крайности безудержной страсти, которые он наблюдает как реагенты, которые при хорошем смешивании способны исправить "вредные качества". [11] Важно осознать и принять – то, что невыносимо для отдельного человека, полезно для общества в целом. Современный человек предстает в мире не как рациональный субъект, а как особо страстный человек, способный превратить даже смертные грехи в новое достоинство.

Именно потому, что он антиобщественен, человек вносит свой вклад в социальный порядок; именно его ненадежность позволяет интегрировать его как надежную, поддающуюся расчету величину. Как это возмож-

но? Какой механизм порождает закономерности в этом аномальном существе? Ответы британских эмпириков, французских моралистов и немецких социальных техников совпадают в одном важном пункте: точка схода этой либидинозной динамики лежит в интересующей нас механике. В основе всех действий и страстей, желаний и наклонностей мы находим несводимый элемент, который с XVII века был назван "интересом" или "личным интересом". Мы не будем рассматривать историю концепции, представляющей интерес, но, в самом общем плане, отметим ряд аспектов, которые позволили ей стать теоретическим и практическим стержнем для современного человеческого взаимодействия. [12]

Для начала интерес представлен как последний и несводимый атом человеческого поведения. Чего бы человек ни желал, куда бы его ни толкали страсти или склонности

ИНТЕРЕС – ПОСЛЕДНИЙ И
НЕСВОДИМЫЙ АТОМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ.
ЧЕГО БЫ ЧЕЛОВЕК НИ ЖЕЛАЛ,
КУДА БЫ ЕГО НИ ТОЛКАЛИ
СТРАСТИ – В КАЖДОМ
ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ
РЕШЕНИЯ ДЕЙСТВУЕТ
ЛОГИКА ПРЕДПОЧТЕНИЙ, А В
КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ЛИЧНОЕ
ПРЕИМУЩЕСТВО

– в каждом процессе принятия решения действует логика предпочтений, в конце которой стоит личное преимущество. Даже самые худшие желания, самые пламенные страсти отмечены следом корысти, которая уводит субъекта к удовольствиям, а не к боли. Интерес – это форма воли, которая отказывается от аскетизма, самоконтроля и подав-

ления, действуя только через самоутверждение. Он не знает самоотречения; это принцип без принципов. Он реализует себя перед лицом конкретных альтернатив, он реагирует на случайность мировых событий, но никогда не принимает общего (морального) закона. Предмет интереса – это не моральный субъект, не субъект права; он не приемлет отрицания. Но все же: тот, кто действует из интереса, неизбежно попадает в круговорот обмена с другими; общение с собственными склонностями рождает об-

щество. В сфере интересов встречаются страсти и наклонности всех участников; и везде, где они следуют своим интересам, проявляется социальный закон природы. Французский философ-моралист Гельвеций сформулировал это следующим образом: "Как физическая вселенная лежит в основе законов движения, так и моральная вселенная лежит в основе закона процента". [13]

Взяв все эти элементы вместе, становятся более ясными контуры моральной революции. Фигура человека, сложившаяся в XVII и XVIII века, не знает грехопадения; он ни добрый, ни злой, ни грешный, ни чистый, ни дьявольский, ни ангельский; вместо этого он дисфункциональный и функциональный одновременно. Дисфункциональный, потому что его интеграция в общество отмечена сопротивлением; функциональный, потому что именно это сопротивление ведет к регулярной и исчисляемой связи всего со всем. Это становится законом общества – тем, который управляет им лучше, чем все моральные или юридические законы.

IV. С XVII века в груди человека билось сердце, полное желаний; однако все желания и страсти лишь маскируют обнаженный и непреодолимый элемент, обладающий качеством интереса. Это либидозное созвездие отмечает динамику социального взаимодействия, заставляя порядок возникать из беспорядка, законы – из беззакония. И это становится мотивом, который приводит в движение *homo economicus*. Социальное создается посредством механики страстей и интересов, порождая системные и систематические корреляции, которые сливаются в сеть взаимодействия под названием рыночная или экономическая система. Размышления о рынках и экономике XVII века не просто касаются отношений между ценами, товарами и платежами, но области, управляемой законом процента: субстрат *homo economicus*. Этот субстрат является средой, посредством которой создается элементарная форма социального: среда, кото-

рая связывает движения с действиями, а действия – с коммуникациями, и это подводит нас к заключительному вопросу в этом контексте: что составляет эффективность этого типа человека? Как он проходит через эти системы? Что делает его таким подходящим для будущего? Три замечания:

1. Этот новый человек, ведомый интересами, движется так уверенно, элегантно и надежно в сложном и запутанном мире, потому что он не замечает его сложности и не стремится к тому, чтобы в этом разобраться. Тот, кто следует его интересам и наклонностям, настаивает на их ограничениях; он отворачивается от остального мира и в лучшем случае предполагает, что другие разделяют его замкнутость, каждый из которых превращает страсти в интересы, а интересы в личную выгоду. Его рациональность рациональна только потому, что остается локальной.

2. После этого *homo economicus* является субъектом ограниченного знания; субъект, который не упускает из виду последовательность причин и следствий, постоянно производит следствия, которые ускользают от его взгляда. Однако именно эти непреднамеренные эффекты, возникающие из эгоистических интересов и наклонностей, непреднамеренно оборачиваются благосостоянием в целом. Этот процесс описывается термином, получившим известность со времен Адама Смита: понятием "невидимая рука". В известном отрывке из "Богатства народов" он пишет:

"В действительности он [экономический агент], как правило, не намерен продвигать общественные интересы и не знает, насколько сильно он продвигает их. Предпочитая поддержку отечественной промышленности иностранной, он стремится только к собственной безопасности; и направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукция могла иметь наибольшую ценность, он желает только своей собственной выгоды; и в этом, как и во многих других случаях, его ведет невидимая

рука, чтобы способствовать достижению цели, которая не входила в его намерения. Для общества не всегда хуже, что оно не является его частью. Преследуя свои собственные интересы, он часто продвигает интересы общества более эффективно, чем когда он действительно намеревается продвигать их. Я никогда не слышал много добра от тех, кто стремился торговать на благо общества". [14]

Это одна из самых важных сцен в истории *homo economicus*: существо, которое надежно благодаря своим ограничениям; социально из-за его отсутствия социальности. Прежде всего, тот, кто лучше всех управляет собой и другими, когда им никто не управляет. Нет ничего – и это станет лейтмотивом позднего либерализма – вреднее правительства, которое хочет творить добро. Смит описывает форму власти, которая, как и Мефистофель в "Фаусте" Гете, всегда желает зла, но творит добро. Гражданское общество, которое формируется вокруг человека экономического, как его среда, управляется им вслепую; нет доброжелательного лидера, который через понимание и надзор принесет пользу всем. Человек экономический подчиняется своим интересам, но является средой гражданского общества.

3. Однако этот экономический человек не просто тот, кто упускает из виду общую картину. Правильнее было бы сказать, что его существо отличается фундаментальным недостатком. Этот недостаток является продуктивным; примерно в конце XVIII века, человек обнаруживает продуктивность дефицита, отсутствия и нехватки. В этом контексте, возможно, стоит вспомнить более раннюю версию "невидимой руки" Смита, описанную в первом томе его работы по моральной философии "Теория моральных чувств" 1759 года. "Гордый и бесчувственный землевладелец", как пишет Смит, может созерцать свои обширные поля и, "не задумываясь о нуждах своих братьев", мысленно потребляет "весь урожай, который растет на них". Однако "вместимость его

желудка" "не имеет отношения к необъятности его желаний" и действует как физический или физиологический предел. Следовательно, ему придется распределить излишки между своими работниками, и именно его стремление к большей "роскоши и капризу" в конечном итоге приведет к удовлетворению потребностей других. Несмотря на это, или именно благодаря этому – "естественному эгоизму и жадности", богатые делятся своим богатством с бедными. Смит пишет:

"Невидимая рука ведет их к тому, чтобы обеспечить почти такое же распределение предметов первой необходимости, которое было бы сделано, если бы земля была разделена на равные части между всеми ее обитателями, и таким образом, не имея намерения, не зная об этом, продвигала интерес общества и средства для размножения видов". [15]

И здесь двигатель слепых и эгоистичных устремлений служит общим благом. Но прежде всего мы видим здесь проявление неутолимого желания, безграничность которого превосходит потребности и их удовлетворение, превосходит даже возможности его физического вместилища. Однажды Маркс назовет это "абстрактным гедонизмом" капиталиста, чье накопление денег и капитала не соответствует никаким конкретным потребностям или желаниям. Это еще одна важная составляющая *homo economicus*. Наконец, начиная с конца XVIII века, экономические субъекты производства путем включения нехватки продукта, как автоматы желания стали художниками дефицита, которые всегда хотят того, чего у них нет. Как Фауст Гете, человек экономический ощущает недостаток в изобилии и обосновывает желание в недостатке. В своем бесконечном стремлении к конечному он всегда что-то упускает. Это машина желаний *homo economicus*; тип, который, руководствуясь эгоистичными наклонностями, ограниченными знаниями и неограниченным неудовлетворенным желанием, всегда

хочет того, чего не может получить, и делает то, чего не хочет. Или, словами Гете и Лумана: "Того, кто борется изо всех сил, мы можем обложить налогом". [16]

V. В современном мире *homo economicus* трудится на двух полях одновременно: случайность случайного мира и поток собственных желаний, страстей и интересов. В нем предположения о состоянии мира связаны с предположениями о природе человека, что в свою очередь ведет к устойчивым изменениям в нашей вселенной морали и экономике человеческого взаимодействия. Начнем с того, что этот современный *homo economicus* появляется на сцене не как рациональный, а как либидинозный субъект, в лучшем случае регулирующий свои страсти с помощью механизма интереса. Во-вторых, он слепой субъект ограниченного знания; однако именно в своей слепоте он непреднамеренно создает гармоничное общество. В-третьих, это делает его врагом государства в весьма специфическом смысле: для него навязывание хорошей системы законов и институтов препятствует появлению хорошей систематичности как таковой. В-четвертых, *homo economicus* далек от того, чтобы быть особенно хорошо управляемым типом человека. Приоритеты рынка и экономики создали среду, в которой его интересы и желания управляются сами собой, уравнивая одно с другим. Закон, создающий здесь порядок, не является чуждым отдельным агентам; он исходит из их собственных эгоистичных сердец и управляет ими лучше и эффективнее, чем мог бы любой регент: как невидимая рука. Человеку экономическому – и это будет часто повторяться – не нужны мудрые законодатели или расчетливые политики. Гражданское общество, которое он создал, контролируется динамикой, в кото-

рой, хотя отдельные агенты нестабильны и неопределенны, в целом все поддается расчету и предсказуемости. Здесь возникает область закономерностей, не требующая правовых рамок и моральных законов. С XVIII века рынок – не просто один из торговых участков, но место, где формируется социальный порядок: катализатор превращения страстей в интересы, интересов – в гармоническое целое. Наконец, у *homo economicus* особый образ жизни: продвигаемый вперед своим ограниченным осознанием и узким кругозором, он умен в невежестве. Нечто подобное происходит в немецком Bildungsroman, романе воспитания: Вильгельм Майстер тоже оказался в нужном месте благодаря непредвиденным обстоятельствам и ограниченному знанию; то есть благодаря невидимой руке, ведущей его выше. [17]

С XVIII ВЕКА РЫНОК – НЕ ПРОСТО ОДИН ИЗ ТОРГОВЫХ УЧАСТКОВ, НО МЕСТО, ГДЕ ФОРМИРУЕТСЯ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: КАТАЛИЗАТОР ПРЕВРАЩЕНИЯ СТРАСТЕЙ В ИНТЕРЕСЫ, ИНТЕРЕСОВ – В ГАРМОНИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ.

Отсюда, мы можем проследить судьбу *homo economicus* в XIX века, где концепции энергии и работы сопутствуют выгорание, усталость и истощение; где для него – как для экономической системы как таковой – кризисы и нестабильность стали необходимостью, а

также катарсическими эпизодами самоощущения. [18] Однако, прежде всего, закономерности рынка стали определять измерения человеческого взаимодействия. Классическая экономика уже признала рациональность экономического знания в той точке, где экономическая система проявляет себя как реальность всех систем, где *homo economicus* проявляется как истина человека, а экономическое общество функционирует как реальное социальное. На этом движение, в котором определение экономической науки в XIX веке идет рука об руку с универсализацией ее категорий, подходит к концу. Особый характер экономических систем позволяет экономическому

знанию классифицировать себя как основу для других форм знания: "Политическая экономия, которая, предположительно, касалась только материальных благ, оказалась охватывает социальную систему в целом; [это] связано со всем в обществе". [19] Для всех видов либерализма XX века, и особенно для того, который с середины XX века носит название неолиберализма, рынок и его законы больше не являются просто подсистемой общества, которая действует вместе с другими подсистемами – политикой, правом, искусством и т. д. Либеральная / неолиберальная программа, скорее, состоит в распространении законов рынка на все сферы общества; и основное предположение состоит в том, что это расширение гарантирует оптимальную управляемость. Как заметил Фуко, различные либерализмы можно понять как искусство управления, которое не овладевает напрямую индивидуумом, но создает среду, в которой прежние формы подчинения и дисциплины угасают. Там, где дисциплинарная власть установила серию микросудов, либерализм и неолиберализм продвигают форму власти, которая разбрасывает микрорынки повсюду в социальной сфере. [20] Экономическое управление рассматривает человека как в высшей степени управляемое существо, нацеленное на его эффективную и прочную самостоятельную занятость в области, где конкуренция во всех ее формах распутывает и пронизывает беспорядок социальных отношений.

Это знаменует двойную трансформацию *homo economicus*. С одной стороны, он становится деантропологизированным, выброшен из его антропологического конструкта – который до сих пор определял его существо в XVIII и XIX веках. Современная экономическая теория больше не рассматривает человека экономического как податливую фигуру с желаниями, интересами и наклонностями, а как абстракцию, вымысел или модель, используемую для объяснения определенных проблем и ситуаций. Человек экономический становится теоретическим зондом, уст-

ройством для проверки функциональности институтов, организаций и форм коммуникации. Из более или менее реального существа он превратился в эвристическую фигуру, конструкцию, с помощью которой процессы принятия решений в зависимости от ситуации могут быть проанализированы в каждом конкретном случае. С другой стороны, неэкономичный человеческий остаток, "полноценный человек", появляется на сцене как новый фактор производительности. Недавние изменения выявили неиспользованные ресурсы и ожидают, что новая экономика выйдет за рамки экономического, раскрывая активы, скрытые в повседневной жизни, *Lebenswelt*, мире социальных отношений. Экономика должна стать "*Vitalpolitik*" [21], *жизненной политикой*, которая объясняет людей в полноте своего существования днем и ночью, как членов семьи и средства воспроизводства, как любящих, мечтающих, здоровых и больных существ. Экономика, или лучше, капитализм должен постоянно осознаваться заново и становится в определенном смысле эмпатичным; в любом случае его уже нельзя спутать с рациональным расчетом прибыли. Понятие "человеческий капитал", появившееся в 1960-х годах, мотивировано этим расширением экономического поля, этим желанием охватить и извлечь выгоду из всех аспектов человеческого материала: от генетического состава до приобретенных навыков или компетенций, от рисков для здоровья до взаимоотношений, от тайных склонностей к творческим способностям. Экономисты и лауреаты Нобелевской премии, такие как Гэри Стэнли Беккер [22], апеллируют к "экономическому империализму", который обосновывает свою эффективность уменьшением функциональной дифференциации. Социальное / экономическое. Домохозяйства рассматриваются как небольшие фабрики, отдельные лица – как микропредприятия, и неолиберальное искусство управления разворачивается там, где к экономическим субъектам больше обращаются не просто как к рабо-

чим, торгующим, производящим и потребляющим существам, а как к образцам "полноценного человека", со всеми их навыками, умениями, воображением и желаниями.

Все это связано с новым типом управления, основанным на ослаблении или ликвидации старых символических границ. Организационные структуры разжижаются, рабочие отношения перестраиваются по принципу "экономики в любое время и в любом месте", и профессиональный человек становится рабочим кочевником в сумеречной зоне между домом и офисом, частной жизнью и работой, личными и профессиональными отношениями. [23] Модные слова менеджмента и экономики представляют различные способы программирования, то есть реализации реальности: обучение на протяжении всей жизни, гибкость и гегемония краткосрочных обязательств требуют распада стабильной идентичности и оставляют будущее для туманного, постоянно меняющегося Я. Книги самопомощи для наемных работников говорят о конце профессиональной рутины, предсказуемой жизни и карьере. Прежняя задача – рассматривать карьеру как процесс самостановления, уступает место новой – овладеть искусством меняться, становиться другим. [24] Принуждение к идентичности стало принуждением к неидентичности, инаковости, уникальности.

Производство этих так называемых лоскутных идентичностей стало экономической программой; программой, которая порождает предметы с гибким стержнем и нечеткими краями. Это может быть час литературы, которая всегда считала себя игровой лабораторией социализации. Но прежде всего это эпоха фантастики. Недавние руководства по работе и корпоративной культуре не оставляют у нас никаких сомнений: неolibеральная экономика зависит как от водорастворимых предметов, так и от мифических моделей – моделей, которые гарантируют готовность актора действовать, побуждая его выполнять эзотеричес-

кие миссии. Уже в 1980-х Альфред Херрхаузен и Гертруда Хёллер предписали банкирам определенные группово-динамические модели идентификации; и там, где старые модели больше не работают, они рекомендуют архаичные типы, которые сейчас начинают населять мир бизнеса: воин или рыцарь, переходящий от приключения к приключению; шаман творит чудеса; спаситель, вмешивающийся в чрезвычайные ситуации; волшебник, всегда готовый дать мудрые советы и т. д. В то время как новая экономика выступает за расширение прав и возможностей человека, эти воплощения индустрии компенсируют коммерческое ослабление Я трансформацией старого человека, сделанного самим собой, в нового, созданного человеком. [25] Похоже, это последняя реализация *homo economicus* – человека, который идет рука об руку с новым способом субъективации. Однако это происходит в офисе: управление социальным, очевидно, вызывает эзотерические фантазии, в которых жизни, а также то, что когда-то называлось обществом, очаровывают самих себя. Это характеризует современную эстетику бытия – эстетику, известную под названием "самодействие". В этом контексте архаизмы приобретают обновленную функциональность. Законы фантазии приняли замысел предмета и его различные обличья.

Концепция "новой экономики" отмечает здесь предел или порог. Где *homo economicus* когда-то был средством, которое реализовало гражданское общество и его различия, его последние мутации положили конец этому обществу. Новый образец функционирует экономически только постольку, поскольку он пренебрегает разграничением экономического и позиционирует себя как агент взрыва: в точке, где любовь и страсть, наука и закон, здоровье и вкус перестают быть просто капитальными активами. Возможно, техническая сторона этой мутации заключается в переходе от суперкода денег к гиперкоду цифровых данных. На рынке мы все еще платим деньгами, но деньги всегда

уже оплачены информацией. Эта информационная система не только сталкивает экономику с ее внешними, пока еще непреодолимыми пределами; она также обращается к человеческому капиталу. С этой фигурой история *homo economicus* подходит к концу; он уступает место новому типу людей: типу, который действует экономически именно за счет производства самого себя, своей собственной субъективности и духовности.

References:

1. "Der ökonomische Mensch" буквально означает "экономический человек", но, поскольку это звучит несколько неловко, я решил перевести его как "homo economicus", выдвинув на первый план гендерное измерение, менее очевидное в исходном тексте.
2. Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь / перевод с англ. П. Вейнберга. – М.: ЭКСМО, 2002. – Венецианский купец. Акт 1, сцена 1.
3. Francois Ewald, *Der Vorsorgestaat*, Frankfurt a. M. 1993, p. 209 ff.; Burkhardt Wolf, *Die Sorge des Souveräns. Eine Diskursgeschichte des Opfers*. Zürich, Berlin 2004, p. 70 ff., 92; Peter Sloterdijk, *Im Weltinnenraum des Kapitals. Für eine philosophische Theorie der Globalisierung*, Frankfurt a. M. 2005, p. 134 ff.
4. Luca Pacioli, *Ancient double-entry bookkeeping*. Lucas Pacioli's treatise, edited by John B. Geijsbeek, Denver 1914.
5. Francois Véron de Forbonnais about Italian bookkeeping; in *Recherches et considérations sur les finances de France*, Basel 1758, Book 2, p. 429-30.
6. Pacioli, p. 37.
7. Sloterdijk, p. 79.
8. Immanuel Kant, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. In: *Werke*, edited by W. Weischedel, Wiesbaden 1964, Book 6, page 37; *Zum ewigen Frieden*, page 224.
9. Samuel Pufendorf, *Die Gemeinschaftspflichten des Naturrechts. Ausgewählte Stücke aus 'De officio Hominis et Civis'*, 1673, Frankfurt a. M. 1943, page 9 ff.
10. Bernard Mandeville, *The Fable of the Bees: Or, Private Vices, Public Benefits*, London 1795.
11. *Ibid.*, p. 55-56.
12. See Albert O. Hirschman, *Leidenschaften und Interessen. Politische Begründungen des Kapitalismus vor seinem Sieg*, Frankfurt a. M. 1980, p. 23-57; Michel Foucault, *Geschichte der Gouvernementalität II. Die Geburt der Biopolitik. Vorlesungen am Collège de France 1978-1979*, Frankfurt a. M. 2004, p. 73 ff., 367 ff.
13. Claude Adrien Helvetius, *De l'esprit*. Paris 1758, p. 53: "Si l'univers physique est soumis au loix du mouvement, l'univers moral ne l'est pas moins à celle de l'interest."
14. Adam Smith, *The Wealth of Nations*, Hampshire 2007, p. 293.
15. Adam Smith, *Theory of Moral Sentiments*, Cambridge 2002, p. 215-216.
16. In German: "Wer immer strebend sich bemüht, den können wir besteuern." Niklas Luhmann: *Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft*, Bd. 3, Frankfurt a. M. 1989, S. 215. In the original citation from Goethe's *Faust II*, the angel says "erlösen", redeem, instead of "besteuern", tax.
17. Johann Wolfgang von Goethe, *Wilhelm Meisters Lehrjahre*. In: *Werke*, edited by E. Trunz, München 1981, Volume 7, p. 388-393.
18. See Anson Rabinbach, *The Human Motor. Energy, Fatigue and the Origins of Modernity*, Berkeley 1990; Joseph Vogl, *Kalkül und Leidenschaft. Poetik des ökonomischen Menschen*, München 2004, p. 248 ff.
19. Jean-Baptiste Say, *Cours complet d'économie politique pratique*, Vol. 1, Paris 1828, cited in Fernand Braudel, *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century: The perspective of the world*, Berkeley 1992, p. 19.
20. Foucault, p. 359, 367 ff.
21. After Rüstow; see Foucault, p. 210, 223 f.
22. Gary S. Becker, *The Essence of Becker*, edited by R. Ferrero, P. S. Schwartz, Stanford 1995, p. xxi; Gary S. Becker, *A Treatise on the Family*. Enlarged Edition, Cambridge / Mass., London 1991; *The Economic Approach to Human Behavior*, Chicago 1976; Burkhard Jaeger, *Humankapital und Unternehmenskultur. Ordnungspolitik für Unternehmen*, Wiesbaden 2004; Theodore W. Schultz, *In Menschen Investieren. Die Ökonomik der Bevölkerungsqualität*, Tübingen 1986.
23. Robert Johansen, Rob Swigart, *Upsizing the Individual in the Downsized Organization. Managing in the Wake of Reengineering, Globalization, and Overwhelming Technological Change*, Reding / Mass. 1994, p. 21 ff. – also see Dirk Baecker, *Post-heroisches Management. Ein Vademecum*, Berlin 1994; Richard Sennett, *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York 2000; Nikolas Rose, 'The death of the social? Refiguring the territory of government', in: *Economy and Society* (1996), 25, 3, p. 327-56.
24. See William Bridges, *Creating You & Co.: Learn To Think Like The CEO Of Your Own Career*, Cambridge / Mass. 1998; Conrad Seidel, Werner Beutelmeier: *Die Marke Ich. So entwickeln Sie Ihre persönliche Erfolgsstrategie!*, Vienna 1999.
25. See Johansen, Swigart, p. 5, 165 ff.

THE PHENOMENOLOGY OF HOMO ECONOMICUS

Ailon Galit, Associate Professor, economic and organizational sociologist, Department of Sociology and Anthropology, Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel

Much has been written about the fictitious nature of the atomistic model of homo economicus. Nevertheless, this economic model of self-interest and egoism has become conventional wisdom in market societies. This article offers a phenomenological explanation for the model's commonsensical grip. Building on the work of Alfred Schutz, I argue that a reliance on homo economicus as an interpretive scheme for making sense of the behavior of economic Others has the effect of reversing the meaning of signs and doubts that challenge the model's assumptions. Moreover, it orients social action in ways that prevent the model's interpretive incongruences from rising to the reflective fore. Consequently, an interpretive reliance on homo economicus creates a "phenomenological gridlock." Alternative sources of information and alternative interpretive schemes can bypass this entrapment of the economic interaction, but this article further explains why the norms and cultural horizons of market society limit the accessibility of these alternatives, thus, in effect, sedimenting gridlocked experiences.

Keywords: homo economicus; phenomenology; Alfred Schutz; economic interaction; market society.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.2

УДК 316.7

БАК 22.00.05

© Айлон Г., 2021

© Григорьева М.А., перевод
с англ., 2021

Ailon Galit. The Phenomenology of Homo Economicus // Sociological Theory. 2020, Vol. 38(1) 36-50.

Перевод с английского кандидата полит. н. М.А. Григорьевой

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НОМО ECONOMICUS

Много было написано о фиктивной природе атомистической модели homo economicus. Тем не менее, эта экономическая модель личных интересов и эгоизма стала общепринятой в рыночных обществах. В этой статье предлагается феноменологическое объяснение здравого смысла модели. Основываясь на работах Альфреда Шюца, я утверждаю, что опора на homo economicus как интерпретирующую схему для понимания поведения экономических других субъектов приводит к изменению значения знаков и сомнений, которые бросают вызов предположениям модели. Более того, он ориентирует социальные действия таким образом, чтобы интерпретационные несоответствия модели не выходили на передний план. Следовательно, интерпретирующая опора на homo economicus создает "феноменологический тупик". Альтернативные источники информации и альтернативные схемы интерпретации могут обойти эту ловушку экономического взаимодействия, но в этой статье далее объясняется, почему нормы и культурные горизонты рыночного общества ограничивают доступность этих альтернатив, тем самым, по сути, осаждая заблокированный опыт.

Ключевые слова: homo economicus; феноменология; Альфред Шюц; экономическое взаимодействие; рыночное общество.

В начале своей истории в качестве модели человеческой природы жадный и расчетливый *homo economicus* был описан Джоном Стюартом Миллем (1844: 144) как "произвольное определение человека", редукционистское для аналитических целей. [1] Милль (1844: 139) также заявил, что ни один политический экономист "никогда не был настолько абсурден, чтобы предполагать, что человечество действительно так устроено". Интересно, что Милля часто называют создателем *homo economicus* (например, Morgan 2006: 4-5; Persky 1995: 222). [2] Хотя эта модель широко используется в экономике, она была предметом споров; она была изменена многими экономистами (Morgan 2006 [3]) и его предпосылки были аналитически дискредитированы экономическими социологами и антропологами (обзоры см. в

ГАЛИТ Айлон,
доцент, экономический и
организационный социолог,
факультет социологии и
антропологии,
Университет Бар-Илан,
Рамат-Ган, Израиль

Carrier 2005; Smelser and Swedberg 2005). Тем не менее, *homo economicus* в значительной степени стал само собой разумеющимся, общепринятым мнением. Исследователи различных теоретических направлений предложили объяснения его распространения в рыночных обществах (см., Например, Bourdieu 2005: 1-13; Cohen 2014; Foucault 2008).

В этой статье я пытаюсь объяснить, как экономическое представление о том, что люди вычисляют атомы собственных интересов, имеет смысл. Отправной точкой послужило то, что это понятие не относится к реальности, с которой члены рыночных обществ редко сталкиваются: при этом каждый сталкивается с людьми в экономических взаимодействиях практически каждый день. Учитывая, что *homo economicus* – это "произвольное определение", актуальность которого является абсурдом, как его первоначально изобразил Милль, и, как утверждали многие исследователи, я предлагаю задаться вопросом, как *homo economicus* переживает эти повседневные экономические взаимодействия. Почему люди регулярно и в подавляющем большинстве не воспринимают его произвольность и абсурдность в ходе своей повседневной экономической жизни?

Существующая социально-экономическая теория предлагает два возможных, но неполных ответа на этот вопрос. Во-первых, люди не понимают абсурдности *homo economicus*, потому что эта модель стала реальностью. Экономические агенты могут не иметь естественной предрасположенности к асоциальному эгоизму, но в рыночном обществе они могут быть социально мотивированы, принуждены, настроены или иным образом настроены так, чтобы вести себя подобным образом. [4] Возможно, наиболее прямая современная теоретическая формулировка этой возможности была предложена теоретиком экономической перформативности Мишелем Каллоном (Michel Callon, 1998), который утверждает,

что экономическая теория обладает значительной перформативной способностью создавать мир, который она описывает (см. также MacKenzie, Muniesa, and Siu 2007). Эта способность включает конфигурацию основной фигуры экономической теории – *homo economicus*. "Очевидно, – настаивает Каллон (1998: 50-51), – *homo economicus* действительно существует", и социологи не должны ни отрицать его существования, ни стремиться дать ему "немного больше души – жизни и тепла, которых ему не хватает".

Однако даже другие теоретики перформативности сочли этот аргумент чрезмерно крайним. В своем исследовании исторической социологии обмена производными финансовыми инструментами Маккензи и Милло (MacKenzie and Millo, 2003: 109) обнаружили, что, хотя перформативность экономической теории существенна, она имеет пределы, которые относятся именно к конфигурации *homo economicus*: изучаемые ими экономические субъекты "не были и не стали атомистическими, аморальными *homines oeconomici*". Заявив, что Каллон сам признает, что форматирование *homo economicus* "никогда не бывает полным или стабильным", Маккензи и Милло (2003: 140-41) выразили сомнение, может ли эта модель "быть настроена положительно на реальных мужчин и женщин". Основываясь на своем эмпирическом анализе, они подтверждают основополагающее понятие Грановеттера (1985) о "встроенности", и, таким образом, они присоединяются к длинному ряду экономистов-социологов, которые неоднократно доказывали, что экономические агенты не ведут себя в соответствии с принципами, предложенными атомизирующими концепциями экономического действия (см. Krippner and Alvarez 2003: 223-27). Проще говоря, экономические агенты всегда остаются гораздо более социальными и сложными, чем их представляет модель *homo economicus*: они стремятся наладить отношения, они часто доверяют и заботятся, подчиняются, иногда теряют себя, иногда хотят помочь и так далее.

Следовательно, остается открытым вопрос: что мешает людям в рыночных обществах регулярно и в подавляющем большинстве признавать абсурдность *homo economicus*? Второй возможный ответ заключается в том, что люди просто не задумываются над этим вопросом. Действуя привычно в повседневной жизни, они спонтанно используют практические ноу-хау, которые усвоили до этого, включившись в более широкие структуры общества (Bourdieu 1977). На основании чего можно утверждать, что *homo economicus* – часть этого ноу-хау. Удобная с практической точки зрения и сама собой разумеющаяся схема восприятия уходит корнями во "вселенную не обсуждаемого" рыночного общества (Bourdieu 1977: 168).

Это правдоподобное объяснение, но, как отметили ученые (например, Crossley 2001; Myles 2004), привычные отношения никогда не заходят так далеко, чтобы исключить весь рефлексивный потенциал. Даже если мы начнем с привычки, мы должны спросить, как на самом деле работает это неверное понимание экономических Других. В конце концов, мы не говорим о непонимании абстрактных или неуловимых реальностей, таких как работа символической власти или произвол социальных структур. Мы также не имеем дела с экстраординарными реалиями. Мы обсуждаем реальность людей, которых мы обычно встречаем в повседневных экономических взаимодействиях. На первый взгляд, абсурдный *homo economicus* – это как раз тот случай, когда потенциал рефлексивности может легко возникнуть из повседневных привычных действий.

Эта статья предлагает объяснение того, почему этот потенциал, тем не менее, ограничен. Мое объяснение основано на фундаментальной социальной феноменологии Альфреда Шюца (например, 1967, 1970). Шюц исследует существенные особенности процесса интерпретации, которым наделяет человека жизненный опыт, в том числе,

что особенно важно, его жизненный опыт общения с Другими, смыслом, и показывает, как эти процессы формируют основу действия и взаимодействия. Под влиянием философии Эдмунда Гуссерля, точка зрения Шюца – это конституирование смысла в потоке сознания уединенного Эго. Тем не менее, когда Шюц приступает к изучению социального мира, например, в своей главной работе *Феноменология социального мира* (Schutz 1967: 43-44, 97-98) – он явно отказывается от гуссерлевского метода трансцендентально-феноменологической редукции, [5] откладывает философский вопрос о том, "как Ты конституируется внутри Эго", и вместо этого сосредотачивается на субъекте, который пытается понять других, себя изнутри "естественных отношений". По словам Кроссли (1996: 77), в этой книге и во всех дискуссиях вокруг интерсубъективности, Шюц рассматривает "человека как на воплощенное существо, чьи действия основаны на общих социальных ресурсах и ноу-хау или "здравом смысле", и который всегда уже заведомо помещен в среду других подобных воплощенных и ситуационных существ". Обсуждения Шюца предлагают нам категории, которые могут помочь проанализировать, что происходит, когда *homo economicus* становится частью этого запаса здравого смысла, который акторы используют в процессе экономических взаимодействий.

Представляя такой анализ, я утверждаю, что, когда акторы используют *homo economicus* как здравомыслящую схему интерпретации, модель "улавливает" их субъективный опыт и восприятие экономических Других. В частности, интерпретативное доверие к этой модели преобразует потенциальные опровержения в повторные подтверждения, которые укрепляют здравый смысл модели. Таким образом, *homo economicus* создает отчужденный "феноменологический тупик". Некоторые потенциальные источники информации и идей об экономике Других могут, а иногда и дела-

ют, обойти тупик, но в этой статье далее объясняется, почему эти источники в значительной степени становятся недоступными из-за всеобъемлющих норм и культурных дискурсов рыночного общества.

Обращаясь к Шюцу, важно с самого начала упомянуть, в чем я от него отхожу. Шюц много лет работал в банковской сфере и в течение десяти лет был активным членом австрийской школы экономики (Prendergast 1986). Он занял сложную позицию в отношении экономической модели человека. С одной стороны, Шюц (2011: 87) назвал свои предположения фиктивным изображением актора, который "не является человеком, который живет полной жизнью среди своих собратьев" и который характеризуется "воображаемым сознанием". С другой стороны, он рассматривал эту модель как методологически полезное сокращение чистой теории. Шюц (2011: 86-92) подразумевал, что до тех пор, пока экономисты помнят, что воображаемая "марионетка существует и действует по милости ученого", она может выполнять полезные теоретические функции в научном процессе.

Интересно, однако, что сам Шюц подтвердил проблемную тенденцию забывать этот факт. Он писал, что некоторые теоретики приходят к "предположению, что человеческий разум не может работать иначе, чем фиктивное сознание, которым, по их представлениям, наделена искусственная марионетка" (Schutz 2011: 91). Эта забывчивость, возможно, имела свои последствия, и к настоящему времени она распространилась далеко за пределы области теории (см. Bourdieu 2005: 1-13; Cohen 2014; Foucault 2008). Соответственно, решающее значение приобретают вопросы его феноменологических проявлений и следствий. Первым шагом к ответу на эти вопросы является пристальный взгляд на значение *homo economicus* для взаимодействия как готовой схемы интерпретации.

Схема интерпретации Homo Economicus

Отправной точкой феноменологического анализа взаимодействий Шюца (1967: 100, 106-07) является тот факт, что мы не можем непосредственно интуитивно или полностью уловить потоки опыта других людей. Мы можем внимательно относиться к коммуникативным усилиям других – к тому, что они пытаются рассказать нам о себе и о своих желаниях. В ситуациях лицом к лицу мы также можем уловить внешние факты, такие как их телодвижение. Воспринимая такую коммуникативную и выразительную информацию, как указание на субъективный опыт других, мы полагаемся на усилия интерпретатора, чтобы понять, что эта информация на самом деле означает.

Эти интерпретации определяются общим контекстом знаний, доступных нам, и в первую очередь тем, что мы знаем или думаем, что знаем о мотивах других. Шюц (1967: 171) говорит о двух мотивах в этом отношении: "потому что", то есть причинах действий человека, и "мотива, обусловленных необходимостью", а именно субъективных целях, определяющих действия человека или перспективы, на достижение которых нацелены их действия. *"Всякий раз, когда я взаимодействую с кем-либо, – подчеркивает Шюц (1967: 171), – я принимаю как должное в этом человеке набор подлинных мотивов "потому что" или "по необходимости" (курсив в оригинале).*

В значительной степени основанная на культурно объективированных убеждениях, эта само собой разумеющаяся схема интерпретации приписанных мотивов связана с социальной "структурой релевантности" (Schutz 1953 [6]; Schutz and Luckmann 1973), и на нее прагматично полагаются в релевантных ситуациях. [7] В таких ситуациях люди в первую очередь используют схему интерпретации в качестве отправной точки, независимо от того, являются ли приписанные мотивы реальными мотивами

Другого (Schutz 1967: 172). Такие схемы, заранее составленные в нашем сознании и готовые к использованию, позволяют нам приблизиться к плану действий другого человека и предвидеть их интерпретацию из набора субъективного значения наших собственных знаков и действий.

Тем не менее, эта существовавшая ранее схема интерпретации первой инстанции может быть изменена. Точнее, это будет "восприниматься как должное при отсутствии доказательств в пользу обратного" (Schutz 1970: 81). Чтобы признать, что жизненный опыт превосходит его, должна быть "обратная ссылка на схемы, которые у нас есть, с последующим "отказом в установлении связи". Это, в свою очередь, ставит под сомнение обоснованность схемы" (Schutz 1967: 84-85). Пока такие доказательства не появятся, схема остается частью личного запаса знаний о мире, которыми мы используем – мы можем даже сказать, так происходит обычно [8] – в соответствующих сделках.

В случае *homo economicus* мотивы "потому что" и "для того чтобы" кажутся простыми. А именно, люди во всем мире стремятся получить максимальную выгоду и обеспечить продукту или услуге наибольшую ценность, потому что они естественным образом движимы личными интересами. В той мере, в какой эта общая типизация или "идеальный тип" укореняется в сознании людей, она становится частью их повседневного знания (Schutz 1967: 181, 185). Это означает, что, когда они встречаются партнера по экономическому взаимодействию, первое, что они пытаются понять – что знают о них, а именно: что жадность и эгоизм со-

ставляют преобладающие внутренние причины их действий. Они приписывают эти мотивы сознанию партнера еще до того, как партнер заговорит или сделает что-либо.

Тем не менее, как только взаимодействие начинает разворачиваться, знание Другого может быть пересмотрено. Согласно

Шюцу (1967), это особенно вероятно при личной встрече. В этой ситуации "ориентация на ты" актуализируется посредством нашего намеренного обращения к Другому как к ближнему человеку, и в случае взаимности могут возникнуть "мы-отношения" (Schutz 1967: 163-67; Wagner 1970: 34). Личное общение отличается тем, что раскрывает мотивы другого человека. Шюц (1967: 172) объясняет это так: "Я могу добавить к своему ожиданию того, что вы собираетесь делать, фактическое видение того, как вы принимаете решение, а затем и самого вашего действия во всех его составляющих фазах". По сравнению с моими знаниями о современнике, который "существует со мной во времени, но которого я не испытываю сразу" (Schutz 1967: 181), мои знания из ситуации "лицом к лицу" потенциально более детализированы и непосредственны. Таким образом, личное общение несет больше возможностей для признания правильности или неправильности ранее существовавших схем интерпретации. Схемы, которые "возвращают в реальность" (Schutz 1967: 185), могут быть изменены на основе конкретного опыта. Но интерпретирующая опора на схему *homo economicus*, как я буду доказывать, сводит к минимуму вероятность таких пересмотров и возвратов, даже при личном общении.

КОГДА ОНИ ВСТРЕЧАЮТ ПАРТНЕРА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ, ПЕРВОЕ, ЧТО ОНИ ПЫТАЮТСЯ ПОНЯТЬ – ЧТО ЗНАЮТ О НИХ, А ИМЕННО: ЧТО ЖАДНОСТЬ И ЭГОИЗМ СОСТАВЛЯЮТ ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ ИХ ДЕЙСТВИЙ. ОНИ ПРИПИСЫВАЮТ ЭТИ МОТИВЫ СОЗНАНИЮ ПАРТНЕРА ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ПАРТНЕР ЗАГОВОРIT ИЛИ СДЕЛАЕТ ЧТО-ЛИБО.

Шюцу (1967), это особенно вероятно при личной встрече. В этой ситуации "ориентация на ты" актуализируется посредством нашего намеренного обращения к Другому как к ближнему человеку, и в случае взаимности могут возникнуть "мы-отношения" (Schutz 1967: 163-67; Wagner 1970: 34). Личное общение отличается тем, что раскрывает мотивы другого человека. Шюц (1967: 172) объясняет это так: "Я могу добавить к своему ожиданию того, что вы собираетесь делать, фактическое видение того, как вы принимаете решение, а затем и самого вашего действия во всех его составляющих фазах". По сравнению с моими знаниями о современнике, который "существует со мной во времени, но которого я не испытываю сразу" (Schutz 1967: 181), мои знания из ситуации "лицом к лицу" потенциально более детализированы и непосредственны. Таким образом, личное общение несет больше возможностей для признания правильности или неправильности ранее существовавших схем интерпретации. Схемы, которые "возвращают в реальность" (Schutz 1967: 185), могут быть изменены на основе конкретного опыта. Но интерпретирующая опора на схему *homo economicus*, как я буду доказывать, сводит к минимуму вероятность таких пересмотров и возвратов, даже при личном общении.

Феноменологический тупик

Как мы видели, интерпретирующая схема *homo economicus* концептуализирует Другого в терминах эгоистического мотива и мотива, максимизирующего ценность для того, чтобы мотивировать. Я утверждаю, что при использовании во взаимодействиях эта интерпретирующая схема захватывает три основных канала, по которым люди иначе могли бы прийти к осознанию неточности мотивов, которые они приписывают тем, с кем они взаимодействуют. А именно, схема превращает сообщенные признаки заботы в подозрительные признаки манипуляции, она присваивает переживания интерпретативного сомнения и препятствует попыткам социального воздействия Другого. Таким образом, это приводит к тупику.

Я утверждаю, что этот тупик связан с любым взаимодействием, в котором *homo economicus* используется в качестве основной схемы интерпретации для осмысления поведения другого человека. Обычно это включает классическое коммерческое взаимодействие покупателя и продавца – аналитическую колыбель *homo economicus*. Но тупик может также возникнуть во взаимодействиях, моделируемых культурно (Zelizer 2011) на основе коммерческого обмена, например, внутриорганизационных или сервисных взаимодействий, когда в контексте углубляющейся рыночной логики в организациях (см. Cappelli 2000; Kunda and Ailon-Souday 2005) партнеров заставляют думать друг о друге как о покупателях и продавцах на рынке. Этот тупик не имеет прямого отношения к ситуациям, в которых партнер по взаимодействию неизвестен или нематериален (как на онлайн-рынках), хотя, как я буду обсуждать в разделе "Выводы", он также подразумевает эти ситуации.

Преобразование признаков заботы в подозрительные признаки манипуляции

Общение между двумя людьми состоит из попыток каждого повлиять на другого, подавая знаки – вербальные и невербальные – для интерпретации Другим. Важно под-

черкнуть сложность этого процесса: слова, выражения и движения имеют значение для переводчика. Хотя найденные в них значения "вовсе не обязательно должны совпадать с тем, что имел в виду человек, принятый за интерпританту", интерпретатор "всегда декодирует их с учетом субъективного знания" (Schutz 1967: 21, 128). Недостаточно знать, что "объективно" означают знаки (например, слова). Выходя за рамки основного значения знаков, интерпретация опирается на попытку представить коммуникативный проект, который должен иметь в виду говорящий: каким был коммуникативный мотив говорящего или то, что он пытался передать.

Как уже было сказано, интерпретирующая схема *homo economicus* подразумевает единственный мотив "для того, чтобы", стоящий за всеми действиями, включая все коммуникативные действия: обеспечение максимальной выгоды. Этот установленный кодекс интерпретации имеет два основных значения. Во-первых, когда нет очевидного конфликта между коммуникативными знаками и поставленной целью максимизации прибыли, интерпретация утверждений проста. Рассмотрим, например, случай, когда поставщик услуг сообщает покупателю стоимость услуги. Если заявленная цена кажется покупателю совместимой с само собой разумеющейся моделью *homo economicus* – другими словами, если она кажется очень выгодной ценой, – тогда покупатель просто считает, что указанная цена означает: "Это то, что поставщик услуг хочет, чтобы я ему заплатил". Однако, если возникает конфликт между тем, что говорит поставщик услуг, и моделью – например, поставщик услуг говорит, что хочет помочь клиенту бесплатно, – заявление не будет интерпретироваться прямо. В этом втором типе ситуаций единственный логический вывод из модели *homo economicus* будет заключаться в том, что поставщик услуг может что-то выиграть, предоставляя услугу бесплатно, что он не мог бы сделать иначе, как эгоистически

действовать таким образом. "Бесплатно" больше не будет означать "ни за что", а скорее "за что-то скрытое и необъявленное". Приписанный эгоистический мотив "потому что" и мотив максимизации ценности "для того, чтобы" исказили значение заботливых или щедрых слов, превратив их в подозрительные признаки манипуляции.

Действительно, интерпретационная схема *homo economicus* делает все, что меньше максимальной выгоды (например, незначительную выгоду, взаимность, альтруизм), подозрительно манипулятивным. Любая попытка общения – заставить кого-то осознать нерасчетливое содержание сознания – может обернуться против, когда процесс интерпретации другого человека опирается на *homo economicus*. Опора на *homo economicus* превратила бы такое общение в указание на попытку намеренно скрыть якобы имеющийся универсальный мотив выгоды. Иными словами, до тех пор, пока *homo economicus* составляет контекст смысла в сознании интерпретатора, передаваемые выразительные знаки заботы неизбежно станут зерном для интерпретационной мельницы подозрительности.

Присвоение интерпретирующего сомнения

Хотя само собой разумеющиеся схемы интерпретации, на которые мы полагаемся во взаимодействиях, имеют тенденцию ускользать от нашего прямого внимания в потоке повседневной жизни, другая характеристика нашего интерпретирующего сознания касается возможности сомневаться в них. В частности, тот факт, что поток сознания человека, с которым мы взаимодействуем, дается нам лишь частично, прерывистыми сегментами и косвенно означает, что наши знания о нем "в принципе всегда подвергаются сомнению" (Schutz 1967: 107). Сомнение, в свою очередь, содержит потенциал для готовности пересмотреть и расширить наши знания о Другом, мотивируя тем самым корректировку интерпретации. Если заранее сконструированная типизация че-

ловека "определяется пределами знаний наблюдателя" (Schutz 1967: 193), то интерпретативная неопределенность, которая часто сопровождает реальные взаимодействия, может мотивировать динамическое размышление и переоценку таких типизаций. Опыт того, что мы, возможно, на самом деле не знаем Другого так хорошо, как мы думали, может привести к переоценке тех знаний, которые у нас были до этого момента, как само собой разумеющееся.

Однако в случае интерпретативной зависимости от *homo economicus* этот потенциал сводится к минимуму. *Homo economicus* постулирует как данность, что Другой, с которым мы взаимодействуем, эгоцентричен и движим личным интересом, и что источником всех этих действий является то, что отмечает их уникальность и отделенность от нас. Таким образом, с самого начала *homo economicus* включает сомнение в том, что мы действительно знаем о Другом, в пределах своего смыслового контекста. Другими словами, модель охватывает пробуждение сомнения в пределах того, чего можно ожидать.

Теперь потребуется всего лишь "внимательный взгляд", чтобы воспринять и соотнести пережитый опыт с рассматриваемой интерпретационной схемой (Schutz 1967: 83-84). *Homo economicus* не вызвал бы ощущения несоответствия или малоубедительности, чтобы привлечь больше, чем этот взгляд, именно потому, что он предвосхищает такого рода сомнения. Другими словами, *homo economicus*, скорее всего, предотвратит перерастание опыта интерпретативных сомнений в рефлексивную переоценку. Преобразование переживания незнания Другого в соответствие с эгоцентричным мотивом, который мы им приписываем, переживание незнания с уверенностью будет воспринято как знакомое. Определяемый как совместимый со смысловой конфигурацией *homo economicus*, переживание сомнения, скорее всего, не пробудит, или не подтолкнет, наше реф-

лексивное внимание к переоценке. Более того, это скорее подтвердит, чем бросит вызов духу интерпретации модели.

Противодействие попыткам социального воздействия на Другого

Во взаимодействии мы стремимся не только интерпретировать Других, но и воздействовать на них: вызывать в них определенные сознательные переживания. Когда мы испытываем потребность в сочувственном понимании, заботе или помощи, наша способность успешно влиять на тех, с кем мы взаимодействуем, теоретически может свидетельствовать об их социальности: их социальной внимательности, отзывчивости и заботе. В этом смысле сообщение о потребности становится проверкой социальности наших партнеров по взаимодействию.

Однако, согласно Шюцу, социальное действие [9], заключающееся в воздействии на Другого, требует мотивационного контекста, в котором заранее ожидаются субъективные последствия, которые должны быть вызваны:

"Чтобы социально воздействовать на сознание Другого, я должен обращать внимание на поток его сознания по мере нашего взаимодействия. Кроме того, я должен мысленно предвидеть последствия своих действий (в будущем совершенном времени [10]) на сознательные переживания Другого, которые – либо моя конечная цель, либо одна из моих промежуточных целей". (Schutz 1967: 148)

Только тогда, когда будущие субъективные переживания и поведение Другого могут убедительно стать моим мотивом "чтобы-чтобы" и только когда я могу представить

себе что-то, чего может достичь моя попытка коммуникации, только тогда социальное действие, направленное на то, чтобы повлиять на них, может обрести форму. Проще говоря, социальное действие, направленное на то, чтобы повлиять на Другого, начинается с надежды.

Homo econotomicus, однако, предполагает, что Другой эгоистичен. Его мысли и действия ориентированы на себя, а не на других, и всегда формируются гравитационным притяжением их личных интересов. Мы можем заставить Другого понять то, что мы говорим, но если мы заинтересованы во влиянии на его чувства и поведение по отношению к нам, тогда это воспринимается как совершенно другой тип материи. Согласно *homo econotomicus*, потенциал Другого для сочувственного участия в моей жизни с са-

мого начала кажется совершенно безнадежным. Единственная возможность для сочувствия – это когда оно осуществляется с помощью механизмов, которые каким-то образом связывают выражение заботы с предполагаемым личным интересом Другого. Именно так обстоит дело в сфере услуг, где механизмы организационного контроля напрямую связывают проявление заботы о клиенте с вознаграждением поставщика услуг. Это исключение, конечно, лишь подтверждает правило.

Ощущение того, что Другой характеризуется сильно ограниченной социальной ориентацией на самого себя, имеет решающее значение для формирования мотивационного контекста его собственного социального действия. Поскольку *homo econotomicus* делает попытки социального

ЕДИНСТВЕННАЯ
ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ
СОЧУВСТВИЯ – ЭТО КОГДА
ОНО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ С
ПОМОЩЬЮ МЕХАНИЗМОВ,
КОТОРЫЕ КАКИМ-ТО
ОБРАЗОМ СВЯЗЫВАЮТ
ВЫРАЖЕНИЕ ЗАБОТЫ С
ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ ЛИЧНЫМ
ИНТЕРЕСОМ ДРУГОГО.
ИМЕННО ТАК ОБСТОИТ ДЕЛО
В СФЕРЕ УСЛУГ, ГДЕ
МЕХАНИЗМЫ
ОРГАНИЗАЦИОННОГО
КОНТРОЛЯ НАПРЯМУЮ
СВЯЗЫВАЮТ ПРОЯВЛЕНИЕ
ЗАБОТЫ О КЛИЕНТЕ С
ВОЗНАГРАЖДЕНИЕМ
ПОСТАВЩИКА УСЛУГ.

воздействия на Другого в значительной степени бесполезными, если не полностью бесполезными, он препятствует таким попыткам. И в связи с тем, что *homo economicus* отсутствует в эгоистичном сознании своего партнера по взаимодействию, он не может напрямую влиять на него в направлении своей потребности. Все, что он может сделать, это попытаться заставить партнера повлиять на самого себя, формулируя свою собственную цель (свой собственный мотив, направленный на достижение цели) как совместимую с личными интересами партнера. Интерпретативная опора на *homo economicus* не только улавливает понимание коммуникативных усилий Другого (см.: Предыдущие два подраздела); она также улавливает коммуникативные усилия Самого себя, [11] препятствуя попыткам повлиять на партнеров по взаимодействию таким образом, чтобы это свидетельствовало об их социальности и родстве.

Конечно, *бывают* случаи, когда потребности человека настолько велики, что сдерживать их или переосмыслить как совместимые с личными интересами Другого невозможно. Например, потребности, связанные с голодом, болью, отчаянием или страхом, выходят за эти рамки. Но до тех пор, пока модель *homo economicus* воспринимается как должное, коммуникативные попытки, посредством которых были бы выражены такие мощные и неудержимые потребности, вероятно, потеряют свой синхронизирующий якорь в потоке сознания Другого, поскольку этот поток считается в основном недостижимым или социально непригодным. Интерпретативная опора на *homo economicus* превратила бы передачу этих потребностей в действия, предшествующая проекция которых в сознании актора обрекла бы их на провал. Человек может знать, что ответы всегда остаются до некоторой степени неопределенными, но мысль о том, что Другие *не способны* проявлять заботу или оказывать помощь, обесценивает попытку повлиять на этого Другого, даже

когда ситуация отделяет мотив "потому что" – великую потребность – от безнадежного мотива "для того". Такое коммуникативное действие в широком смысле можно было бы выразить в форме крика в пустоту: оно было бы нечетко направлено на то, чтобы повлиять на всех и ни на кого. Не имея синхронизирующего якоря надежды и веры, такое коммуникативное действие утратило бы связь с Другим еще до начала коммуницирования. Таким образом, препятствуя попыткам социального воздействия на Другого, интерпретирующая схема *homo economicus* привела бы к остановке, переосмыслению или десинхронизации социальных действий, которые в противном случае подвергли бы ее проверке.

В заключение этого раздела, *homo economicus* улавливает коммуникативные знаки, сомнения и социальные действия, которые могли бы поставить его под сомнение. Его основная интерпретирующая логика подозрительности по отношению к любому коммуникативному знаку, выходящему за пределы ясных эгоцентричных эгоистических мотивов – то есть, его основная логика моральной и социальной подозрительности – меняет социальный смысл, присваивает возможные интерпретирующие сомнения и препятствует опытам социального воздействия. Таким образом, *homo economicus* создает феноменологический тупик, который блокирует осознание несоответствий, которые могли бы поставить под сомнение его обоснованность. Тем не менее, два потенциальных источника информации теоретически могут обойти этот феноменологический тупик.

Потенциальные обходные пути

Два возможных обхода касаются (1) движений и действий, не имеющих коммуникативного намерения, и (2) альтернативных схем интерпретации. В следующих двух подразделах обсуждаются эти обходные пути и объясняется, почему они в значительной степени нормативно и культурно сокращены в настоящее время. [12]

Потенциальный обходной путь 1: движения и действия, лишённые коммуникативного намерения

Я думаю, что схема интерпретации *homo economicus* феноменологически улавливает коммуникативные знаки, которые Другие выражают в экономических взаимодействиях, делая их вечными признаками эгоизма, манипуляции и отчуждения. Шюц (1967), однако, указывает, что наши интерпретации других людей полагаются не только на то, что они на самом деле говорят, но также на движения и действия, которые не предназначены для того, чтобы кому-либо что-либо сказать, но которые мы тем не менее воспринимаем. Теоретически движения и действия, не имеющие коммуникативного намерения, могут нести неоспоримые доказательства экономической заботы, альтруизма, внутренней борьбы, упорства или преодоление преград, которые превосходят, осложняют или явно противоречат холодному и невосприимчивому "воображаемому сознанию" (Schutz 2011: 87) общества.

Позвольте мне объяснить, что подразумевается под "движениями" и "действиями", в которых отсутствует коммуникативное намерение. Что касается движений, это относится к жестам и мимике, которые используются в повседневном разговоре, но не направлены на общение или выражение мыслей. Часто они ускользают от внимания актора. Тем не менее, эти движения могут иметь значение для наблюдателя, поскольку они позволяют им "улавливать" в них жизненный опыт Другого (Schutz 1967: 117). Согласно Шюцу, наблюдая за жизненным опытом других людей, когда они на самом деле разворачиваются во взаимодействии, мы можем в определенном смысле даже узнать их лучше, чем мы знаем самих себя (Walsh 1967: xxv – xxvi):

"Чтобы наблюдать собственный жизненный опыт, я должен размышлять о нем. Однако мне вовсе не нужно рефлексивно относиться к своему жизненному опыту в отношении вас, чтобы наблюдать за вашим

жизненным опытом. Напротив, просто "наблюдая" я могу уловить даже те из ваших жизненных переживаний, которые вы сами еще не заметили... Это означает, что, в то время как я могу наблюдать за своими собственными переживаниями только после того, как они завершились, я могу наблюдать за вашими в том виде, в каком они действительно имеют место" (Schutz 1967: 102; курсив в оригинале) [13]

Что касается некоммуникативных действий, в ситуациях, в которых мы не взаимодействуем, а просто наблюдаем за кем-то (например, клерк, выполняющий свой распорядок дня в магазине), действия Другого не имеют для нас коммуникативного намерения. Тем не менее, мы все еще можем задаваться вопросом, что происходит у него в голове. Согласно Шюцу (1967: 114), несмотря на отсутствие коммуникативного намерения, некоторые интересубъективные представления могут быть получены из этих типов ситуаций, поскольку "мы ставим себя на место актора и отождествляем свой жизненный опыт с его жизненным опытом". Эти проблески бытия Другого могут прервать "ход цепи самоочевидности" (Schutz and Luckmann 1973: 11), который в случае *homo economicus* задерживает коммуникативные действия.

Отметим, однако, что две институционализированные нормы рыночного общества ограничивают доступность чужих некоммуникативных движений и действий: нормы экономической практичности и конфиденциальности, соответственно. Воздействия того и другого подвержены контекстуальным вариациям, но давайте сначала исследуем их основную движущую силу. Первые – нормы экономической практичности – сосредоточены на необходимости экономии времени. Санкционируя импульс минимизировать продолжительность и ограничивать фокус экономических взаимодействий, такие нормы ограничивают возможность видеть некоммуникативные движения Других и развивать их подлинное понимание.

По Шюцу (1967): 103), основная особенность нашего знания Других состоит в том, что в социальных взаимодействиях мы чувствуем, что поток сознания нашего партнера одновременно с нашим собственным. Этот опыт, когда мы "растем вместе" (Schutz 1967: 103; курсив в оригинале), важен для развития подлинного понимания того, что происходит в сознании Другого. Когда взаимодействие прерывается, у нас меньше возможностей для этого.

Последние – нормы конфиденциальности – ограничивают нашу способность наблюдать некоммуникативные действия. Эти нормы (см. Kasper 2005) стали предметом повышенного внимания и озабоченности в последние десятилетия – они критически важны для противодействия новым и старым формам институциональной власти и для защиты достоинства и свободы людей. Но именно по этим причинам они морально одобряют побуждение отвернуться и не наблюдать за действиями, которые не предполагают присутствия аудитории, и косвенно подтверждают скрытых от публики действий. [14] Волнение торгового агента, который сбыв товар по завышенной цене, или запавшие глаза и болезненный вздох матери, которая возвращает на прилавок товар, который необходим ее ребенку, но она не может себе его позволить – нормы конфиденциальности запускают механизм, побуждающий не быть свидетелем таких некоммуникативных действий, подобных этим, действий, которые свидетельствуют о морали и социальности Других в повседневной экономической жизни. Оставаясь скрытыми, действия, в которых отсутствуют коммуникативные намерения, также остаются двусмысленными и открытыми для подозрений, которые вызывает *homo economicus*.

Таким образом, нормы экономической практичности и неприкосновенности част-

В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЫ
СКЛОННЫ ЗАКЛЮЧАТЬ В
СКОБКИ ВОЗМОЖНОСТЬ
ТОГО, ЧТО МИР МОЖЕТ БЫТЬ
ДРУГИМ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ НАМ.

ной жизни стимулируют к преодолению тупика. Следовательно, по мере того, как люди переходят и прекращают экономические взаимодействия в течение своей повседневной жизни, значительная часть их опыта общения с Другими, вероятнее всего, окажется в тупике. Однако важно признать, что специфические характеристики реляционных сетей (см. Granovetter 1985) и реляционных контекстов (см. Zelizer 2011) тоже оказывают существенное влияние. Те из экономических отношений, в которых взаимодействия повторяются (например, в организационной среде), могут предоставить больше возможностей для наблюдения за некоммуникативными движениями Других и ослабить подозрения. В то же время институциональные механизмы, отделяющие частную сферу от общественной (в большинстве случаев характерно для организационной среды), могут усиливать ощущение закулисной игры именно потому, что очень многое считается частным и скрытым от публичной сферы, несмотря на время, проведенное вместе. Таким образом, специфические модели и контексты экономических отношений могут смягчить феноменологический тупик в одних отношениях и усилить его в других, внося вариации в то, что, как я утверждаю, нормативно санкционировано на уровне общества.

Потенциальный обходной путь 2: альтернативные схемы интерпретации

В повседневной жизни мы склонны заключать в скобки возможность того, что мир может быть другим, чем кажется нам (Schutz and Luckmann 1973: 36). Однако доступ к альтернативным способам интерпретации может оспорить эту скобку и, таким образом, подвергнуть сомнению то, что мы думаем, что мы знаем. Это во многом зависит от актуальности вопроса. Как отмечалось ранее, интерпретация ограничена социаль-

ной "структурой релевантности" (Schutz 1953; Schutz and Luckmann 1973). Только часть запаса знаний человека используется при интерпретации любой данной ситуации, и выбор этой части основан на "структуре релевантности", которая сама по себе является частью запаса знаний. Все, что считается интерпретируемым не относящимся к данной ситуации, скорее всего, не будет представлять существенной угрозы для восприятия реальности людьми внутри этой ситуации.

Соответственно, давайте попробуем оценить потенциал исследования альтернативных способов мышления об экономике. Очевидно, что таких альтернатив предостаточно. История капитализма – это история не только триумфа и экспансии, но также продолжающейся и часто довольно громкой социальной критики основных экономических теорий и идей (Hirschman 1982). Но важный вопрос, касающийся феноменологического тупика, заключается в том, противоречат ли эти критические замечания здравому смыслу моральной и социальной подозрительности, которая является интерпретационным ядром *homo economicus*.

По-видимому, на протяжении десятилетий ответ на этот вопрос был преимущественно отрицательным. Критические замечания, представленные различными мыслителями, от Маркса до Ницше в XIX веке и от Франкфуртской школы до Бурдье в XX (и это лишь некоторые из них), разделяют "разоблачительную" позицию (Sloterdijk 1987; Turner 2010: 144-47) в отношении высших идеалов, переводя их в разряд наивных иллюзий, за которыми скрыты вполне определенные мотивы, давление или личные интересы. Этот "интеллектуальный стиль", конечно, не единственный среди существующих (Turner 2010), и некоторые современные авторы готовы предложить новые основания для критического социального мышления (например, Sayer 2011). [15] Тем не менее, в сфере критического социального мышления термин *критический* обычно обозначает

"герменевтику подозрения" (Ricoeur 1977) в отношении намерений и моральных требований. В самом деле, даже критически настроенные мыслители, которые ищут экономические альтернативы (например, преследование Гибсона-Грэма [2006: xxii] "сознательной экономики сообщества" с целью расширения "языка экономического разнообразия"), свидетельствуют об интенсивности "скептицизма и подозрительности", которые долгое время навязывали им их собственная "знакомая антикапиталистическая среда" (Гибсон-Грэм 2006: 3).

Я не хочу преуменьшать различия между традиционной экономической теорией и основной массой критического мышления. Важно помнить, что даже в самой своей радикальной форме критика всегда "разделяет" "что-то" с тем, что она пытается критиковать" (Boltansky and Chiapello 2005: 40). Критический текст может выявить важные пробелы между экономической риторикой и практикой, между рационализациями и фактическими последствиями экономической политики или действиями. Но если критика также склонна приписывать выявленные пробелы скрытым мотивам или эгоистичным интересам, то в этом акте приписывания она подтверждает намеренное стремление во всем видеть подозрительную отстраненность между внешними проявлениями и скрытыми мотивами и силами. В этом конкретном, но решающем смысле критика проявляет дух интерпретации, который в целом соответствует лишь одной характеристике *homo economicus*.

Более того, в рыночном обществе этот дух интерпретации, кажется, подтверждается в гораздо большем масштабе. Как предполагают некоторые источники, экономическая подозрительность в отношении намерений превратилась в смысловую структуру очень широкого диапазона. Прагматические социологи Болтански и Чиапелло (2005: 450), например, пишут, что "представление об обобщенном симулякре, о коммодификации всего, включая, казалось бы, самые благо-

родные и бескорыстные чувства, действительно составляет часть нашего современного состояния". И они описывают сетевой капиталистический мир, стирающий некогда фундаментальное различие между стратегическими и личными отношениями. [16]

В феноменологических терминах, обсуждавшихся ранее, такое объяснение указывает на то, что текущие события сопровождаются сдвигом в "структуре релевантности", когда экономическое становится интерпретируемым релевантным для взаимодействий и отношений, которые ранее считались неэкономическими. Последующие (повторные) интерпретации того, что когда-то казалось не преследующим личных интересов теперь принимают иную форму повествования: "[о]сознание, что за привязанностью дорогого друга, которому ты так же предан, на самом деле кроется преследование им личных интересов и мотивов ради воплощения стратегических проектов – это парадигматический пример разочарования – часто драматизируемый в литературе" (Boltansky and Chiapello 2005: 464; курсив в оригинале).

Истории деятелей, которые свидетельствуют о моральной добродетели, но оказываются мотивированными корыстными намерениями, которые они манипулятивно скрывают за маской искренности, преобладают в различных местах культурного производства, в том числе в средствах массовой информации. В значительной степени питаясь современной культурной логикой эпистемологических сомнений, онтологической неуверенности и разочарования (Aupers 2012), человеческая реальность представлена в различных формах выражения.

Эта культурная динамика, описанная здесь в очень общих чертах, не означает, что неэкономические схемы интерпретации Других стали совершенно бессмысленными. Однако, похоже, это указывает на то, что потенциал этих схем по созданию угрозы

экономическому восприятию реальности ограничен. Культурная вселенная, изобилующая интерпретирующими спектаклями, где ожидания бескорыстия подпадают под знак наивности, подрывает правдоподобие таких ожиданий. Таким образом, эта культурная вселенная в значительной степени подрывает альтернативные способы интерпретации Других и существенно ограничивает их актуальность.

Выводы

Альфред Шюц (1970: 111) утверждал, что "то, что считается само собой разумеющимся, до признания его недействительным, считается просто в форме "дано" и "дано мне таким, каким оно кажется"", что привело к его доработке. Принимая всерьез утверждения о том, что *homo economicus* является "воображаемым", "фиктивным" (Schutz 2011: 87, 91), "произвольным" и "абсурдным" (Mill 1844: 144, 139) определением человеческой природы, мы должны задаться вопросом, как это определение выдерживает испытания реальностью повседневных экономических взаимодействий между реальными людьми. Что мешает восприятию его повседневной несостоятельности и нелепости?

По моему убеждению, ответ заключается в том, что сама модель интерпретации "работает" так, чтобы препятствовать представлению акторов. Создавая само собой разумеющуюся схему интерпретации в рыночных обществах, *homo economicus* порождает феноменологический тупик, превращая признаки заботы в подозрительные признаки манипуляции, присваивая интерпретативные сомнения и препятствуя попыткам социального воздействия на Другого способами, которые могли бы свидетельствовать о социальности других. Люди могут вести себя так, чтобы приближаться к модели *homo economicus*, или оставаться весьма далекой от нее. Но как только их партнеры по взаимодействию полагаются на эту модель как на само собой разумеющуюся схему интерпретации, проблемы, которые могли

быть оспорены здравым смыслом из-за того, что нарушают привычную модель поведения *homo economicus*, будут скрыты или обращены против нее.

Следовательно, по мере того, как члены рыночного общества ведут свою повседневную жизнь, участвуют в экономических взаимодействиях, они не могут не принимать во внимание общепринятую модель поведения *homo economicus*. Прошлые действия становятся частью контекста опыта, к которому человек обращается при формулировании будущих проектов (см. Schutz 1967: 90), поэтому чем чаще случаи, когда *homo economicus* подтверждает общепризнанную модель, тем больше это служит основанием для таких формулировок. Более того, поскольку знания человека о других людях, с которыми он напрямую не взаимодействует, например, на онлайн-рынке, в значительной степени основаны на их предыдущем опыте общения с другими людьми в ситуациях лицом к лицу. Этот отложенный личный опыт повлияет на восприятие экономических законов в целом: этот опыт будет казаться единственно правдоподобным – я бы сказала, значительная его часть, – устойчивой "эпистемической привилегией" (Somers and Block 2005: 265) основополагающих идей рыночного общества, которая черпает силу из застрявших в тупике подтверждений краеугольной веры в *homo economicus* в повседневной жизни.

Таким образом, феноменологический тупик свидетельствует об исторической иронии. Возможно, одно из самых сильных заблуждений нашего времени касается не какой-то сверхъестественной или мистической силы, далекой от нашего жизненного мира, а скорее внутренней природы человека. Он может чувствовать себя более сложным, чем *homo economicus*: более заботливым, более социально ответственным, менее расчетливым и инструментальным. Но эта уже существующая и воспринимаемая как само собой разумеющаяся схема интерпретации, тем не менее, часто загоняет в ло-

вушку их опыт взаимодействия с Другими. Даже когда потенциальные опровержения всплывают на поверхность, даже когда очевидным кажется отсутствие намерения преследовать личные интересы, тем больше действия вызывают подозрение.

Это осаждение опыта *homo economicus* зависит не только от самого взаимодействия, но и от более широких социальных норм и культурных дискурсов. В рыночном обществе нормы экономической практичности и конфиденциальности ограничивают доступность информации, которая может выйти за пределы феноменологического тупика. Более того, критические дискурсы изобилуют, но их дух интерпретации часто, в конкретном, но решающем смысле, согласуется с интерпретирующей схемой *homo economicus*, и то же самое, кажется, верно в отношении более широких культурных дискурсов. Нормы и культурные дискурсы рыночного общества не делают людей асоциальными; скорее, они затрудняют понимание социальной принадлежности людей. Таким образом, эти нормы и культурные дискурсы помогают превратить *homo economicus* в одну из самых стойких и влиятельных фикций в истории.

Примечания:

1. Первоначальная формулировка Милля (1844: 140) сосредоточена на "желании получить наибольшее количество богатств с наименьшим трудом и самоотречением".
2. Согласно Перски (1995: 222), несмотря на то, что Милль на самом деле никогда не использовал это определение в своих трудах, оно возникло как отклик на его работу, благодаря чему его "обычно называют создателем экономического человека".
3. Согласно Моргану (2006: 15, 22), явно редукционистская модель человека Милля была модифицирована более поздними поколениями экономистов, чтобы стать "чисто безличным агентом, максимизирующим полезность", а позже – математически обоснованным "искусственным персонажем". Другие изменения и адаптации модели, такие как поведенческая экономика, поставили под сомнение представления о рациональной максимизации полезности (Morgan 2006: 24-25), в то время как более социально ориенти-

рованные экономисты бросили вызов предположению об асоциальном эгоизме (например, Cohen 2014; Sen 1977).

4. Как отмечает Хиршман (1982: 1466), представление о том, что капиталистическое общество является морально разрушительным, находит отражение "как среди марксистских, так и среди консервативных мыслителей".

5. Феноменологическая редукция основана на изменении отношения, при котором знание о мире природы приостанавливается, а анализ сосредотачивается на конституирующем Эго (см. Schutz 1967: 43-44). Для Гуссерля "трансцендентально-феноменологическая редукция" – это высший уровень феноменологической редукции, призванный раскрыть фундаментальную структуру сознания (Wagner 1970: 6).

6. В публикации Шюца 1953 года "Здравый смысл и научная интерпретация человеческой деятельности" имя автора фигурирует как Шютц. Во всех других цитируемых здесь публикациях имя пишется Шюц. Чтобы избежать путаницы, я цитирую эту публикацию 1953 года как Шюц по всему тексту и в справочной литературе.

7. Таким образом, люди могут думать о Других в определенных ситуациях (например, в кругу семьи, близких и друзей) через схемы, которые богаче, чем *homo economicus*, но они не будут реализованы в экономических ситуациях.

8. См. Schutz and Luckmann (1973: 105-11, 135-37) для обсуждения типов привычного знания, особенно "привычного знания рецептов". См. также Atkinson (2002), Crossley (2001), Myles (2004), и Throop and Murphy (2002) для дальнейшего обсуждения связей и противоречий между феноменологией и теориями привычного действия (в первую очередь, теории Бурдьё).

9. Для Шюца социальное действие означает "действие, мотив 'для того, чтобы действовать' содержит некоторую ссылку на поток сознания другого человека" (Walsh 1967: xxvii).

10. То есть акт изображается завершенным, даже если его еще ожидают (Walsh 1967: xxiv); он "изображается так, как если бы он был одновременно прошлым и будущим" (Schutz 1967: 61).

11. Но не обязательно переживание Самого Себя. Как далее обсуждается в разделе "Выводы", люди могут ощущать себя совершенно отличными от *homo economicus*, и все же эта модель, вероятно, по-прежнему разделяет их опыт общения с Другими.

12. Хотя работа Шюца в целом характеризуется пренебрежением к нормам в концепции действия (Prendergast 1986: 3), он действительно ссылается на культуру (например, Schutz 1953: 7). Чтобы понять, почему два обходных пути часто блокируются, мы должны расширить наше внимание

за пределы структуры взаимодействий и изучить нормативный и культурный контекст, в котором эти взаимодействия разворачиваются.

13. Однако обратите внимание, что это знание текущих жизненных опытов партнеров по взаимодействию "в их непрерывности, а не в их полноте" (Schutz 1967: 106). Как объяснялось ранее, мы "всегда далеки от понимания всей совокупности" жизненного опыта других людей (Schutz 1967: 106).

14. Сегодняшняя повышенная озабоченность вопросами конфиденциальности, очевидно, сопровождается столь же усиленным побуждением разоблачать – через социальные сети или платформы потокового видео, и то, что считается частным. Тем не менее, эти воздействия коммуникативны даже в самых крайних проявлениях. По крайней мере, они никогда не освобождаются полностью от тени коммуникативного намерения. Напротив, как утверждается, истинно некоммуникабельное остается в значительной степени недоступным.

15. Sayer (2011) обсуждает проблемные последствия относительного пренебрежения такими элементами, как забота, привязанность и моральные чувства в теории социальных наук, и указывает на потоки философского мышления, которые, как он утверждает, могут помочь исправить этот пробел (например, феминистская этика заботы, неоаристотелизм и часто игнорируемая теория моральных чувств Адама Смита).

16. Хотя их эмпирический анализ сосредоточен на Франции, Болтански и Кьяпелло (2005: xxi) пишут: "мы ... убеждены, что в основном аналогичные процессы затронули основные промышленно развитые страны западного мира".

References

- Atkinson, Will. 2010. "Phenomenological Additions to the Bourdieusian Toolbox: Two Problems for Bourdieu, Two Solutions from Schutz." *Sociological Theory* 28(1):1-19.
- Aupers, Stef. 2012. "'Trust No One': Modernization, Paranoia and Conspiracy Culture." *European Journal of Communication* 27(1):22-34.
- Boltansky, Luc, and Eve Chiapello. 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Bourdieu, Pierre. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Bourdieu, Pierre. 2005. *The Social Structures of the Economy*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Callon, Michel. 1998. "Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics." Pp. 1-57 in *The Laws of the Market*, edited by M. Callon Oxford, UK: Blackwell.
- Cappelli, Peter. 2000. "The New Deal at Work." *Chicago-Kent Law Review* 76:1169-93.

- Carrier, James G. 2005. "Introduction." Pp. 1-9 in *A Handbook of Economic Anthropology*, edited by J. G. Carrier Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Cohen, Daniel. 2014. *Homo Economicus: The (Lost) Prophet of Modern Times*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Crossley, Nick. 1996. *Intersubjectivity: The Fabric of Social Becoming*. London: Sage.
- Crossley, Nick. 2001. "The Phenomenological Habitus and Its Construction." *Theory and Society* 30(1): 81-120.
- Foucault, Michel. 2008. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France 1978-1979*. New York: Picador.
- Gibson-Graham, J. K. 2006. *A Postcapitalist Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Granovetter, Mark. 1985. "Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness." *American Journal of Sociology* 91(3):481-510.
- Hirschman, Albert O. 1982. "Rival Interpretations of Market Society: Civilizing, Destructive, or Feeble?" *Journal of Economic Literature* 20(4):1463-84.
- Kasper, Debbie V. S. 2005. "The Evolution (or Devolution) of Privacy." *Sociological Forum* 20(1):69-92.
- Krippner, Greta R., and Anthony S. Alvarez. 2007. "Embeddedness and the Intellectual Projects of Economic Sociology." *Annual Review of Sociology* 33:219-40.
- Kunda, Gideon, and Galit Ailon-Souday. 2005. "Managers, Market, and Ideologies: Design and Devotion Revisited." Pp. 200-19 in *The Oxford Handbook of Work and Organization*, edited by S. Ackroyd, R. Batt, P. Thompson, and P. S. Tolbert. Oxford, UK: Oxford University Press.
- MacKenzie, Donald, and Yuval Millo. 2003. "Constructing a Market, Performing Theory: The Historical Sociology of a Financial Derivatives Exchange." *American Journal of Sociology* 109(1):107-45.
- MacKenzie, Donald, Fabian Muniesa, and Lucia Siu. 2007. "Introduction." Pp. 1-19 in *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*, edited by D. MacKenzie, F. Muniesa, and L. Siu. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Mill, John Stuart. 1844. *Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy*. London: Parker.
- Morgan, Mary S. 2006. "Economic Man as Model Man: Ideal Types, Idealization and Caricatures." *Journal of the History of Economic Thought* 28(1):1-27.
- Myles, John F. 2004. "From Doxa to Experience: Issues in Bourdieu's Adoption of Husserlian Phenomenology." *Theory, Culture & Society* 21(2):91-107.
- Persky, Joseph. 1995. "Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus." *Journal of Economic Perspectives* 9(2):221-31.
- Prendergast, Christopher. 1986. "Alfred Schutz and the Austrian School of Economics." *American Journal of Sociology* 92(1):1-26.
- Ricoeur, Paul. 1977. *Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Sayer, Andrew. 2011. *Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Schutz, Alfred. 1953. "Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action." *Philosophy and Phenomenological Research* 14(1):1-38.
- Schutz, Alfred. 1967. *The Phenomenology of the Social World*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Schutz, Alfred. 1970. *On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*, edited by H. R. Wagner, Chicago: University of Chicago Press.
- Schutz, Alfred. 2011. *Collected Papers V: Phenomenology and the Social Sciences*, edited by L. Embree, Dordrecht: Springer Science+Business Media.
- Schutz, Alfred, and Thomas Luckmann. 1973. *The Structures of the Life-World*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Sen, Amartya K. 1977. "Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory." *Philosophy and Public Affairs* 6(4):317-44.
- Sloterdijk, Peter. 1987. *Critique of Cynical Reason*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Smelser, Neil J., and Richard Swedberg. 2005. "Introducing Economic Sociology." Pp. 3-25 in *The Handbook of Economic Sociology* (2nd ed.), edited by N.J. Smelser and R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.
- Somers, Margaret R., and Fred Block. 2005. "From Poverty to Perversity: Ideas, Markets, and Institutions over 200 Years of Welfare Debate." *American Sociological Review* 70(2):260-87.
- Throop, Jason C., and Keith M. Murphy. 2002. "Bourdieu and Phenomenology: A Critical Assessment." *Anthropological Theory* 2(2):185-207.
- Turner, Charles. 2010. *Investigating Sociological Theory*. London: Sage.
- Wagner, Helmut R. 1970. "Introduction." Pp. 1-52 in *On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*, by Alfred Schutz, edited by H. R. Wagner. Chicago: University of Chicago Press.
- Walsh, George. 1967. "Introduction." Pp. xv-xxix in *The Phenomenology of the Social World*, by Alfred Schutz. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Zelizer, Viviana A. 2011. *Economic Lives: How Culture Shapes the Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

LEARN IN ADVANCE: THE TAROT LANGUAGE IN THE FILM "PEOPLE UNDER THE STAIRS" AND IN THE NOVEL "LAST LOVE IN CONSTANTINOPLE"

Varenova Diana Sergeevna, student, Gorky Literary Institute, Moscow

The article considers the novel of Milorad Pavich "The Last Love in Constantinople" and the film by Wes Craven "The People under the Stairs", in the mythology of which the language of Tarot maps is analyzed and revealed. The author, based on some of examples, explores the reasons for the emergence of interest in the given esoteric tradition. Also, he tries to find out the using of Tarot allows expanding the scope of reading and audience perception of the novel and film. The obtained results of this study convincingly prove the uniqueness of the selected works like cultural phenomena of the 20th century.

Keywords: Tarot language; esoteric tradition; arcanes; divination; extracurricularity; postmodernism; divination novel; cinema.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.3

УДК 82.09

БАК 10.01.03

**УЗНАТЬ НАПЕРЁД: ЯЗЫК ТАРО
В ФИЛЬМЕ "ЛЮДИ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ"
И В РОМАНЕ "ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ"**

© Варенова Д.С., 2021

В статье рассматриваются произведение Милорада Павича "Последняя любовь в Константинополе" и фильм Уэса Крейвена "Люди под лестницей", в мифологеме которых анализируется и раскрывается язык карт Таро. Автор, опираясь на ряд примеров, исследует причины возникновения интереса к приведенной эзотерической традиции и пытается выяснить, каким образом задействование Таро позволяет расширить рамки читательского и зрительского восприятия сюжетов романа и киноленты. Полученные результаты данного исследования убедительно доказывают уникальность выбранных произведений, которые представляют собой культурные феномены XX века.

Ключевые слова: язык Таро; эзотерическая традиция; арканы; дивинация; внесюжетность; постмодернизм; роман-гадание; кинематограф.

32

Мудрость древних является одним из способов понимания жизни и на бессознательном уровне способна пропитать своим светом. Одно из её проявлений, Таро, представляет собой слияние абстрактных понятий с конкретикой повседневности, выраженной в виде числовых и символических значений. За простотой каждой детали скрывается колоссальная система образов. Она говорит языком прошлых поколений, который позволяет заглянуть в любой отрезок времени.

Интерес к Таро начал стремительно расти в XX веке. Вероятно, дело в том, что в 1910 г. произошёл своего рода переворот в сфере эзотерических представлений. Благодаря А.Э. Уэйту, П.К. Смит и У. Райдеру была издана колода с иллюстрированными младшими арканами, которые до этого события не были такими выразительными и походили в большей степени на игральные карты (Марсельское Таро). С приобретением новых изображений появилась возможность толковать каждую из 78 карт, что объясняет причину популярности этой колоды.

С 1950-х гг. искусство стало чаще обращаться к Таро. В кинематографе оно зачастую отождествляется сверхъестественному,

**ВАРЕНОВА Диана
Сергеевна**, студентка,
Литературный инсти-
тут имени А. М. Горького,
Москва

демоническому началу. Например, в фильме У. Крейвена "Люди под лестницей" (1991) колоду карт можно рассматривать в качестве второстепенного персонажа. Здесь вспоминается "Дом ужасов доктора Террора" (реж. Фредди Фрэнсис, 1965), где на развитии сюжета сказываются предсказания таинственного таролога. Но для Крейвена, скорее, интересен не сам факт влияния карт на историю, а возможность с их помощью предварительно познакомить с ключевыми персонажами – так или иначе, перед нами постмодернистский приём.

Часть пролога отведена раскладу на Таро Райдера-Уэйта-Смит, который за кадром трактует Руби, сестра главного героя. Страшный суд, Шут, Смерть, Дьявол... Разве это похоже на расклад для тринадцатилетнего мальчика, который только мечтает стать успешным доктором и сделать всё возможное, чтобы его мама больше никогда тяжело не болела? Такое намерение обусловлено наличием карты Страшный суд, говорящей о необходимости врачебной помощи при критическом состоянии.

Единственная карта, подробно истолкованная героиней, – это нулевой аркан "Шут". Такое же прозвище у героя. Шут – ребёнок, искренний и невинный. Каждая черта его характера соответствует общему значению карты, которая одновременно является предупреждением о возможной серьёзной угрозы. Тем не менее, Шут способен "пройти по краю пропасти", поскольку обладает сильным чувством самосохранения. Для персонажа фильма ужасов это весьма полезное качество, а потому можем согласиться с Руби: *"Быть Шутом не так уж скверно"*.

Исходя из заявленного жанра становится очевидным, что аркан Смерть подаётся в значении, не требующем пояснений. Но какой же Дьявол поджидает подростка? На одноимённом аркане по правую и левую руку от Козла изображены рогато-хвостатые Адам и Ева, скованные цепями (по такому случаю также вспоминается пословица *"муж и жена – одна сатана"*). В этой паре

сосредоточено всё то зло, которое только может существовать в вымышленном городке: сомнительный семейный бизнес, несметное богатство, инцест... Примечательно, что в Таро важно обращать внимание не только на символы, но и на нумерацию арканов. Если сложить между собой цифры Дьявола, можем получить Влюблённых, а значит, тот факт, что Папочка и Мамочка – это брат и сестра, связавшие себя узами брака, не случаен.

Поскольку герой сразу же узнаёт о своей уникальной судьбе и подстерегающих его опасностях, зрительское восприятие приобретает иронический, местами скептический характер. Даже та часть аудитории, которая довольствуется толкованием одного аркана, не сможет отделаться от ощущения предсказуемости, как будто предварительно был прочтён логлайн, правда, непривычным для себя способом.

Карты – *"то же, что и язык"*. Язык, позволявший вопрошателям одновременно узнать самое очевидное и самое потаённое. Элемент предопределённости, свойственный системе образов Таро, закрепился в смысловой и языковой игре литературы постмодернизма. Такие писатели, как Д. Фаулз ("Волхв"), И. Кальвино ("Замок скрестившихся судеб", "Таверна скрестившихся судеб"), развивали в своих романах концепцию отождествления героев старшим и младшим арканам.

Ещё один автор, использовавший символику Таро, – М. Павич. Каждая глава в его романе "Последняя любовь в Константинополе" представляет собой отражение графических образов старших арканов. Они буквально становятся увесистой связкой "ключей".

История о двух родах – Опуичей и Калоперовичей – напоминает шекспировских Монтекки и Капулетти. Само название отпугивает читателей на масштабные поиски "последней" любви Харлампия Опуича в городе, который является местом духовных исканий целых народов. Общим знаме-

нателем этих поисков становится спектакль, о котором одна из героинь говорит следующее: *"Один такой спектакль, очень грустный, называется "Последняя любовь в Константинополе" <...>, я его ещё раньше видела, в Сегедине. И плакала. Твой отец расстанется там с жизнью из-за своей последней любви, когда одна женщина в Константинополе полюбила его и захотела иметь от него ребёнка..."*

Текст по своей форме образует потоки сознания, открытые повествователю. При этом Павич не столько пытается подогнать под "ключи" архитектуру романа, сколько желает по-своему интерпретировать эзотерическую систему символов. Например, в главе "Повешенный" Софроний Опуич, проиграв в схватке, был подвешен за ногу к дереву, что, по сути, повторяет образ одноимённого аркана в классических колодах. Положение Повешенного – это "неправильный" мир, в котором земное оказалось наверху, а божественное – внизу. Карта считается символом добровольной жертвы вроде той, которую совершил Один, с целью обретения мудрости и силы, подвесив себя к Иггдрасиллю. Софроний же, как было сказано ранее, висит не по своей воле: *"Так тот и остался висеть, со связанными за спиной руками, головой вниз. Его длинные и красивые волосы свисали почти до земли, и теперь, впервые за многие годы, он не слышал звуков ни под ней, ни на ней"*. Именно такая длина волос Повешенного Софрония Опуича не случайна: карта может означать укоренение, рост в глубину, но волосы – стержень совсем не прочный. Вместе с тем присущий аркану непривычный угол зрения даёт возможность отыскать важные, ранее недоступные вещи. После "переворота" ощущение реальности Софрония стремительно начало меняться, он как будто утратил себя: *"... первое, потерянное им, был его пол, потом он почувствовал, что собственная рубашка стала ему тесна в боках и на груди, сапоги, наоборот, слишком сво-*

бодны, а шляпа мала". Как бы то ни было, без этой принудительной жертвы герой так и не смог бы обрести самое важное – цельность.

Отсутствие в романе чёткого сюжета позволяет читателям его индивидуализировать: либо неторопливо следовать за событиями, либо выстроить собственную хронологию. Неслучайно в приложении есть инструкции по классическим раскладам на картах, отсюда и подзаголовок романа: "Пособие по гаданию". Какой бы читатели ни выбрали путь, им всё равно предстоит столкнуться с неожиданными поворотами сюжета и непредсказуемостью развязки. Так или иначе, главы проецируются на будущее героев и даже самих читателей; отсюда возникает обусловленная дивинацией внесюжетность.

Удивительный и впечатляющий язык Таро используется в искусстве как средство воздействия, которое позволяет расширить рамки восприятия. Обращение к этой эзотерической традиции требует особой внимательности, так как раскрытие сути может выявить неожиданные трактовки. Для Крейвена и Павича, несомненно, важна игра с аспектами тайного и сокровенного, с которыми непосвящённая публика редко соприкасается в повседневности. Единственное отличие заключается в том, что Крейвен чётко следует заданному вектору и ведёт за собой зрителей, тогда как Павич даёт возможность читателям открывать множество вариаций сюжета. В свою очередь, задействие Таро является одной из причин притягательности этих произведений, которые до сих пор воспринимаются как небезынтересные культурные феномены.

Литература:

1. Банцхаф Х. Таро: ключевые понятия (учебник и расклады). – М. : КСП+, 2003. – 288 с.
2. Павич М. Последняя любовь в Константинополе : пособие по гаданию / пер. А. Савельевой. – М. : Азбука-классика, 2017. – 160 с.

Turanina Neonila Alfredovna, DSc of Philology, Professor

Efremova Nina Vladimirovna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Uvarova Tamara Anatolyevna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod

The article raises an important and urgent problem of forming the image of a modern library. In recent years, the issue of the effectiveness of image communications and the management of this process has been particularly acute. In this context, the system of additional professional training is important, where modern library specialists receive knowledge about the current state of the PR industry, image technologies and other important and urgent problems of image formation. The offered master classes help to study the technique of image communication, the elements of image policy management in the library and information sphere.

Keywords: modern library; image communications; master class; case study; informational occasions; business game.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.4

УПРАВЛЕНИЕ ИМИДЖЕВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

УДК 02:316.354

БАК 24.00.01

В статье поднимается важная и актуальная проблема формирования имиджа современной библиотеки. В последние годы особенно остро ставится вопрос об эффективности имиджевых коммуникаций и управлении этим процессом. В этом контексте важным является система дополнительной профессиональной подготовки, где библиотечные специалисты получают знания о современном состоянии PR-индустрии, имиджевых технологиях и других важных и актуальных проблемах формирования имиджа. Предлагаемые мастер-классы помогают изучить технику имиджевых коммуникаций, элементы управления имиджевой политикой в библиотечно-информационной сфере.

Ключевые слова: современной библиотеки; имиджевые коммуникации; мастер-класс; кейс; информационные поводы; деловая игра.

© Туралина Н.А., 2021

© Ефремова Н.В., 2021

© Уварова Т.А., 2021

Эффективность имиджевых коммуникаций связана с проблемой имиджа в целом. Существует ряд подходов к оценке эффективности имиджевых коммуникаций:

- количественное соответствие передаваемой и получаемой информации;
- качественное соответствие передаваемой и получаемой информации;
- подбор корректных кодов при создании имиджеобразующих текстов;
- подбор корректных каналов коммуникации.

В связи с этим актуальными являются мастер-классы, формирующие эти важные составляющие. Слушатели мастер-классов приобретут навыки и знания о PR-технологии, которые помогут ориентироваться в сфере профессиональной деятельности сотрудника библиотечной организации, ознакомятся с особенностями практической реализации трендов и новых технологий в профессиональной деятельности [1. С. 15].

Участники мастер-класса получают системное представление о закономерностях и принципах формирования трендов в имид-

**ТУРАНИНА Неонила
Альфредовна**, доктор
филологических наук,
профессор

**ЕФРЕМОВА Нина
Владимировна**,
кандидат педагогических
наук, доцент

**УВАРОВА Тамара
Анатольевна**,
кандидат педагогических
наук, доцент

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород

жевой политике библиотеки, о применении указанных трендов в различных областях библиотечной деятельности, о современном состоянии PR-индустрии, основных тенденциях развития имиджевых технологий, о роли трендов в современной практике public relations.

Public Engagement (вовлечение общественности) определяет, как группа заинтересованных лиц влияют на принятие решения. В рамках данного подхода вовлечение общественности становится главной функцией формирования имиджевой политики библиотечной организации.

Мастер-класс предполагает создание групп по принятию решений со следующими характеристиками:

- возможность привлечения исследователей и экспертов;
- вовлечение новых точек зрения и сторонних агентов в разрешение спорных вопросов имиджевой политики библиотечных и других организаций.

Для создания успешного процесса вовлечения общественности важную роль играет разъяснение представителям общественности, почему их вовлекают в процесс принятия решения и каково их воздействие на принятие конечного решения. Также определяется масштаб дискуссий и процедура принятия решения [2. С. 59].

На мастер-классе анализируется ряд кейсов. Так, например, вовлечение общественности в проект канадского газопровода Northern Gateway Pipeline, сопряженного с высоким уровнем экологических, финансовых, экономических, политических и социальных рисков.

На уровне федерального правительства Канады была создана Совместная комиссия по изучению проекта, которая постановлением Национального совета по энергетике получила полномочия на проведение анализа экологического воздействия проекта. В рамках данного процесса Комиссия проводила публичные слушания на территории обеих провинций и знакомилась с показа-

ниями представителей общественности [3. С. 176].

Процесс вовлечения общественности был организован через независимую комиссию для того, чтобы у общественности не сложилось впечатление, что власти имеют какое-либо влияние на данный проект.

В ходе анализа данного кейса на мастер-классе рассматриваются следующие вопросы:

- информационная поддержка правительственных проектов библиотечными организациями;
- вовлечение библиотек как независимых авторов процесса обсуждения общественно значимых проектов;
- привлечение внимания общественности к проектам, поддерживаемым властями;
- мониторинг уровня независимости комиссий при вовлечении общественности;
- мониторинг уровня политического вмешательства в работу независимых комиссий;
- ведение переговоров с местными властями;
- ведение переговоров с представителями общественности [4. С. 74].

В ходе анализа процесса консультаций, призванного помочь в определении актуальных измерителей детской бедности в Великобритании, участники мастер-класса исследовали причины общественной критики указанного процесса:

- низкий уровень информированности общественности о значительном объеме совместной работы, проведенной для ликвидации детской бедности;
- низкий уровень информированности общественности о результатах борьбы государства с детской бедностью за последнее десятилетие;
- низкий уровень доверия общественности к мотивации государственных органов, обратившихся к общественности за консультационной поддержкой только на заключительных этапах принятия решения.

Процесс принятия решений по сокращению бедности в канадской провинции Нью-

Брюнсуик включал активные действия по вовлечению общественности в виде онлайн-конференций, к участию в которой были приглашены все жители провинции.

На заключительном этапе общественных слушаний прошли два тура мероприятий по вовлечению общественности. На первом – были собраны тридцать экспертов-представителей общественности, которые провели ряд дискуссий. Результаты этих дискуссий легли в основу этапа отбора альтернатив, в котором приняли участие лидеры администрации провинции и общественности.

На мастер-классе анализировались следующие аспекты процесса принятия решений:

- практическая реализации принципа устойчивого вовлечения общественности и его связь с имиджем организатора общественного обсуждения;

- освещение и модерация общественного обсуждения проектов в СМИ.

Организация работы по вовлечению общественности в обсуждение нового экономического курса Новой Шотландии рассматривалась в кейсе ONENS. С целью реализации поставленной перед участниками мастер-класса задачи необходимо разработать стратегию по вовлечению общественности, которая должна включать два круга открытых общественных встреч, а также разработку плана, рассчитанного на шестнадцать месяцев. Для каждой стадии процесса вовлечения общественности устанавливается конкретная цель, реализация которой приводила к составлению отчета.

В ходе рассмотрения кейса ONENS участники мастер-класса изучают:

- стимулирование контактов между членами комиссии и представителями общественности;

- альтернативные способы коммуникации с общественностью (электронная почта, электронные формы обратной, логи и мессенджеры);

- подготовка концепций дискуссионных документов;

- поддержание перманентного контакта с общественностью в ходе каждой фазы общественного обсуждения [6. С. 24].

Выбор адекватных инструментов вовлечения общественности позволяет обеспечить результативность имиджевых проектов и позитивный опыт для участников. Спектр методов вовлечения представлен в таблице.

Выбор адекватных инструментов вовлечения общественности позволяет обеспечить результативность имиджевых проектов и позитивный опыт для участников. Спектр методов вовлечения представлен в таблице.

Таблица – Спектр методов вовлечения общественности, изучаемых на мастер-классе "Современные тенденции в управлении имиджевыми технологиями библиотеки"

Методы информирования	Методы консультирования	Методы вовлечения	Методы сотрудничества
• справочники • информационные бюллетени • дни открытых дверей • веб-сайты	• фокус-групповые исследования • публичные комментарии • публичные встречи • анкетирование	• консультационные голосования • семинары	• консультационные советы • общественное принятие решения

Таким образом, вовлечение общественности включает участие действующих лиц и участие представителей общественности. Изменение культуры связей с общественностью реализуется только при наличии поддержки администрации библиотечного учреждения и формирования органа для оказания поддержки практики вовлечения общественности, обладающего консультативными полномочиями [5. С. 207].

На мастер-классе демонстрируются медийные предложения для СМИ, в которых присутствует список возможных тем обсуждения. В ходе изучения медийных предло-

жений решается задача соответствия предоставленного материала целевой аудитории.

Участники мастер-класса изучают следующие виды информационных поводов:

- генерируемые библиотечной организацией;
- однократные;
- циклические;
- проблемные;
- искусственные.

Также на мастер-классе исследовались методики повышения интереса СМИ к инфоповодам:

- внедрение яркой эмоциональной окраски;
- привлечение актуальных экспертов;
- публикация неожиданных заявлений, сделанных медийными персонами и лидерами общественного мнения;
- создание общественного резонанса путем публикации материалов, вызывающих общественное обсуждение;
- реанимация старых инфоповодов;
- ньюсджекинг;
- экскурсии;
- коллаборация;
- персонификация;
- флэшмобы;
- конкурсы;
- публикация кейсов и антикейсов;
- data-driven PR;
- юбилейные даты.

Так, например, при изучении ньюсджекинга участники мастер-класса участвуют в следующих деловых играх:

- мониторинг инфлюэнсеров;
- мониторинг конкурентов;
- мониторинг Google Trends, Google Alerts и Google News;
- мониторинг Websta.

Участники мастер-класса изучают технику формирования эффективных имиджевых сообщений коммуникации с использованием следующих подходов:

- интенциональный подход, направленный на формирование актуальной реакции реципиента имиджевого сообщения;

– семиотический подход, основанный на выборе кодировки при формировании имиджеобразующих текстов и элиминировании шума источника сообщения;

– технологический подход, исключающий влияние шума канала" передачи сообщения и позволяющий добиться количественной полноты передаваемого сообщения.

Для оценки эффективности управления имиджевыми коммуникациями в библиотечно-информационной сфере участники мастер-класса использовали следующие показатели:

- индекс благосклонности медиа;
- индекс медиа-присутствия;
- средний индекс безупречности публикаций;
- индекс приближения публикации к идеалу;
- индекс подтверждения;
- индекс вовлеченности;
- индекса удовлетворенности PR-сопровождением;
- среднее количество реакций пользователей на один пост;
- индекс готовности респондента к рекомендации.

В ходе мастер-класса осваиваются следующие элементы управления имиджевыми сообщениями в библиотечно-информационной сфере:

- модернизация элементов корпоративной идентичности;
- модернизация внутрибиблиотечных коммуникационных кондиций:

- транспарентность организационных процедур в библиотеке;
- мотивация к использованию прогрессивных коммуникационных решений по взаимодействию с ЦА;
- мониторинг уровня доверия целевой аудитории к спикерам;
- эффективная символизация имиджевых сообщений, включающая:
 - постоянство имиджевого сигнала;
 - использование опережающей рефлексии;

- гармонизацию имиджевого сигнала ретрансляцию имиджевого сигнала в ключевых точках;
- дискурсная оценка имиджевых сообщений библиотеки;
- мониторинг системы управления имиджевыми сообщениями библиотеки;
- мониторинг внешней коммуникационной среды библиотечного учреждения;
- мониторинг имиджевой эффективности коммуникационных мероприятий библиотеки;
- символизация массовых мероприятий, проводимых библиотекой.

В ходе формирования имиджевых сообщений библиотеки необходимо учитывать степень виральности медиа-контента. Мастер-класс включает изучение уровня виральности следующих медиа-материалов:

- инфографика;
- подкасты, видеоблоги;
- тексты в социальных сетях.

Уровень виральности материала obligato связан с влиянием на имидж распространителя информации (максимальный отклик в сети Интернет имеет информация, которая позволит репостеру ощутить себя на одной волне с модой).

Участники мастер-класса изучали следующие признаки вирального контента:

- эмоциональность;
- нестандартность;
- провокативность;
- масштабируемость;
- контент вызывает веселые эмоции;
- материал затрагивает тематику, близкую потребителю информации;
- контент стимулирует когнитивную активность реципиента информации;
- наличие драматического или трагического элемента.

Важнейшим фактором вирального контента является аудитория и репутация распространителя информации. Слушатели мастер-класса участвовали в деловой игре "Контент", целью которой являлось создание и распространение в социальных сетях

текста, содержащего социальную рекламу библиотеки.

Деловая игра "Контент" состояла из следующих этапов:

- создание заголовка контента;
- фрагментирование идеи контента;
- изучение сервисов по созданию инфографики (Piktochart, Creately, Infogr.am, Visual.ly, Google Charts, Vizualize.me, Easel.ly, Draw.io, OmniGraffle, Cacao);
- привлечение эксперта или ЛОМа;
- нахождение коэффициента конверсии новых пользователей;
- измерение уровня виральности контента.

Игровой контент служит выстраиванию эффективного взаимодействия между подписчиками и библиотекой, т. е. созданию инструментов, способных вызвать обратную реакцию у подписчиков социальных сетей и повышение уровня виральности медиа-контента.

Слушатели мастер-класса изучали виды игрового контента, направленного на достижение следующего результата:

- повышение уровня лояльности подписчиков и уровня узнаваемости бренда библиотечной организации;
- привлечение новых пользователей;
- рост уровня активности в сообществе (группе) библиотечной организации.

На мастер-классе использовались следующие деловые игры:

- квиз (цель игры – максимальное вовлечение и удержание аудитории подписчиков путем запуска необычного анкетирования), используются следующие инструменты:

- Marquiz;
- Flow XO;
- Envybox;
- SMMbro;
- Flexbe;
- Enquiz.

Таким образом, управление имиджевыми коммуникациями в библиотеке – важный и сложный процесс. Существующие подходы к оценке эффективности этого про-

цесса довольно сложные и многоступенчатые. С этой целью необходима проверенная система подготовки, в процессе которой библиотечные специалисты в целом, а руководители библиотек в особенности, должны изучить технику имиджевых коммуникаций, приобрести знания о PR-технологиях с учетом и зарубежного опыта.

Участники предлагаемых мастер-классов глубоко изучают технику формирования эффективных имиджевых коммуникаций с использованием различных подходов: интенционального, семиотического, технологического, которые в последующей практической деятельности помогают добиться желаемых результатов.

Литература:

1. Алтухова Г.А. Основы библиотечного имиджа : учебно-методическое пособие / Г.А. Алтухова. – М. : ЛИТЕРА, 2008. – 224 с.
2. Технология создания имиджа преподавателя / Н.А. Туранина, И.Ф. Заманова, Л.М. Курганская, Г.Н. Тутаева // Среднее профессиональное образование. – 2017. – № 3. – С. 58-61.

3. Туранина Н.А. Имидж современной библиотечной организации : теоретический аспект проблемы / Н.А. Туранина // Румянцевские чтения – 2019 : материалы Международной научно-практической конференции : в 3 частях. – М. : Пашков дом, 2019. – С. 175-179.

4. Туранина Н.А. Основные технологии управления имиджевыми коммуникациями в библиотеках / Н.А. Туранина, И.В. Колганов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань, 2018. – Раздел "Культура. Культурология". – С. 73-77.

5. Туранина Н.А. Презентация имиджевых характеристик библиотеки как основа типологии методов оценки эффективности имиджеобразующих публикаций / Н.А. Туранина, И.В. Колганов // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции : в 4 томах. – Белгород : Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2019. – С. 206-208.

6. Туранина Н.А. Современные имиджевые технологии библиотеки : формирование и управление : монография / Н.А. Туранина, И.В. Колганов. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. – 134 с.

Kireeva Olga Anatolyevna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Professor of Department

Doronina Inna Nikolaevna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor of Department

Department of Library and Information Activities Belgorod State and Institute of Arts and Culture, Belgorod

Sorokoletova Natalia Vasilyevna, PhD of Technological sciences, Associate Professor, Deputy Director for Automation of Library Processes, Belgorod State Universal Scientific Library, Belgorod

The article substantiates the need for the development of Russian library corporations as the main direction of library automation. The main objectives of the development of library corporations are determined on the basis of the history of the development of corporate relations. Based on the theoretical substantiations already developed, the relevance of assessing the effectiveness of Russian library corporations in the conditions of digitalization of modern society is shown. The results of the practice of evaluating the effectiveness of the OPAC-Global AIS based on the developed indicators are proposed.

Keywords: digitalization; automation; library corporation; efficiency; evaluation; indicators.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.5

ИНТЕГРАТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ

УДК 021

БАК 24.00.01

© Киреева О.А., 2021

© Доронина И.Н., 2021

© Сороколетова Н.В., 2021

В статье обосновывается необходимость развития российских библиотечных корпораций как основного направления автоматизации библиотек. Определены главные цели развития библиотечных корпораций на основе истории развития корпоративных отношений. На основе уже разработанных теоретических обоснований показана актуальность оценки эффективности российских библиотечных корпораций в условиях цифровизации современного общества. Предлагаются результаты практики оценки эффективности АБИС "OPAC-Global" на основе разработанных индикаторов.

Ключевые слова: цифровизация; автоматизация; библиотечная корпорация; эффективность; оценка; индикаторы.

КИРЕЕВА Ольга

Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры

ДОРОНИНА Инна

Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры

кафедра Библиотечно-информационной деятельности Белгородский государственный и институт искусств и культуры, Белгород

СОРОКОЛЕТОВА

Наталья

Васильевна, кандидат технических наук, доцент, Заместитель директора по автоматизации библиотечных процессов, Белгородская государственная универсальная научная библиотека, Белгород

Автоматизация российских библиотек осуществляется на основе корпоративных библиотечно-информационных систем и в настоящее время продвигается в трех направлениях: федеральное (развитие взаимодействия с библиотечными системами на уровне Российской Федерации), региональное (формирование и развитие информационного пространства библиотек региона), внутрибиблиотечное (автоматизация библиотечных процессов универсальной библиотеки для обеспечения развития двух первых направлений). Региональное и внутрибиблиотечное направления автоматизации универсальных библиотек осуществляется на основе внедрения и эксплуатации региональной корпоративной библиотечно-информационной системы.

На XVIII Международной научно-практической конференции "Корпоративные библиотечные системы: технологии и инновации" (Санкт-Петербург, 2019) большой интерес вызвала дискуссионная площадка: "Автоматизация библиотек завершена. Да здравствует цифровизация!", на которой основными трендами развития библиотек были определены корпоративность, интеграция и цифровизация [1].

Я.Л. Шрайберг в своем докладе на пятом международном профессиональном форуме "Крым-2019" определил более точно процессы цифровизации как цифровую трансформацию. "Цифровая трансформация – это и цифровая среда, и цифровые технологии, и расширяющаяся власть компьютеров" [2]. Кроме того, автор проанализировал как связаны между собой понятия "информатизация" и "цифровизация" и сделал вывод о том, какими отличительными признаками должна обладать цифровая система.

Я.Л. Шрайберг утверждает, что сегодня в библиотечную и архивную области пришла цифровизация. "Цифровая трансформация в обществе стимулирует развитие цифровой экономики, что подразумевает развитие экономических и связанных с ними технологических, социальных и культурных отношений, сопровождающееся повсеместным использованием цифровых информационно-коммуникационных технологий – тотальной цифровизацией" [2].

На международном уровне реализуются корпоративные и национальные проекты Открытого доступа: "Библиотека Гугла", "Открытая библиотека" (Yahho и Microsoft) и многие другие, содержащий анализ которых представлен Я.Л. Шрайбергом [3].

На российском государственном уровне сегодня активную фазу развития корпоративности мы можем наблюдать в нескольких направлениях.

Активно формируется федеральная государственная информационная система "Национальная электронная библиотека" (НЭБ), в состав которой входит и "Национальная электронная детская библиотека".

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В ОБЩЕСТВЕ СТИМУЛИРУЕТ
РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ, ЧТО
ПОДРАЗУМЕВАЕТ РАЗВИТИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И
СВЯЗАННЫХ С НИМИ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ,
СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ,
СОПРОВОЖДАЮЩЕЕСЯ
ПОВСЕМЕСТНЫМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЦИФРОВЫХ
ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ.

Получили развитие региональные и межрегиональные корпоративные проекты по формированию баз данных, библиографическому учету и изучению документов краеведческого характера и др. Были созданы две межрегиональные корпоративные системы-консорциумы: Национальный информационно-библиотечный центр "ЛИБНЕТ" и "АРБИКОН" – ассоциация региональных библиотечных консорциумов. У них общие цели и задачи, но разные организационно-технологические подходы к формированию ресурсов.

Принятая в марте 2021 года "Стратегия развития библиотечного дела на период до 2030 года" для достижения целевых показателей в области модернизации библиотечной системы предусматривает "преодоление межведомственных барьеров в планировании, управлении и организации деятельности библиотек, а также обеспечение поддержки корпоративных моделей взаимодействия" [4].

Развитие библиотечной науки и практики в условиях информационного общества закономерно предполагает объединение и сотрудничество библиотек на основе корпоративных технологий.

Развитие библиотечной науки и практики в условиях информационного общества закономерно предполагает объединение и сотрудничество библиотек на основе корпоративных технологий.

Еще в 60-70-х гг. прошлого века авторитетные ученые в области библиотековедения считали актуальным вопрос о библиотечных объединениях. О.С. Чубарьян один из первых позиционировал библиотечную сеть как единую целостную систему, его работы имели важное методологическое и теоретическое значение. В 80-х годах особенности и принципы функционирования единой библиотечной сети обосновала Н.И. Тюлина. Далее Н.С. Карташов, который признан как

основоположник применения системного подхода в библиотечном деле, выделил региональное библиотековедение как отдельное научное направление, основанное на территориальной организации библиотечного дела, и разработал теоретико-методологические основы этого направления. Ю.А. Гриханов сформулировал концепцию формирования национального библиотечно-информационного фонда для полного сохранения документного культурного наследия России, причем с основой в виде сетевых информационных ресурсов [5].

В начале 80-х годов были определены организационные и технологические принципы деятельности библиотек, объединяющихся в консорциумы, разработаны технологические схемы на современной организационно-технологической платформе. Фундаментальный вклад внесли работы Ф.С. Воройского и Я.Л. Шрайберга. Особое влияние на развитие корпоративности библиотек оказала книга "Корпоративные автоматизированные библиотечно-информационные системы: состояние, принципы построения и перспективы развития" и монография Ф.С. Воройского "Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем" [6]. Кроме того, в библиотечном поле публикаций выделяется целый массив современных работ, посвященный этому направлению. Это работы Л.И. Алешина, О.Л. Лаврик, Е.В. Линдеман, Б.Р. Логинова, Б.И. Маршака, А.И. Племнека, Н.С. Редькиной, В.К. Степанова и др.

Изучая историю корпоративных отношений в деятельности российских библиотек, мы пришли к выводу, что по аналогии с зарубежным опытом (прежде всего центр OCLC WorldCat), главной целью развития корпораций стало устранение дублирования библиотечных процессов, связанных с комплектованием и каталогизацией путем формирования сводного электронного каталога. Ф.С. Воройский считает, что "в общесистемном плане любая корпоративная библиотечно-информационная система или

сеть (КБИС) представляет собой единый комплекс организационных, технологических, технических и информационных средств, предназначенных для создания и использования объединённых информационных ресурсов с целью удовлетворения социальных, культурных, научных и других видов потребностей пользователей" [6]. Необходимо отметить, что организационно-функциональная схема КБИС полностью совпадает с организационно-функциональной схемой АБИС, которая является основой любой корпорации.

Согласно Ф.С. Воройскому под региональной корпоративной библиотечно-информационной системой (РКБИС) будем понимать "добровольное объединение ряда взаимно независимых в административном и хозяйственном отношениях библиотек (возможно также – информационных органов или служб) одного города или области для совместного решения их основных функциональных задач, преимущественно связанных с развитием качества библиотечно-информационного обслуживания пользователей данного региона и созданием современной технологической базы. При этом на одном из первых мест в составе упомянутых задач стоит совместное создание библиотечно-информационных ресурсов общего пользования корпорации и обеспечение эффективного открытого доступа к ним через Интернет" [6].

Сегодня региональные корпоративные библиотечно-информационные системы в таком понимании являются наиболее адекватными и актуальными формами библиотечного регионального сотрудничества.

Этому свидетельствуют ежегодные международные научные конференции по данному направлению, проводимые библиотечными корпорациями: крымские конференции, конференции "Корпоративные библиотечные системы: технологии и инновации" (Санкт-Петербург), конференции "LIBCOM".

Все требования к РКБИС содержатся в разработанных Я.Л. Шрайбергом и Ф.С. Во-

ройским технологических и организационных принципах проектирования региональных корпоративных библиотечно-информационных систем [6. С.10].

Созданные на основе технологических и организационных принципах проектирования РКБИС получили возможность для разработки и внедрения корпоративных технологий: корпоративного комплектования, корпоративная текущей каталогизации, корпоративного обслуживания.

Опираясь на разработанные принципы и используя в своей деятельности корпоративные технологии, российские библиотеки смогут решать такие важные задачи, главная из которых снизить затраты на комплектование и обработку документов; повысить качество библиографических записей; расширить и улучшить качественно библиотечные продукты и услуги.

Решение этих задач определяет направления развития автоматизации универсальных библиотек. Региональное направление автоматизации заключается в координации деятельности библиотек всех видов на территории области. Благодаря развитию региональных корпоративных библиотечных систем, с помощью объединения информационных ресурсов библиотек появилась возможность значительно расширить ассортимент информационных продуктов и услуг. Новые электронные продукты позволяют обеспечить профессиональный и быстрый доступ пользователей к информационным ресурсам, что ускоряет и повышает качество библиотечно-информационного обслуживания.

Анализ деятельности корпорации библиотек Белгородской области показал, что внедрение и эксплуатация АБИС "ОРАС-Global" для корпоративного использования и аппаратная платформа для ее работы, дают положительный результат и позволяют реализовать все корпоративные технологии.

Формирование корпоративных продуктов БГУНБ с использованием АБИС "ОРАС-

Global" дает возможность эффективно, а главное, рационально осуществлять библиотечное обслуживание пользователей, совместно использовать информационные ресурсы, экономить трудовые и материальные затраты на каталогизацию изданий. Однако результаты работы библиотечных корпораций различны и поэтому необходимо определить факторы для определения степени успешности. Другими словами, актуальной является проблема определения эффективности эксплуатации АБИС как корпоративной системы в деятельности универсальных библиотек, которые являются центром региональной корпорации.

Российская практика проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем сложилась на основе семейства ГОСТ 34.600 "Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы" и особенностей технологических процессов реальных библиотек. В ГОСТах основное внимание уделяется созданию АБИС, проблемы эксплуатации практически на сегодняшний день мало изучены. Единственно, что предлагается – разделять эксплуатацию на опытную (пилотную) и промышленную. Л.И. Алешин предлагает такие эксплуатационные характеристики АБИС:

1. Обеспечение текущего функционирования системы.
2. Организация учета программно-технического оборудования и документации, используемых в работе.
3. Техническое обслуживание оборудования и выполнение регламентных работ.
4. Текущий ремонт оборудования и модернизация программного обеспечения.
5. Техническая поддержка пользователей и др. [7].

В условиях конкретной универсальной библиотеки эти характеристики могут дополняться.

Наиболее важный компонент управления любым учреждением, в том числе и библиотекой, считается оценка эффективности. В

своих публикациях Н.С. Редькина утверждает, что "эффективность представляет собой одну из форм результативности движения, развития процессов, явлений и может выступать ее конечной формой" [8]. С точки зрения автора, эффективность – это "изучение субъектом оценки результатов деятельности библиотеки в целях получения количественных характеристик для проведения различных управленческих воздействий" [8].

Оценка эффективности библиотек на международном уровне осуществляется на основе стандарта ISO 11620:1998 "Показатели эффективности библиотек" и на "Международное руководство по эффективности университетских и других научных библиотек" [8].

В отечественном библиотековедении Н.С. Редькина обобщила различные подходы к измерению, оценке, анализу, построению системы показателей, управлению известными учеными-библиотековедами и предлагает классифицировать виды эффективности "в зависимости от измеряемой функциональной подсистемы, структурного уровня и затрат" [8]. Данная классификация наиболее адекватно соответствует цели исследования -определение эффективности эксплуатации АБИС "OPAC-Global" как корпоративной системы, т.е. на структурном уровне.

Автор предлагает следующие типы эффективности:

- социальная – при решении социальных задач определяется отношение благоприятных социальных результатов к затратам на их достижение;

- технологическая – на основе внедрения технологических инноваций улучшение технико-экономических показателей;

- управленческая – 1) достижение с помощью системы управления возможно большего и лучшего результата при заданном уровне расходов на управление или достижение заданного результата при возможно меньших расходах на управление; 2) мера,

в которой система управления объектом обеспечивает эффективность деятельности управляемого объекта [8].

Можно сделать вывод, что эффективность складывается из множества факторов и относится к оценочным категориям. Поэтому для количественной и качественной оценки эффективности необходимо разработать различные показатели. Причем, они должны образовывать определенную систему, т.е. должны быть сгруппированы и упорядочены по определенным признакам. Поэтому, чтобы измерить эффективность деятельности библиотеки, необходимо разработать систему измерения: выделить критерии, определить индикаторы и методы.

В данном случае, основные критерии, конечно же, связаны с эксплуатационными характеристиками АБИС, выявленными выше, также критерии определяются реализацией организационно-технологических принципов проектирования АБИС, рассмотренных в теоретической части работы. Кроме того, в предметной области "Информационные технологии" корпоративная сеть представляется как сложная система из взаимодействующих слоев: техническая подсистема с каналами связи; передачу пакетов информации обеспечивает транспортная подсистема, передачу пакетов информации); программное обеспечение состоит из сетевых операционных систем; системы управления базами данных (СУБД); системные сервисы.

Поэтому были определены критерии на соответствие принципам корпоративности. Эти критерии стали основой для системы показателей определения эффективности эксплуатации АБИС "OPAC-Global", которые были обозначены как индикаторы и представлены в таблице 1.

Оценочную шкалу определили следующим образом: 2 балла – реализуется полностью; 1 балл – реализуется частично; 0 баллов – не реализуется.

Таким образом, из 24 баллов максимальной оценки эксплуатация АБИС "OPAC-

Global" в БГУНБ получила 19 баллов, т.е. эффективность составляет 80%, что является очень хорошим результатом.

Таблица 1 – Система индикаторов для анализа эксплуатации АБИС "OPAC-Global"

№ п/п	Индикаторы	Оценка (баллы)
1	Обеспечение текущего функционирования системы	2
2	Организация учета программно-технического оборудования и документации, используемых в работе	2
3	Техническое обслуживание оборудования и выполнение регламентных работ	2
4	Текущий ремонт оборудования	2
5	Модернизация программного обеспечения	2
6	Внедрение дополнительных модулей	1
7	Техническая поддержка пользователей	1
8	Совокупность объединенных ПК Структура предусматривает разные иерархические уровни степени участия библиотек в сети, разные АБИС и протоколы обмена данными	1
9	Транспортная подсистема. Поддержка протокола HTTP	1
10	Сегевая операционная система	2
11	СУБД (разные СУБД участников корпорации)	1
12	Системные сервисы	2

Для определения потенциала библиотечной корпорации мы использовали систему индикаторов, разработанную группой ученых СО ГПНТБ России (О.Л. Лаврик, А.А. Стукалова и др.). В основе их разработки – положение о том, что библиотечная корпорация является разновидностью социальной системы, поэтому приоритетны были такие свойства, как целостность и интегрированность [9. С. 5].

Под целостью авторы понимают гомогенность системы, то есть "объединение элементов одинаковой природы и генезис данной системы; неотторжимость элементов от системы без ущерба для ее жизнедеятельности; обособленность системы от других" [9]. Можно утверждать, что библиотечная корпорация гомогенна априори, так как в ее состав входят обычно библиотеки и информационные учреждения (однородные элементы). Вместе с тем, в деятельности

участников корпорации используются различные АБИС, поддерживающие различные протоколы передачи данных, что вынуждает использовать дополнительные программно-технические средства (шлюзы).

Свойство интегрированности определяет взаимосвязи элементов системы между собой на внутреннем уровне. Чтобы определить степени интегрированности, предлагаются такие критерии: "объединение в социальную общность происходит на основе определенной совокупности процессов (может быть один процесс, несколько процессов, все процессы); устойчивость и равновесие отношений между элементами системы зависят от количественного состава внутри системы и характера организационных связей; ус-

тойчивость как долговременность социального взаимодействия; устойчивость как длительность функционирования. В этом случае индикаторы были сгруппированы" [9].

Библиотечная корпорация – это, прежде всего, технологическая система, а следовательно, соответствующие индикаторы будут выглядеть следующим образом:

- единое программное обеспечение для автоматизации традиционных библиотечных процессов;
- централизованная техническая поддержка единого программного обеспечения для автоматизации;
- использование единой аппаратной и методической платформы;
- обеспечение участниками корпорации высокоскоростного удаленного подключения к централизованному серверу баз данных.

Оценочная шкала была построена как в предыдущем случае. Система индикаторов представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Система индикаторов для анализа потенциала деятельности корпорации библиотек Белгородской области

Группа индикаторов	Индикаторы	Оценка (баллы)	
Программно-технологические и технические	1. АБИС участников корпорации (единое программное обеспечение, аппаратная и методическая платформа)	Использование нескольких АБИС, поддерживающих протокол Z39.50, HTTP и формат RUSMARC	1
	2. Уровень технического обеспечения участников корпорации (централизованная техническая поддержка)	Среднее	1
	3. Качество интернет-связи (высокоскоростное удалённое подключение)	Среднее	1
	4. Качество библиотечных и информационных услуг	Выше среднего	2
Организационно-правовые	5. Юридический статус	Есть	2
	6. Квалификация сотрудников	Постоянное повышение квалификации	1
	7. Информирование и реклама	В профессиональной среде и в СМИ	1
	8. Наличие развитой системы управления	БГУНБ – координационный и контролирующий центр	2
	9. Нормативно-организационная основа	Наличие договора, правил, метод. разработок	2
	10. Организационная структура	Более двух направлений деятельности у большинства участников	2
	11. Сотрудничество с партнерами	Сотрудничество с большим количеством партнеров	2
	12. Разработка и участие в проектах	Несколько проектов	2
Финансовые	13. Внешняя поддержка	Постоянная	1
	14. Членские взносы	Нет	2
Социологические	15. Платные услуги	Любому пользователю	2
	16. Уровень гомогенности библиотек-участниц	Смешанные участники	1
	17. Неотторжимость элементов системы без ущерба для ее жизнедеятельности	Отсутствие ущерба	1
	18. Количество процессов, объединяющих участников корпорации	Более четырех процессов	2
	19. Стабильность (уровень устойчивости)	Стабильный (расширяющийся)	2
	20. Длительность функционирования	16 лет	2

В работах группы ученых СО ГПНТБ России данная система индикаторов применялась для оценки деятельности центра OCLC, который на мировом уровне можно считать эталонной моделью библиотечной корпорации. Центр набрал 35 баллов (максимальное количество баллов) [10]. Согласно нашим исследованиям, корпорация библиотек Белгородской области набрала 32 балла, что свидетельствует о достаточно эффективной деятельности корпоративной системы.

В результате проведенной работы мы отметили, что сформированное единое корпоративное пространство библиотек области позволяет говорить и о наличии электронной библиотеки корпорации. Технология

создания такой библиотеки развивается в следующих направлениях: содержание в актуальном состоянии системы электронных каталогов и баз данных; создание и использование электронных полнотекстовых ресурсов на основе единых правил;

формирование набора виртуальных сервисов, через которые возможно обслуживание пользователей библиотек.

Дальнейшее развитие технологии формирования ресурсов корпорации мы видим в совершенствовании качества электронных каталогов и баз, особенно в повышении возможности построения на их основе релевантных запросов и приближении результатов поиска к выборке из традиционных каталогов, а также в формировании

электронных тематических коллекций на основе библиографических и полнотекстовых баз данных.

В 2020 году БГУНБ внедрила у себя технологию безбумажного учета посещений и книговыдачи, которая показала эффективность более чем на 30% в экономии времени сотрудников и читателей. Данная технология основана на автоматизированном обслуживании читателей. Поэтому для эффективного использования средств областного бюджета, обеспечившего техническую и программную базу, следует в 2021 году решить задачу внедрения технологии автоматизации учета посещений и книговыдачи во всех Центральные районные библиотеках и

в последующие годы растиражировать эту технологию на все филиалы.

Приобретение модуля "Электронный абонемент": переход на безбумажную технологию обслуживания читателей и учета посещений, ведение документооборота по учету фондов ЦБС на базе системы АБИС "OPAC-Global".

Практика и анализ эксплуатации АБИС "OPAC-Global" показывают, что совокупная равномерная модернизация библиотечной сети возможна только в рамках корпоративного объединения, потому что именно корпорация задает общий вектор развития, обеспечивает согласованность внедрения инноваций и позволяет уравнивать рост отдельных участников.

Примечания:

1. Корпоративные библиотечные системы: технологии и инновации : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург-Хельсинки, 24-29 июня 2019 г. – URL : https://arbicon.ru/conference/arbicon2019/pages/s/materials_spb/
2. Шрайберг Я.Л. Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества / // Ежегодный доклад Пятого международного профессионального форума "Крым-2019" / Я.Л. Шрайберг // Научные и технические библиотеки. – 2019. – № 9. – С. 3-55.
3. Шрайберг Я.Л. Корпоративные и национальные проекты Открытого доступа / Я.Л. Шрайберг, А.И. Земсков // Научные и технические библиотеки. – 2008. – № 8. – С. 5-23.
4. Распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 №608-р "Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела на период до 2030 года" – URL : Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.03.2021
5. Трофименко А.А. Кооперация как способ повышения эффективности библиотечной деятельности : специальность 05.25.03 "Библиотековедение, библиографоведение и книговедение" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Трофименко Антон Александрович. – Краснодар, 2005. – 152 с.
6. Воройский Ф.С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем : монография / Ф.С. Воройский. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 383 с.
7. Алешин Л.И. Проектирование библиотечных АИС / Л.И. Алешин. – М. : Либерия-Бибинформ, 2008. – 352 с.
8. Редькина Н.С. Современные подходы к измерению эффективности работы библиотек // Роль ГПНТБ в развитии информационно-библиотечного обслуживания в регионе (к 90-летию ГПНТБ СО РАН, 50-летию в составе Сибирского отделения РАН) : Межрегиональная научно-практическая конференция, г. Новосибирск, 6-10 октября 2008 г. – Новосибирск : [б. и.], 2008. – С. 154-156.
9. Лаврик О.Л. Разработка системы индикаторов для определения потенциала библиотечных корпораций / О. Л. Лаврик, А. А. Стукалова // Библиосфера. – 2008. – № 4. – С. 27-31.
10. Стукалова А.А. Корпорация как форма профессионального сотрудничества библиотек : специальность 05.25.03 "Библиотековедение, библиографоведение и книговедение" : дис. ... канд. пед. н. – Новосибирск, 2008. – 313 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/korporatsiya-kak-forma-professionalnogo-sotrudnichestva-bibliotek>
11. Пилко И.С., Мухамедиева С.А. К оценке эффективности библиотечной деятельности // Науч. и техн. 6-ки. -2019. -№3. -С. 31-44.
12. Шрайберг Я.Л. Основные положения и принципы разработки автоматизированных библиотечно-информационных систем и сетей: главные тенденции окружения, основные положения и предпосылки, базовые принципы / Я.Л. Шрайберг. – М. : Либерия, 2001. – 100 с.

Kharkivska Elena Viktorovna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Posokhova Natalya Viktorovna, PhD of Sociological sciences, Associate Professor, Professor

Kalashnikova Nadezhda Nikolaevna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Department of Social and Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod

The scientific novelty of the study consists in identifying the main trends in regional practice of the influence of social and cultural rehabilitation of the elderly. As a result, a project was developed for the Shebekinsky Divertissement Theater Art Therapy Center for the social and cultural rehabilitation of the elderly. The goal of the project is to create an interactive space to overcome the processes of social adaptation of middle-aged and older people. The implementation of the project will contribute to the formation of new effective styles of behavior in everyday life among the participants of the Center, thanks to which they will be able to simulate life situations on stage, learn new constructive ways of interacting with the world around them, will adapt in the modern changing world, return a positive attitude to their lives and acquire new hobbies. The project will become a real means of resolving the personal psychological problems of this age group.

Keywords: elderly people; cultural and leisure facilities; social and cultural rehabilitation; leisure; art therapy.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.6

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

УДК 316

БАК 24.00.04

Научная новизна исследования состоит в выявлении основных тенденций региональной практики влияния социально-культурной реабилитации пожилых людей. В результате разработан проект "Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" по социально-культурной реабилитации пожилых людей. Цель проекта – создание интерактивного пространства для преодоления процессов социальной адаптации людей среднего и старшего возраста. Реализация проекта будет способствовать формированию у участников Центра новых эффективных стилей поведения в повседневной жизни, благодаря чему они смогут моделировать на сцене жизненные ситуации, научатся новым конструктивным способам взаимодействия с окружающим миром, пройдут адаптацию в современном изменяющемся мире, вернув в свою жизнь позитивный настрой и приобретут новые увлечения. Проект станет реальным средством разрешения личностных психологических проблем данной возрастной группы.

Ключевые слова: пожилые люди; культурно-досуговые учреждения; социально-культурная реабилитация; досуг; арт-терапия.

© Харьковская Е.В., 2021

© Посохова Н.В., 2021

© Калашникова Н.Н., 2021

49

ХАРЬКОВСКАЯ

Елена Викторовна,
кандидат педагогических
наук, доцент

ПОСОХОВА

**Наталья
Викторовна**,
кандидат социологических
наук, доцент

КАЛАШНИКОВА

**Надежда
Николаевна**, канди-
дат педагогических наук,
доцент

кафедра Социально-
культурной деятельнос-
ти и туризма, Белгородс-
кий государственный
институт искусств
и культуры, Белгород

Введение

Актуальность темы исследования. Социально-культурная реабилитация пожилых людей является необходимой мерой в современных условиях. Возраст для человека всегда выступает определенным психологическим барьером. Пока он учится, работает, занимается домом и вращается в круговороте жизни, возраст не является причиной для беспокойства и ощущения неуверенности и "ненужности". Но когда возраст человека соответствует отметке "пожилой", обычно наступает уныние, негативный настрой и чувство страха. В этот период очень важно

помочь понять человеку, что жизнь не закончилась и по-прежнему представляет интерес. Необходимо создать условия для адаптации человека пожилого возраста к новой жизни. Одним из таких способов является социально-культурная реабилитация.

В развитых странах уже давно пожилой возраст не является помехой для отдыха и развлечений. На Западе пожилые люди очень активно проводят свой досуг. Помимо того, что у них появляются хобби и возможность путешествовать, социальные организации, а также организации культуры и искусства предлагают им разнообразные сферы деятельности, чтобы способствовать их саморазвитию, улучшению настроения, подвижному образу жизни.

Россия не является исключением, сегодня проделана достаточно большая работа по вовлечению людей пожилого возраста в социально-культурную и образовательную сферу. Сюда можно отнести различные курсы по овладению компьютерными навыками и работой в сети Интернет, проведение различных тематических и танцевальных вечеров в учреждениях культуры и досуговых центрах. Тем не менее, в стране все еще бытует мнение, что людям пожилого возраста остается только нянчить внуков и ухаживать за дачей. Поэтому очень важно развеять этот миф.

Часто люди пожилого возраста достаточно активны и хотят постоянно узнавать что-то новое, повышать свой уровень развития и участвовать в общественной жизни. Но существующий психологический барьер не позволяет нашим гражданам вести активную социально-культурную деятельность.

Как только человек сталкивается с тем, что переходит возрастной порог и выходит на пенсию, у него происходят чаще всего негативные изменения: морального и физического состояния. Многие считают, что на этом жизнь закончена, и смысл жизни потерян. В этот момент человек не может адаптироваться к изменениям внешней сре-

ды, которые его коснулись. Как только человек достигает пожилого возраста, у него меняется не только жизнь, но и взаимоотношения с окружающими, круг общения сужается. Одной из приоритетных задач государства и общества сегодня является организация социально-культурной реабилитации в деятельности культурно-досуговых учреждений для людей пожилого возраста. Обладающая разнообразными методами развития и адаптации людей пожилого возраста социально-культурная работа способствует положительным изменениям не только в морально-психологическом плане, но и физическом состоянии людей пожилого возраста.

Степень научной разработанности. Важную роль в формировании концептуальной базы исследования сыграли труды М.Д. Александровой, А. Лидере, П.С. Пряжникова, в которых изложена идея о ведущей деятельности людей пожилого возраста. Особенности теории и практики социальной работы с пожилыми людьми отражены в работах Л.С. Тугарова, С.Ш. Умеркаевой, Е.А. Жариковой, И.П. Бондаренко, В.Э. Гордина, А.А. Дыскина, В.П. Иванова.

Изучением проблем пожилых людей в сфере социально-культурной реабилитации занимались такие авторы, как: О.А. Граб, А.В. Дмитриев, Е.А. Карпаева, Т.З. Козлова, Е.В. Колосова, Н.Г. Фирсова, С.В. Щенникова.

Организация социокультурной реабилитации людей пожилого возраста в культурно-досуговых учреждениях рассмотрена в работах В.В. Галановой, А.В. Бодрина, Л.П. Якушева, Н.Ю. Киселевой.

Целью исследования является выявление и обоснование особенностей социально-культурной реабилитации пожилых людей в деятельности культурно-досуговых учреждений средствами арт-терапии и разработка проекта по совершенствованию данного процесса.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: 1) рас-

крыть сущность и специфику социально-культурной реабилитации пожилых людей; 2) охарактеризовать деятельность культурно-досуговых учреждений по социально-культурной реабилитации пожилых людей средствами арт-терапии; 3) разработать проект центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" по социально-культурной реабилитации пожилых людей.

Предмет исследования – социально-культурная реабилитация пожилых людей в деятельности культурно-досуговых учреждений средствами арт-терапии.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- обоснован потенциал социально-культурной реабилитации пожилых людей в деятельности культурно-досуговых учреждений средствами арт-терапии;
- выявлены основные тенденции региональной практики влияния социально-культурной реабилитации пожилых людей;
- разработан проект "Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" по социально-культурной реабилитации пожилых людей.

Методы исследования включают: теоретический анализ философской, социологической, культурологической, психологической и педагогической литературы; анкетирование; наблюдение и контент-анализ.

Основная часть

С точки зрения психологии возраст выступает как один из элементов, характеризующих развитие личности в определенный период времени. В общем смысле понятие возраст характеризует разные этапы жизни человека, начиная с рождения.

По определению Всемирной организации здравоохранения молодым считается возраст от 18 до 44 лет; следующим идет средний возраст, он определяется промежутком от 45 до 59 лет. Пожилым принято считать возраст от 60 до 74 лет. Старческий возраст – 75-90 лет, и старше 90 лет – долголетие.

Согласно толковому словарю Ожегова понятие "пожилой" определяется как "начинающий стареть, немолодой" [12, с. 687].

В прошлые столетия людей пожилого возраста было очень мало, средний возраст составлял 45-50 лет. В настоящее время, продолжительность жизни увеличилась примерно в полтора раза. Этому способствовали такие факторы, как: развитие научно-технического прогресса, инновационные технологии в медицине, новейшие технологические аппараты для исследований и изобретение более совершенных лекарственных препаратов. С одной стороны, это положительный момент, но, с другой – стали возникать определенные проблемы, самая глобальная из которых – увеличение численности населения по всему миру.

Еще несколько лет назад уже говорили о том, что в России много делается для пенсионеров, однако эти действия разрозненные и зачастую друг другу противоречащие. В 2016 году в стране появился такой документ, как "Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года", и ситуация стала понемногу меняться. Начали воплощаться в жизнь и другие национальные проекты. В их числе созданная рабочей группой Совета при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере концепция активного долголетия [16].

Основополагающий принцип активного долголетия, который должен помочь по-настоящему улучшить жизнь пожилых, – "ничего для нас без нас". Иначе говоря, человек должен быть не объектом, а субъектом собственной жизни, и никакие решения не должны приниматься без участия пожилых людей. В новой политике активного долголетия заложены определенные приоритеты. И первый из них – здоровье. Речь идет и о возможности для реализации полного контроля здоровья в течение всей жизни, и о здоровом образе жизни, и об ответственности человека за свою жизнь, и о качестве и доступности услуг здравоохранения [15, с. 51].

Чтобы пожилой человек смог адаптироваться к изменениям в его жизни, необходимо проводить комплекс мероприятий, который включает в себя следующие компоненты: медикаментозные, психологические, социальные, социально-культурные и др. [2, с. 152].

Пожилые люди, в отличие от работающих, имеют гораздо больше свободного времени, что является плюсом для их социально-культурной реабилитации. С одной стороны, социально-культурная деятельность выступает отдельной категорией, направленной на социализацию, воспитание и образование людей пожилого возраста, а с другой – средство их реабилитации.

У людей пожилого возраста есть больше свободного времени, чем у молодых. Это и нужно для социально-культурной реабилитации.

Социально-культурная реабилитация направлена не только на общение и культурное развитие, но и улучшение физического и психологического состояния человека пожилого возраста, а именно чувство удовлетворенности собой, внешним миром и своими действиями. Пожилые люди должны получать удовольствие от того, что

ЧТОБЫ ПОЛУЧАТЬ
УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ТОГО, ЧТО
ПРОИСХОДИТ НА ДАННОМ
ЭТАПЕ ЖИЗНИ И ПОНИМАТЬ,
ЧТО КАЖДЫЙ ВОЗРАСТ
ИМЕЕТ СВОИ ПЛЮСЫ.

происходит с ними на данном этапе жизни и понимать, что каждый возраст имеет свои плюсы. Очень важно вовлечь человека в социально-культурное взаимодействие с другими участниками, ведущими, дать ему раскрыть свои скрытые способности, помочь почувствовать, что можно достичь вершин, которые он даже не рассматривал в своей жизни. От этого будет зависеть качество жизни людей пожилого возраста, их эмоциональное состояние и психологический настрой.

Учеными, психологами и медицинскими специалистами было выявлено, что терапевтическое воздействие культуры и искусства

ва positively сказывается на людей пожилого возраста, поэтому считается необходимым включение средств реабилитации пожилых людей в деятельность культурно-досуговых учреждений [1, с. 167].

При проведении социально-культурной реабилитации очень важно изучить условия, в которых проживает человек пожилого возраста, понять, что составляет его интерес, к чему он стремится, что или кого он считает идеалом, какие ценности выходят у него на первый план, а также, что он не приемлет, чего опасается и никогда не будет делать. Такое исследование необходимо, чтобы процесс социально-культурной реабилитации оказывал положительное воздействие на человека.

Организуя социально-культурную реабилитацию людей пожилого возраста, необходимо учитывать следующее:

- индивидуальность;
- контактирование с окружающими;
- формы и способы культурно-досуговой направленности, которые влияют на индивидуальность пожилого человека и социальную реабилитацию [7, с. 62].

В культурно-досуговых учреждениях специалистами осуществляются разные формы и методы реабилитации пожилых лиц посредством многообразных клубов и кружков. Наибольшей востребованностью пользуются клубы общения, которые реабилитируют людей пожилого возраста за счет общения. Музыкальное творчество, театральное искусство, хореографическое, декоративно-прикладное творчество, праздничное и садоводческое, также не менее интересно для людей пожилого возраста. По нашему мнению, им интересно все, так как у них, наконец, появилось время для освоения чего-то нового [6, с. 112].

Цифровизация общества также не обошла стороной и пожилых людей. Сегодня

большинство из них посещают компьютерные курсы, умеют пользоваться различными мессенджерами и социальными сетями. Классические кружки также привлекают данную категорию людей.

Потребность людей определяет наличие тех или иных кружков. Для людей пожилого возраста, как и для любой другой возрастной категории, для занятий в кружковой деятельности необходимо помещение, руководитель и главное – желание человека пожилого возраста [5, с. 282].

Если рассматривать социально-культурную деятельность именно с этой стороны, то ее задача состоит в том, чтобы найти людей пожилого возраста, которые испытывают стресс или депрессию от изменений в их жизни, связанные с наступлением возраста, для последующей их реабилитации и проведению мероприятий психологической адаптации к новым условиям. Не менее важная по значимости и другая задача, которая стоит перед социально-культурной реабилитацией: вовлечение пожилых людей в коллективные мероприятия, их социализация, культурное развитие и коммуникация с другими людьми и участниками.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать следующий вывод: возраст для человека всегда выступает определенным психологическим барьером. Пока он учится, работает, занимается домом и вращается в круговороте жизни, возраст не является причиной для беспокойства и ощущения неуверенности и "ненужности". При достижении отметки "пожилой" обычно наступает уныние, негативный настрой и чувство страха. В этом случае необходимо создать условия для адаптации человека пожилого возраста к новой жизни. Одним из таких способов является социально-культурная реабилитация.

Социально-культурная реабилитация пожилых людей направлена, в первую очередь, на их психологический настрой и жизненную позицию. Учеными, психологами и медицинскими специалистами было

доказана положительная эффективность терапевтического воздействия культуры и искусства на людей пожилого возраста. Поэтому социально-культурная деятельность считается необходимым средством реабилитации пожилых людей и рекомендуется к обязательному включению в их досуговую деятельность [13, с. 178].

При проведении социально-культурной реабилитации очень важно изучить условия, в которых проживает человек пожилого возраста, понять, что составляет его интерес, к чему он стремится, что или кого он считает идеалом, какие ценности выходят у него на первый план, а также, что он не приемлет, чего опасается и никогда не будет делать. Правильный подход, согласованные действия специалистов культурной, социальной, медицинской и муниципальной сферы будут способствовать тому, что люди пожилого возраста смогут начать новую насыщенную жизнь, раскрыть и проявить свои таланты и творческие способности, завести новые знакомства, стать более раскрепощенными и культурно развитыми.

Как выше уже было отмечено, социально-культурная реабилитация имеет несколько разнообразных направлений, но, на наш взгляд, одним из самых эффективных является арт-терапия, которая включает в себя разнообразные методы и технологии. Согласно определению А.И. Копытина: "Арт-терапия – это метод психотерапии, использующий творческую активность клиента для решения его психологических проблем" [9, с. 248].

Любая терапия подразумевает выражение себя как личности, своих чувств, эмоций, мировоззрения или желаний. Люди пожилого возраста, используя арт-терапию, могут выразить свое состояние и чувства музыкой, рисунком, движением в танце или целым танцем, слепив фигуру из глины, пластилина и т.д. Для некоторых людей именно такое выражения является единственно верным способом. Таким образом, они не только заявляют о себе, но и

демонстрируют свои творческие способности [8].

Выступая одним из средств социально-культурной реабилитации пожилых людей, арт-терапия преследует следующие цели:

- помощь в адаптации к новым условиям жизни и принятию своего возраста;
- возможность развития нереализованных творческих способностей и креативного мышления;
- развитие интереса к дополнительным знаниям, приобщение к искусству и культуре;
- помощь в преодолении ощущения ненужности и одиночества;
- новые знакомства по интересам [10, с. 44].

Исходя из целей, задачами арт-терапии пожилых людей выступают:

- поиск себя и внутренней гармонии;
- стирание коммуникативных границ и преодоление закомплексованности в общении;
- активизация психических функций (память, внимание, мышление) [10, с. 45].

Занимаясь арт-терапией, у человека появляется образное мышление; развивается его креативность, мелкая моторика. Человек уже по-другому смотрит на мир, он осознает свою значимость и формирует представление о себе и окружающих, понимает важность формирования и выражения своих чувств [11, с. 99].

Все компоненты арт-терапии – будь то танцы, музыка, поэзия, живопись, или самостоятельный творческий процесс, – все это в культурно-досуговых учреждениях помогает людям пожилого возраста преодолеть психические преграды и расстройства. Необходимо отметить, что арт-терапия, как и другие направления социально-культурной реабилитации, невозможна без установления психологического контакта, как работника-специалиста с участниками процесса, так и между участниками. Чтобы получать максимальный эффект от занятий, необходимы полная доверенность и эмпатия.

Арт-терапия делится на два направления:

1. Индивидуальная – направлена на работу с одним человеком. Ее особенность в том, что к работе привлекается психолог, который после беседы с человеком определяет проблему и предлагает средства арт-терапии, наиболее подходящие под конкретный случай. Необходимо отметить, что такое направление арт-терапии возможно только в культурных учреждениях больших городов, т.к. это достаточно дорогой вид социально-культурной реабилитации.

2. Групповая – данное направление наиболее востребовано и популярно. На наш взгляд, и более эффективно. Как правило, люди пожилого возраста относятся с опасением к психологам, а общение в группе с такими же людьми настраивает на положительные эмоции и формирует определенную степень доверия [17, с. 24].

Все вышеперечисленное очень важно в проведении социально-культурной реабилитации. Люди пожилого возраста не проводят дни и вечера в изоляции, они живут полноценной жизнью, соприкасаясь с искусством и культурно развиваясь, заводят новые знакомства, иногда даже поклонников своего таланта. Это позволяет им адаптироваться к новым условиям жизни и произошедшим в ней переменам, а также принять свой возраст и наслаждаться им [3, с. 85].

В России сегодня пожилые люди – одна из таких категорий общества, которые многим рискуют и являются социально неадаптированными. У таких людей много особенностей, как психологических, так и просто возрастных. В социальной среде, в связи с этим, очень важно адаптироваться, чтобы понимать свои новые роли в мире, уметь устанавливать коммуникативные связи с младшими поколениями [18, с. 8]. Сегодня необходимо помочь людям от 60 лет понять, что их жизненный опыт – важен и необходим нам. Поэтому сегодня важно разработать новые варианты адаптации.

В Белгородской области разработана специальная региональная программа "Повы-

шение качества жизни граждан пожилого возраста в Белгородской области на 2017-2025 г.". Цель программы – привлечение пожилых людей к таким сферам, как культура и социальная жизнь [14].

Основную работу по обеспечению качественного досуга пожилых людей в Белгородской области выполняют учреждения культуры.

Учреждения культуры играют ключевую роль в поддержании, сохранении, возрождении, интерпретации и документировании наследия, а также в содействии взаимодействию граждан с искусством или между собой. Как таковые, культурные учреждения являются важными субъектами в деле содействия культурному пониманию, межкультурному диалогу и культурному разнообразию, а также в передаче культуры из поколения в поколение [4, с. 348].

Как правило, в культурно-досуговых учреждениях преобладают такие формы культурной деятельности с пожилыми людьми, которые связаны с музыкой, театром, пением, рисованием и танцами. Проходят встречи художников, художественные развлекательные мероприятия, дискуссионные клубы и мероприятия, ранжированные в соответствии с возрастными группами. Это тот сценарий развития событий, который должен быть в идеальном формате работы с социальной реабилитацией пожилых людей. Учреждения культуры должны учитывать баланс между симпатиями людей и их реальными текущими потребностями, а также способностями.

Одним из учреждений социально-культурной сферы, ведущей деятельностью по социально-культурной реабилитации пожилых людей, является Муниципальное бюджетное учреждение культуры "Централизованная клубная система Шебекинского городского округа" (далее по тексту МБУК "ЦКС Шебекинского городского округа").

МБУК "ЦКС Шебекинского городского округа" – культурное учреждение, созданное 29 июля 2019 года и успешно выполня-

ющее функции культурного и социального ориентира для молодых и пожилых людей. Деятельность его направлена на организацию и проведение культурно-досуговых мероприятий, которые позволяют создать условия для развития индивидуальных способностей, раскрытия творческого потенциала и повышении культурного уровня жителей города.

Главными задачами многих проектов клубной системы сегодня является именно социокультурная реабилитация пожилых людей в районах средствами и арт-терапии. Арт-терапия избрана для этой миссии не просто так. Арт-терапия – это метод, основанный на идее, что творческое самовыражение может способствовать исцелению и моральному благополучию. Искусство, либо создавая его, либо рассматривая искусство других, используется, чтобы помочь людям исследовать эмоции, развивать самосознание, справляться со стрессом, повышать самооценку и работать над социальными навыками.

В рамках организации для пожилых людей проводятся такие мероприятия, как Конкурс любительских театров кукол, "Культурный хоровод", создаются вокально-хоровые коллективы, различные акции и новые вехи арт-терапевтического подхода к социально-культурной реабилитации пожилых людей. Рассмотрим подробнее различные подходы, которые используются в учреждении.

Так, на базе Централизованной клубной системы Шебекинского городского округа действует клуб для пожилых людей "Серебряная нить". Основные направления деятельности клуба – активизация участия пенсионеров в общественной жизни; содействие активному образу жизни людей старшего поколения; организация культурного досуга; оздоровление, укрепление здоровья; создание условий для установления новых дружеских контактов; защита интересов пенсионеров и достойного положения их в обществе.

Одной из форм работы Шебекинского городского округа является поздравление пожилых людей, ветеранов, тружеников тыла на дому участниками художественной самодеятельности.

Песни, стихотворения, да просто добрые слова становятся иногда очень сильным исцелением. Сотрудники ЦКС проводят митинги на братских могилах в близлежащих селах. Каждую осень, в октябре ежегодно проводится акция "Золотой возраст" с поздравлениями и концертной программой для всех пожилых людей округа. Уже стало доброй традицией в день инвалида, в декабре совместно с советом ветеранов и инвалидов проводить праздничную программу "Тепло души". В теплой сердечной обстановке за круглым сладким столом происходит общение, поются песни, дарятся подарки юбилярам.

С августа 2019 года в ЦКС Шебекинского городского округа реализовывался проект "Организация деятельности клуба "Компьютерная азбука для пожилых". Цель проекта – социальная адаптация граждан пожилого возраста к современной компьютерной среде. Проект осуществлялся посредством работы клуба "Компьютерная азбука для пожилых". Формой обучения основам компьютерной грамотности выступили групповые занятия и индивидуальные консультации.

Сегодня Муниципальное бюджетное учреждение культуры "Централизованная клубная система Шебекинского городского округа" реализует множество программ по поддержанию культурного развития населения. В частности, многие проекты направлены на социально-культурную реабилитацию пожилых людей в возрасте от 60 лет. Основная работа ведётся через такие психологические приёмы, как арт-терапия, в которую входит целый ряд различных направлений от музыкотерапии до терапии художественным искусством.

Проекты, которые разрабатываются на базе учреждения, соответствуют всем основ-

ным канонам психологии и терапевтического подхода, что чрезвычайно важно при реализации социально-культурной реабилитации пожилых людей. Жителей районов приглашают к участию в массе различных арт-терапевтических проектов, среди которых такие виды деятельности, как пение, живопись, театральное искусство и многое другое.

Чтобы определить особенности личностного развития людей пожилого возраста и необходимость применения арт-терапевтических технологий в деятельности нами было проведено анкетирование. Контрольная выборка составила 30 человек.

Рассмотрим подробно анализ результатов анкетирования.

На вопрос "Проводятся ли в Централизованной клубной системе Шебекинского городского округа совместные мероприятия молодежи и людей пожилого возраста?" вызвал среди респондентов бурное обсуждение. Так, 30% – согласились с тем, что такие мероприятия есть, 17% – дали противоположный ответ, 43% – ответили "проводятся, очень редко", 10% – утверждают, что это бывает часто.

Согласно вопросу о семейном положении, нам удалось узнать, что 30% – состоят в браке в данный момент, 27% – уже стали вдовцом или вдовой, 13% – не женаты или не замужем. Также важно было понять социальное окружение пожилых людей. Например, 17% – живут вместе с детьми, а 13% – отдельно от детей и внуков.

Так, нам удалось выяснить, что более половины опрошенных одиноки.

На вопрос "Как часто Вы посещаете мероприятия вне своего дома были получены результаты, представленные рисунком 1.

Можно сказать, что половина из опрошенных очень редко посещают какие-то мероприятия вне дома.

Нам также нужно было узнать, часто ли респонденты общаются со своими друзьями и родственниками, а также отправляются к ним в гости (см. рис. 2).

Как часто Вы посещаете мероприятия вне своего дома (например: ходите в кино, театр, церковь, музей, на спортивные мероприятия)?

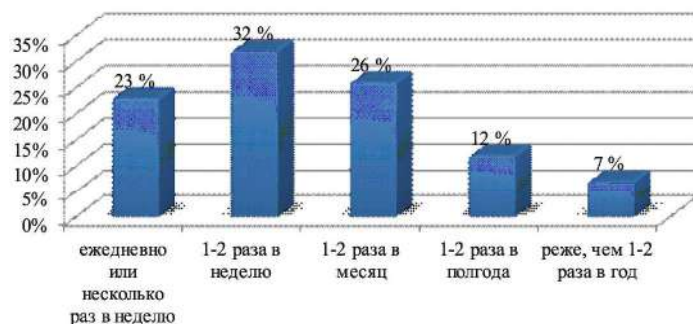

Рисунок 1 – Распределение результатов ответа на вопрос "Как часто Вы посещаете мероприятия вне своего дома"

Как часто Вы общаетесь с родственниками и друзьями – приглашаете их к себе в гости или отправляетесь к ним в гости?

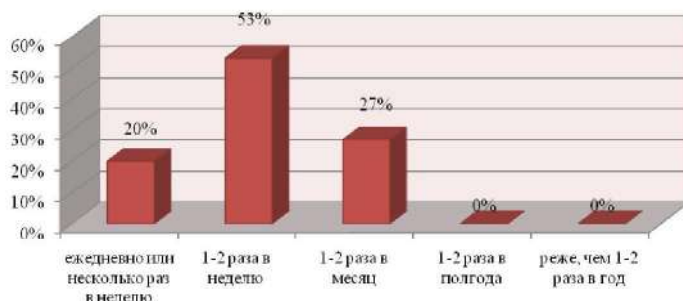

Рисунок 2 – Распределение результатов ответа на вопрос "Как часто Вы общаетесь с родственниками и друзьями – приглашаете их к себе в гости или отправляетесь к ним в гости?"

Результат получился следующий: более половины опрошенных мало общаются и постоянно чувствуют себя одинокими и асоциальными.

Также стоит отметить, что более 70% опрошенных не работают на пенсии, что даёт им больше времени на себя, и это время важно занимать.

Хорошо себя чувствуют 90% респондентов при этом, а удовлетворительно – оставшиеся 10%.

Почти все респонденты сообщили, что нуждаются в друзьях – это 94% опрошенных, 6% – могут сказать, что вполне удовлетворены друзьями.

Вопрос о том, как респонденты проводят вечера, дал нам возможность понять, какой досуг доступен пожилым людям. 11% – смот-

рят телевизор, 15% – предпочитают гулять, 6% – нравится активный отдых. При этом иногда себя ощущают покинутыми 92% опрошенных, а оставшиеся 8% – часто.

Таким образом, мы пришли к выводу, что большинство испытуемых отмечают недостаток в дружеском общении, замкнуты, не имеют близких людей, готовых прийти им на помощь, достаточно трудно находят общий язык с другими людьми, ощущают себя покинутыми, проводят свободное время в одиночестве, не считают себя гармоничной личностью и, соответственно, большинство ощущают себя одинокими.

Полученные в результате исследования данные послужили мотивом к разработке проекта Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" по социально-культурной реабилитации пожилых людей.

Основная цель мер по развитию культурного и художественного творчества и производства для социально-культурной реабилитации пожилых людей заключается в том, чтобы охватить все формы художественных выражений, которые будут способствовать развитию и совершенствованию общего культурного пространства в городе Шебекино и за его пределами.

Исходя из достигнутого уровня развития культуры и культурной деятельности, путем реализации программ удовлетворения общественных потребностей в культуре ставится цель совершенствования всех аспектов культурно-социального творчества, укрепления общего участия в культурной жизни города, сохранения и развития культурного разнообразия, укрепления единства культурного развития, пропаганды культуры как силы развития общества и работы над развитием и поддержкой пожилых людей.

Целью устойчивых изменений в развитии культурного и художественного творчества является содействие культурному производству, распространению и участию, развитие новых культурных и художественных тенденций и направлений, сохранение и развитие хорватской культурной самобытности в стране и во всем мире и воспитание вклада культуры в общее национальное развитие.

Актуальность настоящего проекта обусловлена всевозрастающей ролью коммуникационно-информационных потребностей общества. От качества обмена информацией напрямую зависит степень реализации задач, которые ставятся как обществом, так и каждым конкретным человеком. С другой стороны, некачественная, неэффективная коммуникация способна порождать массу проблем.

В то же время мы можем наблюдать всевозрастающее число людей с проблемами в данной сфере.

При этом в Централизованной клубной системе Шебекинского городского округа имеется действенный инструмент борьбы с указанными проблемами – театротерапия.

Однако на сегодняшний день только 787 человек в возрасте от 35 до 70 лет из 43835 жителей данного возраста, проживающих на территории Шебекинского городского округа, занимается в 59 клубных формированиях театрального направления.

Поэтому именно центр театральной арт-терапии, созданный на базе муниципального бюджетного учреждения культуры "Централизованная клубная система Шебекинского городского округа", способен решить вышеназванные проблемы. Ведь только здесь от участников не будут требовать профессиональной игры на сцене, а само действие, организованное наподобие театрального, станет терапевтическим. Ибо, как отмечал Николай Николаевич Евреинов (русский и французский режиссёр, драматург, создатель оригинальной теории театра, историк театрального искусства, фило-

соф и актёр, музыкант, художник и психолог), "Театр лечит актера, театр лечит и публику" и далее "Театр будит в нас волю к жизни, властно заставляя нас преобразиться".

Цель проекта – создание интерактивного пространства для преодоления процессов социальной адаптации людей среднего и старшего возраста посредством открытия Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" на базе МБУК "Централизованная клубная система Шебекинского городского округа", а также создание доступной, безбарьерной среды общения пожилых людей, формирование благоприятных условий для разностороннего развития личности, общей культуры людей пожилого возраста средствами социально-культурной деятельности для успешной адаптации в современном социуме.

Реализация проекта будет способствовать формированию у участников Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" новых эффективных стилей поведения в повседневной жизни. Они смогут раскрыть себя, станут увереннее в себе, будут моделировать на сцене жизненные ситуации, научатся новым конструктивным способам взаимодействия с окружающим миром.

Это поможет развитию творческого и личностного потенциала участников, будет способствовать популяризации среди них театрального искусства.

Кроме того проект станет средством приобщения населения Шебекинского городского округа к театральному искусству.

Театротерапия – это всегда игра, т.е. вид деятельности, ориентированный на процесс и на удовольствие в этом процессе. Я могу играть кого угодно. "Жизнь – игра, театр".

Поэтому проведение театральных тренингов, постановка интермедий, релаксирующих упражнений, изучение различных театральных техник, например работы с гримом, дадут возможность для реализации качественных межличностных взаимодействий.

Цель создания центра театральной арт-терапии – преодоление процессов социальной адаптации людей среднего и старшего возраста посредством театральной арт-терапии. Создание центра театральной арт-терапии на базе учреждений культуры будет способствовать формированию у участников Центра театральной арт-терапии новых эффективных стилей поведения в повседневной жизни. Они смогут раскрыть себя, станут увереннее в себе, будут моделировать на сцене жизненные ситуации, научатся новым конструктивным способам взаимодействия с окружающим миром. Это поможет развитию творческого и личностного потенциала участников, будет способствовать популяризации среди них театрального искусства.

Целевой аудиторией проекта являются жители сел, близлежащих к административному центру Шебекинского городского округа (Новая Таволжанка, Крапивное, Вознесенка, Нежеголь, Ржевка, Графовка, Маслова Пристань и др.) среднего и старшего возраста (35-70 лет).

На втором этапе будут сформированы группы участников для занятий в Центре театральной арт-терапии. Группы будут подобраны по возрасту: 35-50 лет и 51-70 лет. Оптимальное количество участников группы – 6-15 человек.

По завершении формирования групп состоится анкетирование с целью диагностики участников и определения проблемных аспектов психологического состояния человека, после чего начнутся групповые занятия.

Занятия будут проводиться один раз в неделю. За весь период проекта планируется проведение 30 занятий, каждое продолжительностью 1,5 часа.

Завершающим этапом проекта станет работа над театрализованной постановкой "Бесприданник", по мотивам пьесы Людмилы Разумовской и итоговое анкетирование.

Бюджет проекта составляет 730,9 тысяч руб. В данную сумму вошли средства на

техническое и сценическое оборудование центра, транспортные расходы и расходные материалы.

Охват населения социальными благами за период реализации проекта составит 1 тысячу человек – это участники проекта и зрители.

Проект станет реальным средством разрешения личностных психологических проблем взрослых.

Таким образом, арт-терапевтические занятия очень актуальны в пожилом возрасте, именно благодаря им у пожилого человека происходит адаптация в современном изменяющемся мире, возвращается позитивный настрой, появляются новые увлечения.

Заключение

Старение неизбежно сопряжено со многими трудностями. Потеря социальной и культурной повестки дня – одна из потенциальных составляющих этого процесса, как и снижение физических возможностей и возрастная дискриминация. Термин относится к процессу старения, включающему биологические, эмоциональные, интеллектуальные, социальные и духовные изменения. В этом исследовании рассмотрены варианты решения социокультурных проблем, с которыми мы сталкиваемся входе этого процесса.

Как уже отмечалось, многие пожилые люди остаются в высшей степени самодостаточными. Другие требуют большей осторожности. Из-за культурных заблуждений пожилые люди могут стать мишенями для насмешек и стереотипов. Пожилые люди сталкиваются со многими трудностями в дальнейшей жизни, но они не должны вступать в старость без достоинства и права на реабилитацию в обществе.

Порой в силу своего возраста пожилой человек вынужден оставить любимую работу или любимое занятие, некоторые друзья уже больше не окружают его, потому что становятся разные интересы и увлечения. За-

частую пожилые люди замыкаются в себе из-за того, что им негде реализовать свои творческие потребности или заняться каким-либо новым делом, зачастую пенсионер продолжает принимать участие в некоторых видах общественной деятельности, и создание клуба необходимо. В клубе досуговой деятельности пожилой человек может не только самореализоваться, продолжить свои творческие увлечения, но и также найти себя в чем-то новом, попробовать свои возможности, а также найти новых друзей, научиться петь, танцевать или увлекаться рукоделием.

Таким образом, социально-культурная деятельность очень актуальна в пожилом возрасте, именно благодаря ей у пожилого человека происходит адаптация в современном изменяющемся мире, возвращается позитивный настрой, появляются новые увлечения.

Социально-культурная реабилитация пожилых людей в деятельности культурно-досуговых учреждений направлена, в первую очередь, на их психологический настрой и жизненную позицию. Учеными, психологами и медицинскими специалистами была доказана положительная эффективность терапевтического воздействия культуры и искусства на людей пожилого возраста. Поэтому социально-культурная деятельность считается необходимым средством реабилитации пожилых людей и рекомендуется к обязательному включению в их досуговую деятельность.

При проведении социально-культурной реабилитации очень важно изучить условия, в которых проживает человек пожилого возраста, понять, что составляет его интерес, к чему он стремится, что или кого он считает идеалом, какие ценности выходят у него на первый план, а также, что он не приемлет, чего опасается и никогда не будет делать. Правильный подход, согласованные действия специалистов культурной, социальной, медицинской и муниципальной сферы будут способствовать тому, что люди

пожилого возраста смогут начать новую насыщенную жизнь, раскрыть и проявить свои таланты и творческие способности, завести новые знакомства, стать более раскрепощенными и культурно развитыми.

Социально-культурная реабилитация пожилых людей направлена, в первую очередь, на их психологический настрой и жизненную позицию. Социально-культурная реабилитация имеет несколько разнообразных направлений. Одним из самых эффективных является арт-терапия, которая включает в себя разнообразные методы и технологии.

Люди пожилого возраста, используя арт-терапию, могут выразить свое состояние и чувства через музыку, рисование, танцевальные движения или целый танец, через лепку из глины, пластилина и т.д. Для некоторых людей, именно такое выражения является единственно верным способом. Таким образом, они не только заявляют о себе, но и демонстрируют свои творческие способности.

Полученные в результате исследования данные послужили мотивом к разработке проекта Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" по социально-культурной реабилитации пожилых людей.

Цель проекта – создание интерактивного пространства для преодоления процессов социальной адаптации людей среднего и старшего возраста посредством открытия Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" на базе МБУК "Централизованная клубная система Шебекинского городского округа".

Реализация проекта будет способствовать формированию у участников Центра театральной арт-терапии "Шебекинский дивертисмент" новых эффективных стилей поведения в повседневной жизни. Они смогут раскрыть себя, станут увереннее в себе, будут моделировать на сцене жизненные ситуации, научатся новым конструктивным способам взаимодействия с окружающим миром.

С реализацией данного проекта появится возможность воздействия на личность в самых разных аспектах: физическом, эмоциональном, психотерапевтическом и социальном.

Проект станет реальным средством решения личностных психологических проблем взрослых.

Таким образом, арт-терапевтические занятия очень актуальны в пожилом возрасте, именно благодаря им у пожилого человека происходит адаптация в современном изменяющемся мире, возвращается позитивный настрой, появляются новые увлечения.

Литература:

1. Басов Н.Ф. Социальная работа с людьми пожилого возраста : учебное пособие / Н.Ф. Басов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 347 с.
2. Белецкая Е.А. Проблемы досуга пожилых людей в современном мире / Е.А. Белецкая, А.А. Витохина // Вестник магистратуры. – 2015. – № 1 (40). – С. 151-154.
3. Березцкая Е.А. Теория и практика реабилитации граждан пожилого возраста : учебное пособие / Е.А. Березцкая, В.Ф. Соколова. – М. : Флинта, МПСИ, 2012. – 200 с.
4. Григорьева Е.И. Современные технологии социально-культурной деятельности : учебное пособие / Е.И. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Першина, 2004. – 504 с.
5. Дементьева Н.Ф. Методологические аспекты социально-психологической адаптации лиц пожилого возраста в стационарных учреждениях социального обслуживания / Н.Ф. Дементьева // Психология старости и старения : хрестоматия. – М. : Академия, 2003. – С. 279-283.
6. Жарков А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности / А.Д. Жарков. – М. : МГУКИ, 2007. – 480 с.
7. Каменских В.Н. Социально-культурная реабилитация пожилых людей / В.Н. Каменских // Вестник МПГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 61-64.
8. Колпакова Е.М. Исследование эффективности арт-терапии для людей пожилого и старческого возраста, проживающих в условиях геронтологического центра / Е.М. Колпакова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-tehnologiya-v-sotsialnoy-rabote-s-pozhilymi-lyudmi-sotsiologicheskoe-izmerenie> (дата обращения 03.09.2021).
9. Копытин А.И. Современная клиническая арт-терапия / А.И. Копытин. – М. : Когито-центр, 2015. – 526 с.
10. Марченко И.К. Сочетание различных методик социокультурной реабилитации пожилых людей и инвалидов / И.К. Марченко // Социальная работа. – 2014. – № 1. – С. 43-45.
11. Наумова В.А. Арт-терапия как эффективный метод целенаправленной фасилитации конструктивного развития личности в пожилом и старческом возрасте / В.А. Наумова, Ж.М. Глоzman // Вестник Московского университета. – 2015. – № 2. – С. 98-111.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Около 53 тысяч слов, словосочетаний, выражений, толкований, грамматических форм, вариантов произношений / С.И. Ожегов. – М. : АСТ, 2015. – 899 с.
13. Плеханова О.Е. Социально-культурная деятельность как средство реабилитации пожилых людей / О.Е. Плеханова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – № 1 (9). – С. 176-182.
14. Постановления администрации города Белгорода от 29.05.2017 г. № 204 "Повышение качества жизни граждан пожилого возраста в Белгородской области на 2017-2025 г. : [сайт]. – URL : <http://base.garant.ru/42717974/> (дата обращения : 09.09.2021).
15. Смирнова Е.И. Пожилые люди : стереотипный образ и социальная дистанция / Е.И. Смирнова // Социологическое исследование. – 2013. – № 8. – С. 49-55.
16. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : [сайт]. – URL : <http://base.garant.ru/71322816/> (дата обращения : 04.09.2021).
17. Черносивов Е.В. Социально-культурная реабилитация пожилых людей средствами арт-терапии / Е.В. Черносивов // Психология зрелости и старения: научно-практический журнал. – 2018. – № 1 (41). – С. 19-39.
18. Шабанов В.П. Развитие социального обслуживания пожилых людей – одно из ключевых направлений социальной работы / В.П. Шабанов // Социальная работа. – 2013. – № 1. – С. 6-9.

Resh Olesya Vladimirovna, PhD of Culturology, Associate Professor

Korzhenko Olga Mihailovna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Zenin Sergey Nikolaevich, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod

The article is devoted to the study of the transformation of the understanding of the role of the family as a carrier of social semiotics in Russian culture in its historical change. Social semiotics contained "archetypal patterns" and "rules" of interaction with the world, which indicates its ideological origins. It regulated the life and activity of the collective, from which, in the historical perspective, it turns into a specific "cultural code". Changes in social semiotics in modern society, the carrier and translator of which is the traditional family, entails not only a change in its status in society, but also a transformation of the social structure of society itself.

Keywords: semiotics; semantics; family; cultural code; culture; archetype; symbol; sign; cultural text.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.7

УДК 802

BAK 24.00.01

СЕМЬЯ КАК НОСИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© Реш О.В., 2021

© Корженко О.М., 2021

© Зенин С.Н., 2021

Статья посвящена исследованию трансформации понимания роли семьи как носителя социальной семиотики в русской культуре в ее историческом изменении. Социальная семиотика заключала в себе "архетипичные образцы" и "правила" взаимодействия с миром, что свидетельствует о ее мировоззренческих истоках. Она регулировала жизнь и деятельность коллектива, от чего в исторической перспективе она превращается в специфический "культурный код". Изменения социальной семиотики в современном обществе, носителем и транслятором которой является традиционная семья, влечет за собой не только изменение ее статуса в социуме, но и трансформацию социального устройства самого общества.

Ключевые слова: семиотика; семантика; семья; культурный код; культура; архетип; символ; знак; культурный текст.

РЕШ Олеся

Владимировна,
кандидат культурологии,
доцент

КОРЖЕНКО Ольга
Михайловна,

кандидат педагогических
наук, доцент

ЗЕНИН Сергей

Николаевич,
кандидат философских
наук, доцент

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород

Введение

Актуальность темы исследования. В современном социокультурном пространстве наблюдается глобальная тенденция к подмене семантики не только научных терминов, но и устоявшихся в общественном сознании понятий, как непосредственно участвующих в формировании мировоззрения, так и влияющих на мировосприятие. Именно по этой причине, повсеместно возрастает интерес к семиотическому "знанию", которое способно не только пролить свет на прошлое, но и на возможное будущее человечества – оно целиком зависит от цели пересемантизации "старых" знаков-символов, скрытой в "новых" "кодах" культуры, уже сегодня складывающихся в узких кругах мировой и национальной элиты. Иными словами, в основе многих современных проблем лежит ломка сознания человека, столетиями бытующего как "homo hierarchicus" – человек иерархический – в традиционном культурно-семиотическом пространстве, строго охраняемом законами естественного права и общественной моралью. Если помнить, что "знак", "знание" и "сознание" име-

ют общий корень, то можно понять, какие возможности для конструирования "потребной" действительности открывались и открываются в исторической перспективе перед "посвященными".

К сожалению, переходная эпоха от традиционного уклада крестьянского социума к формированию совершенно иного общества с "новым" мировоззрением и системой ценностей, характеризуется изменением социальной семиотики, носителем и транслятором которой является традиционная семья. Это повлекло за собой не только изменение статуса семьи в социуме, но и трансформацию социального устройства самого общества. Данное обстоятельство актуализирует исследование проблемы трансформации значимости семьи как носителя социальной семиотики в общественном сознании русского народа, закреплённого в его "культурных кодах" в разные исторические периоды.

Степень научной разработанности темы исследования. Первые фундаментальные труды по семиотике как науке о знаках/символах принадлежат зарубежным исследователям: Э. Кассиреру, Ч. Моррису, Ч. Пирсу, Ф. де Соссюру и др.

Отечественная семиотическая традиция исследования знаков/символов в культуре была заложена, прежде всего лингвистами (Л. Ельмслев, С.О. Карцевский, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и др.), а также литературоведами (В.Я. Пропп, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум). Значительный вклад в исследование социокультурных явлений с применением семиотического анализа внесли исследователи Ю.М. Лотман и В.А. Успенский.

Цель, задачи и предмет исследования. Основной целью данной статьи является исследование процесса трансформации значимости семьи как носителя социальной семиотики в общественном сознании русского народа, закреплённого в его "культурных кодах" в разные исторические периоды. Для достижения обозначенной цели исследова-

ния, были сформулированы следующие задачи.

1. Раскрыть специфику понимания роли семьи как носителя социальной семиотики в русской традиционной культуре.

2. Выявить основные социокультурные факторы, оказавшие влияние на трансформацию осознания роли семьи как носителя социальной семиотики в мировоззрении русского народа в переходные периоды (от традиционного общества к современному).

Предметом исследования является семья как носитель социальной семиотики и ее роль в русской культуре на разных этапах ее исторического развития.

Научная новизна исследования заключается в постижении семиотики как системы знаков, которая может помочь сегодня рассмотреть широкий спектр ее идеологического и практического применения: в исторический период в области формирования мировоззрения (индивидуального и общественного сознания), в современном мире – с целью кардинального изменения установившегося социального порядка (внутреннего устройства общества). Если символ выражает максимум информации минимумом изображения, то знак выражает минимум информации в своем максимальном выражении. Это означает, что социальная семиотика убеждает в необходимости исследования скрытых – подтекстовых структур. В этом контексте "семантика исторически сложившейся социальной семиотики выступает как вторичная, после языка, моделирующая система" [1. С. 42], носителем которой является семья как исходная модель социума.

Методология и методы исследования. В данном исследовании мы опираемся на семиотический, сравнительно-исторический, междисциплинарный подходы исследования, позволяющие рассматривать различные стороны духовной жизни общества, зависимой от состояния социальной семиотики, носителем и транслятором которой является традиционная семья.

Источниковая / эмпирическая база исследования. При написании работы большое внимание уделяется "семиотическим" разработкам Б.А. Успенского [4], семиотическому анализу "текстов" культуры в работах Ю.М. Лотмана [5,6] и фольклорных текстов Т.В. Цивьян [7], в которых речь идет о "текстах" культуры как способа отражения социальной действительности. Так как большая часть исследований семейной (преимущественно крестьянской) культуры проводилась в основном этнографами и культурологами, которые акцентировали свое внимание на изучении мифологического и ритуального материала, то становится очевидным преобладание работ, описывающих семейный фольклор, который создавался для детей [8. С. 177].

Основная часть

В проведенных ранее исследованиях [2, 3] мы отмечали, что сегодня можно наблюдать "ослабление роли семьи, которое коренится в пока еще мало заметной для обыденного сознания смене "акцента" в традиционной социальной семиотике. Ее "перекос", выразившийся в феминизме, однополых браках, в появлении женщин-премьеров и женщин-священников, как звенья одной цепи ведут к грядущим революционным изменениям в структуре общества, власти, а значит – в культуре. Это неизбежно по той простой причине, что "семейная модель" любого этноса как носителя доминирующих социальных и культурных черт нации изначально ложится в основу его "культурного кода". Необходимость сохранения традиционно сложившейся "модели" социальной семиотики сегодня очевидна: создание и сохранение крепкой семьи как основы государства должна быть закреплена на мировоззренческом уровне. Решение данной проблемы можно найти в понимании по-

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ПОНИМАНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ "ТРАНСФОРМАЦИИ" СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ЗНАКОВ КАК ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ".

следствий "трансформации" системы социальных знаков как формы выражения социальных отношений" [2. С. 68]. Главную роль в социальной семиотике выполняют "семейные нарративы", посредством которых передаются как семейные традиции, так и оптимальные "модели" взаимодействия с внешним для семьи миром. Семейные нарративы – внутрисемейные "тексты", содержащие нормы взаимодействия с внешним и внутренним миром семьи – начинают рассматриваться сегодня не только как основа семейной социализации личности ребенка, но и как способ вхождения с социальную среду. Поэтому, если трактовка понятия "семья", выраженная в формулировке "индивидуальных потребностях людей в союзе друг с другом" получит признание на уровне общественного сознания, – институт семьи в своей классической модели и предназначении потеряет всякий смысл.

В русской традиционной культуре семиотика "семьи" как социальная семиотика ("трехмерная модель" семьи, "модели" быта и социального поведения), наряду с семиотикой орнамента одежды, семиотикой росписи/резьбы снаружи и внутри дома, – "заклучали в себе "архетипичные образцы" и "правила" взаимодействия с миром, гарантировавшие выживание. Представляя собой "культурные тексты", которые передавались из поколения в поколение, они регулировали жизнь и деятельность коллектива, обеспечивая его продолжение в вечности, отчего в исторической перспективе они, по сути, превращались в специфический "культурный код" [2. С. 69]. Специфика семейных отношений в крестьянском социуме носила традиционный характер, потому как традиционная преемственность семейных и культурных традиций передавалась от старших к младшим. Традиционная русская патриархаль-

ная семья состояла из бабушек и дедушек, их детей – родителей, и внуков. Здесь показан комплекс трех поколений, где мужчине принадлежало последнее слово, а точнее – старейшему члену семьи. В наше время существует несколько иная тенденция, когда молодые семьи стремятся жить отдельно от родителей. Такая тенденция вполне оправдана, потому что разные хозяйственные уклады в семьях мужа и невестки всегда приводили к частым внутрисемейным конфликтам.

Традиционная семья всегда несла в себе нравственные идеалы и нормы поведения. Из исторических и этнографических источников можно ясно увидеть отношение общества к семье: "На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто не цельное, отчасти с презрением" [2. С. 69]. Семья, в традиционный период, оставаясь особым социокультурным микрокосмом, продолжала выполнять "семиотическую функцию" сохранения традиционных социальных отношений. Семейный микросоциум во все времена считался первоосновой масштабного и многопланового процесса культуро- и социогенеза. В процессе первичной социализации ребенка в семье происходит формирование его личности как носителя семейных культурных ценностей. Именно в этот период становится особенно важным, какие "образцы и программы семейного и социального поведения" способно предложить общество подрастающему поколению, вступающему в "деятельный возраст" каждые десять-пятнадцать лет.

Переходные периоды конца XX столетия, как в России, так и на Западе, проходили под "знаком модерна", что не могло не оставить следа в общественном и индивидуальном сознании социума. В отечественной культуре в XX столетии представление о семье как о семи "я" начинает изменяться. И хоть "модель" семьи – отец, мать, дети – упрощается, превращаясь в "модель" – отец, мать, ребенок, но ни на уровне индивидуального, ни на уровне общественного созна-

ния ее "трехчастность" не подвергается "ревизии". Даже на Западе, где с конца XIX века формируется массовая культура как "питательная среда" общества массового потребления и "массового эгоизма", до Второй мировой войны демографическая ситуация не вызывала серьезных опасений. В целом, на уровне общественного сознания, как в России, так и на Западе, неполная семья в традиционный период воспринималась как отклонение от нормы, так как выходила за рамки "трехмерности" социальной семиотики. Рождение детей вне брака требовало известного "мужества" для преодоления стереотипных представлений о норме семейно-брачных отношений, утвердившихся на уровне общественного сознания.

Со вступлением в "эпоху" глобализации, из оборота, по сути, "изымается" понятие "любовь" как категория нравственная, а вместе с ней окончательно обесценивается институт семьи и брака. Этот этап "западной истории" характеризуется окончательным разрушением традиционных устоев на уровне индивидуального сознания социума – растет не только число "осознанно" бездетных семей, но и гражданских браков, что влечет за собой постепенное изменение и "модели" семьи. Трехчастная модель семьи – отец, мать, ребенок, – не только изменяется на двухчастную – отец, мать, но и трансформируется в "двухчастно-однополюю" – "мужчина-мужчина" или "женщина-женщина", что находит выражение в изменении социальной семиотики. Показательно, что с распадом СССР западное отношение к семье и браку, прежде всего, посредством СМИ, внедряется в молодежное сознание на всем "постсоветском" пространстве. Отношение к семье и браку в молодежной среде на территории России начинает повторять западное.

Как считает Рене Генон, "революция против традиционалистского духа", свойственная западноевропейской культуре, является причиной и началом деградации Западной истории и культуры. На фоне окон-

чательного "вытеснения" западной урбанистической культурой из исторического процесса традиционной культуры разворачивается "последний акт" драмы человеческой истории – глобализация. Ее цель – окончательное, необратимое разрушение традиционной культуры как "копилки" всего традиционного: миропонимания, картины мира, ценностей, народного знания, практического опыта, нравственности, с целью окончательной замены естественного ("традиционного") права позитивным – формальным – правом. От того, удастся ли в "глобализационном порыве" сохранить традиционную – трехчастную – модель семьи как последнюю традиционную ценность, будет зависеть выживание человечества.

В эпоху глобализации изменение социальной семиотики с трехчастной на двухчастную, наблюдается не только в отношении семьи, но и в отношении общественного и мирового устройства. На уровне общественных отношений это выражается в разделении социума на элиту и неэлиту (до XX века – образованное и необразованное общество), на уровне семьи – дети вне брака (родитель-ребенок) как социальная норма или однополые браки, не подразумевающие детей, а на уровне мирового устройства – "избранные" (т.н. "золотой миллиард") и "мировая периферия" ("глобальная колония") (в традиционный период – это были развитые страны, страны второго и третьего мира). В этом контексте, эпоха глобализации может по праву называться "эпохой глобальных трансформаций".

В понимании современников, "семья – это малая социальная группа, основанная на браке, кровном родстве или индивидуальных потребностях людей в союзе друг с другом". Показательно, что последний "пассаж" определения понятия "семья", по сути, закладывает мину замедленного действия под институт семьи как основу общества. В реальной жизни, союз, выстроенный на удовлетворении каких-либо потребностей, не предполагает ответственности супругов ни

друг перед другом, ни перед детьми, а значит – является "семейным" только по определению. Поэтому браки, основанные исключительно на "индивидуальных потребностях людей в союзе друг с другом", даже при условии юридического оформления обязательств, чаще всего, представляют собой "формальные" (временные) браки: как только "потребность в союзе" у одной из сторон пропадает, – такой брачный союз распадается. Подобный "механизм" создания браков заложен в основание современных, так называемых, "гражданских браков". Опасность такого понимания брака заключается в следующем: если приведенная выше трактовка понятия "семья" получит признание на уровне общественного сознания, – институт семьи в своей классической модели и предназначении потеряет всякий смысл.

Устойчивую семью характеризуют не только единое "экономическое основание", общность быта, но и взаимозависимый образ жизни ее старших и младших членов с выстроенной структурой ролей и норм взаимодействия. Только в этом случае семья становится главным звеном в первичной социализации личности, так как в реальной жизни именно с образца "взаимодействия всех членов семьи" начинается усвоение ребенком общественных норм и культурных ценностей. Поэтому в норме, когда семья – с рождения и до момента взросления – оказывает на ребенка более сильное влияние, чем влияние внешнее – детского сада, школы, улицы, средств массовой информации и др. В этом случае, даже в инородной этнокультурной среде человек не утрачивает собственной культурной идентичности, "не растворяется" в "разнородной" социокультурной среде города и мегаполиса и т.д. Роль семьи в первичной социализации личности ребенка, в традиционный период, когда сохраняли актуальность семейные ценности, а институт семьи являлся основой общества, являет пример формирования устойчивой традиционной "модели" семейного и общественного взаимодействия.

Таким образом, до начала XX века семья в России представляла собой модель малой церкви, которая культивировала во внутрисемейном пространстве отношения, выстроенные на нравственных началах, боязни греха и целомудрии. В послереволюционный период семья претерпела изменения и реформации, но сохранила моногамию и оставшуюся от православного наследия религиозное воспитание, которое укоренило "в душах русских людей" строгие моральные устои как своего рода "цензуру" в семейных отношениях, что способствовало укреплению семьи. Все XX столетие, как в России, так и на Западе, семейный статус человека считался нормой общества, отчего холостяки, не имевшие опыта семейной жизни или разведенные, как не выдержавшие "испытания семьей", были негласно "ограничены" в избирательном праве и не привлекались к руководящим должностям (до сих пор, главным условием для кандидата на выборах в Конгресс или на должность президента США является не только его семейный статус, но и наличие детей). Таким образом, сохранялась некая традиционная семейная преемственность, как форма передачи традиции от одного поколения семьи к другому. Главный удар глобализации как мировой идеологии направлен на размывание традиций, общественных устоев, которые удерживают культурные архетипы нации в необходимой гармонии.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что изменение социальной семиотики, носителем и транслятором которой является традиционная семья, влечет за собой не только изменение ее статуса в социуме, но и трансформацию социального устройства самого общества. Это утверждение напрямую вытекает из выводов, сделанных в ходе настоящего исследования.

1. Социальная семиотика как семиотика семьи заключала в себе "архетипичные образцы" и "правила" взаимодействия с миром, что свидетельствует о ее мировоззрен-

ческих истоках. Она регулировала жизнь и деятельность коллектива, от чего в исторической перспективе она превращается в специфический "культурный код".

2. Первичная социализация личности начинается с "семейных нарративов", посредством которых передаются как семейные традиции, так и оптимальные "модели" взаимодействия с внешним для семьи миром, выработанные многими поколениями семьи. Семейные нарративы как внутрисемейные "тексты", содержащие нормы взаимодействия с внешним и внутренним миром семьи, начинают рассматриваться не только семиотиками, но и философами, культурологами, социологами, психологами и педагогами не только как основа первичной – семейной социализации личности ребенка, но и как способ вхождения в социальную среду.

3. В традиционный период семья сохраняла значение "важнейшего условия организации жизни". Поэтому на протяжении всего XX столетия, как в России, так и на Западе, семейный статус человека считался социальной нормой. Так как в норме семья – с момента рождения до взросления – оказывает на ребенка более сильное влияние, чем влияние внешнее, то даже в инокультурной этнокультурной среде человек не утрачивает собственной культурной идентичности и "не растворяется" в "разнородной" социокультурной среде. В этом и заключается роль семьи в первичной социализации личности ребенка, направленной на формирование устойчивой семейной и социокультурной идентичности.

4. В процессе социализации, в подростковом периоде, большую роль, наряду с "внутрисемейным нарративом", приобретает внешний, "социальный нарратив" – социальные "тексты", содержащие нормы и правила выживания в современном "сложносочиненном" мире. На Западе изобретаются специальные социальные технологии для пропаганды "антисемейных" ценностей.

Этот этап "западной истории" характеризуется окончательным разрушением традиционных устоев на уровне индивидуального сознания социума и завершается "сексуальной революцией" конца 60-х – середины 80-х годов. С этого времени брак становится не только необязательным, но часто и обременительным "актом", отчего семья перестает выполнять функцию первичной социализации ребенка. Появление в среде демографов понятия "мини-семья" свидетельствует о смене социального кода, когда трехчастная модель семьи – отец, мать, ребенок, – не только изменяется на двухчастную – отец-мать, мать-ребенок, отец-ребенок, но и трансформируется в "двухчастно-однополую" – "мужчина-мужчина" или "женщина-женщина", что влечет за собой разрушение механизма передачи опыта предшествующих поколений. Такое положение ведет не только к изменению "кода культуры", разрушению семьи как "лаборатории" по воспроизводству "традиционной" личности, традиционного общества и "традиционного" государства, но и нивелированию традиционного понимания культуры.

Литература:

1. Лукина О.Г. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера / О.Г. Лукина, Ю.А. Бычков, О.В. Реш // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №5 (91). – С. 42-50.
2. Антонова Е.Л. Семья как носитель социальной семиотики в ее культурно-историческом изменении / Е.Л. Антонова, О.В. Реш // Культура и цивилизация. – Т. 10. – № 4А. – С. 68-76.
3. Реш О.В. Архетипы "семья" и "дом" в семиотическом пространстве культуры / Язык, культура, инновации в современном образовании : монография / О.В. Реш, О.М. Корженко; отв. ред. отв. ред. Н.В. Киреева, Н.Э. Чернявская. – Прага : Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 2020. – С. 31-51.
4. Успенский Б.А. Избранные труды: Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. – М.: ИнфраМ, 2003. – 401 с.
5. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур / Языки культуры и проблемы переводимости / Ю.М. Лотман. – М.: Мысль, 1987. – 201 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – Тартуск, 1999. – 119 с.
7. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни / Этнические стереотипы поведения / Т.В. Цивьян. – Ленинград, 1985. – 177 с.
8. Сапогова Е.Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза / Индивидуальные и стилевые особенности личности / Е.Е. Сапогова; отв. ред. Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромек. – Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2002. – С. 177-190.

RESEARCH OF THE PRACTICE OF SOCIO-CULTURAL BRANDING OF THE TERRITORY BASED ON THE FESTIVAL MOVEMENT

Miroshnichenko Elena Vasilievna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Posokhova Natalya Viktorovna, PhD of Sociological Sciences, Associate Professor

Kushchenko Elena Sergeevna, PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod

The purpose of the study is to substantiate the potential of the festival movement in the process of sociocultural branding of the territory. The scientific novelty of the research lies in the fact that: a comprehensive study of the problem of socio-cultural branding of territories by means of the festival movement has been carried out in the historical, theoretical, organizational aspects; the specific characteristics of the regional festival movement are highlighted, its role in the process of socio-cultural branding of the territory is substantiated; the problem of theoretical analysis of the potential of the festival movement as a factor of socio-cultural branding of the territory at the regional level is posed, the conditions for the development of the festival movement on the territory of a particular territory are substantiated. As a result, it was concluded that it is necessary to intensify the festival practice at the regional level as an effective technology of territorial positioning.

Keywords: festival; festival movement; brand; territory; socio-cultural branding.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.8

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ФЕСТИВАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 379.831

БАК 24.00.01

Цель исследования заключается в обосновании потенциала фестивального движения в процессе социокультурного брендинга территории. Научная новизна исследования заключается в том, что: осуществлено комплексное исследование проблемы социокультурного брендинга территорий средствами фестивального движения в историческом, теоретическом, организационном аспектах; выделены специфические характеристики регионального фестивального движения, обоснована его роль в процессе социокультурного брендинга территории; поставлена проблема теоретического анализа потенциала фестивального движения как фактора социокультурного брендинга территории на региональном уровне, обоснованы условия развития фестивального движения на территории конкретной территории. В результате сделан вывод о необходимости активизации фестивальной практики на региональном уровне как действенной технологии территориального позиционирования.

Ключевые слова: фестиваль; фестивальное движение; бренд; территория; социокультурное брендинговое.

© Мирошніченко Е.В., 2021

© Посохова Н.В., 2021

© Кущенко Е.С., 2021

69

**МИРОШНИЧЕНКО
Елена Васильевна**,
кандидат педагогических
наук, доцент

**ПОСОХОВА
Наталья
Викторовна**, канди-
дат социологических наук,
доцент

**КУЩЕНКО Елена
Сергеевна**, кандидат
педагогических наук,
доцент

Белгородский государ-
ственный институт
искусств и культуры,
Белгород

Введение

Актуальность темы исследования. Практика брендинга территорий набирает популярность у государственных и общественных органов власти, которые систематически осуществляют поиск индивидуальной, уникальной конкурентной ниши, которая расширит возможности привлечения крупных финансовых инвестиций, популяризации внутренних ресурсов, росту туристских потоков.

В настоящее время в различных сферах деятельности феномен бренда значительно активизируется. Этот термин и явление активно разрабатываются в сфере современного научного

знания, а также имеется заслуживающий внимания накопленный практический опыт брендинга зарубежных и отечественных территорий. Бренд является творческим элементом, формирующим генотип развития места. Брендинг территорий является эффективным способом популяризации, который расширяет возможности для экономического и социально-культурного развития, что обуславливает успех использования этого механизма многими современными территориями, которые запускают собственные брендинговые программы.

На региональном уровне практика социокультурного брендинга территории имеет недостаточное развитие, что обусловлено многими причинами объективного и субъективного характера. Создание бренда любой местности влияет в первую очередь на самих жителей. От этого зависит то, кем они будут себя чувствовать и станут ли поддерживать и вовлекаться в реализацию стратегии позиционирования бренда [1].

В процессе позиционирования и социокультурного продвижения особую роль играют фестивали. Фестивальное движение активно развивается и представляет собой особую культуротворческую систему, в рамках которой осуществляются важные социальные функции.

Степень научной разработанности проблемы. Комплексный характер исследования потребовал обращения к научным трудам отечественных и зарубежных авторов, в которых тема бренда и брендинга получила разноаспектное освещение. Среди наиболее известных исследователей можно назвать следующие имена: С. Анхольт, Д. Алессандро, А. Бадьин, Н.В. Бекетов, Л.А. Белоусова, А.С. Брусовая, И.С. Важенина, Д. Визгалов, О. Гусева, А.М. Годин, А. Инш, М. Макашев и другие.

Проанализирована проблема детализации и брендинга территорий в данном исследовании благодаря трудам как зарубежных, так и отечественных ученых А. Инш, Жан-М. Линн Капферер, Н.А. Левочкиной,

Ж.Ж. Ламбен, Т.Ю. Никифоровой, И.А. Сушненко-вой, Г.Я. Хосперс, Я. Эллууда и других.

Общие вопросы организации и проведения фестивалей освещены в публикациях В.Г. Бабкова, О.Я. Гойхман, Е.Д. Ериной, Д. Кланч, Л.А. Раздобариной, З.П. Рыжковой и других.

Региональные практики развития фестивального движения освещены достаточно фрагментарно, среди исследований в этом аспекте можно назвать работы Г.Я. Лаптевой, Н. Белобочко, Б. В. Периль, Г.В. Плахина и других.

Среди значительного количества публикаций, работ по комплексному исследованию фестивального движения как фактора социокультурного брендинга территории недостаточно, что также обуславливает актуальность темы исследования.

Цель, задачи и предмет исследования. Целью исследования является обоснование потенциала фестивального движения в процессе социокультурного брендинга территории, что потребовало решения таких задач, как изучение социокультурного брендинга в контексте стратегии регионального развития территории; рассмотрение фестивального движения как условия социокультурного брендинга территории; исследование практики социокультурного брендинга территории Белгородской области на основе фестивального движения; выявление и обоснование социально-культурных условий развития фестивального движения как фактора брендинга территории.

Научная новизна исследования заключается в том, что: осуществлено комплексное исследование проблемы социокультурного брендинга территорий средствами фестивального движения в историческом, теоретическом, организационном аспектах; выделены специфические характеристики регионального фестивального движения, обоснована его роль в процессе социокультурного брендинга территории; постав-

лена проблема теоретического анализа потенциала фестивального движения как фактора социокультурного брендинга территории на региональном уровне, обоснованы условия развития фестивального движения на территории конкретной территории.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической основой исследования являются научные работы отечественных и зарубежных специалистов и практиков, посвященные вопросам брендинга территорий. В основе исследования лежит взаимодействие системно-функционального, деятельностного и культурологического подходов известных отечественных ученых в области педагогики (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев); культурологии (М.А. Ариарский); социально-культурной деятельности (А.Д. Жарков, Т.Г. Киселёва, Ю.Д. Красильников, А.В. Соколов); теории управления (Ж. Бодрийяр, А.Е. Кирюнин, Д. Холт, В.М. Чижиков).

Базой для исследования процесса социокультурного брендинга территорий средствами фестивалей послужили теоретические выводы В.Г. Бабкова, Е.Д. Ериной, Д. Кланч, Л.А. Раздобариной, З.П. Рыжковой и других.

Характер исследования обусловил использование комплекса методов. Общенаучные методы способствовали осмыслению источников из разных областей знаний; источниковедческий и сравнительный методы позволили провести анализ специальной литературы по исследуемой теме; методологический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, заключающийся в

определении понятия социокультурного брендинга сначала как абстрактного, в дальнейшем его практических форм реализации в фестивальном движении; компаративный метод был направлен на выявление общих и различных характеристик бренда как социокультурного явления, а так же при изучении традиционной технологии проведения фестивалей; этнографический метод применен при исследовании фестивального движения на территории Белгородской области, возможности его развития как фактора социокультурного брендинга.

Основная часть

Фестивальное движение позволяет решать несколько задач одновременно – во-первых, развитие творческого потенциала широких разных слоёв населения, приобщение к культурным ценностям, актуализации заложенных в человеке твор-

ческих способностей. Во-вторых, позволяет обратить внимание широких слоёв общественности, органов государственного управления, коммерческого сектора и других субъектов социально-культурной среды на огромный пласт культуры определённой местности, ее особенности и потенциал [2]. Многие территории в форме фестивалей создают собственный бренд, который в свою очередь становится их важным популяризирующим фактором.

Фестиваль как фактор социокультурного брендинга территории отражает такие важные критерии, как уникальность местности, её идентификация и тождественность восприятия населением, позитивность восприятия, внутренняя ло-

ФЕСТИВАЛЬ КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
БРЕНДИРОВАНИЯ
ТЕРРИТОРИИ ОТРАЖАЕТ
ТАКИЕ ВАЖНЫЕ КРИТЕРИИ,
КАК УНИКАЛЬНОСТЬ
МЕСТНОСТИ, ЕЁ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И
ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ
ВОСПРИЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ,
ПОЗИТИВНОСТЬ
ВОСПРИЯТИЯ, ВНУТРЕННЯЯ
ЛОЯЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ
ДАННОЙ ТЕРРИТОРИИ,
СПЛОЧЕННОСТЬ
СООБЩЕСТВА,
ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИДЕНТИЧНОСТИ.

яльность жителей данной территории, сплоченность сообщества, практический потенциал идентичности. Заявленный и принимаемый образ территории, позиционируемой средствами фестивалей, может изменить, утвердить и уточнить ценности народа, привлечь новых жителей и дополнительные инвестиции в регион.

Уникальность социально-культурного брендинга подчеркивает необходимость осуществления выбора для последующего продвижения непохожего на другие, выдающегося культурного явления и вместе с тем территории, на которой это явление проявляется. Выбор осуществляется среди многих других на основе признака неповторимости, того, что не встречается нигде или, во всяком случае, на сопредельных территориях. Или же он может уникальным образом транслировать некие общие трендовые объединяющие людей исторические и социально-культурные смыслы.

Культурный бренд должен учитывать то, что подобные объекты могут находиться где-то на других территориях. Бренд с его дополняющим окружением должен быть уникальным, выгодно подчеркивающим значимость данного места, выделяющим его из других мест. Уникальность социально-культурного бренда характеризуется неповторимостью не только данного места и данного народа, но и исключительностью всего или всех, что или кто имел отношение к данному феноменальному явлению или был в соответствующих местах.

Особая роль в процессе социально-культурного брендинга территории отводится фестивальному движению как форме массового творчества людей и комплексному способу маркетинговых коммуникаций.

Технология культурного брендинга актуальна в современных социально-культурных условиях как способ продвижения и социально-культурного развития территории. Главная цель создания культурного бренда состоит в повышении привлекатель-

ности и создании новой стоимости позиционируемой территории. В этом случае неотъемлемыми требованиями к бренду являются:

1. Бренд должен гарантировать предоставление основного набора услуг и поддержание инфраструктуры в рабочем состоянии для удовлетворения нужд жителей, деловых кругов и посетителей.

2. Создание новых факторов привлекательности для обеспечения внешней поддержки государства, бизнеса, населения.

3. Донесение информации для всех потенциальных клиентов об особенностях и преимуществах территории.

Проведенное нами исследование дает основание с полной уверенностью рассматривать фестиваль как эффективный способ социокультурного брендинга. Это в значительной степени обуславливает активизацию деятельности по развитию фестивального движения на территории Белгородской области в последние десятилетия.

Сегодня фестивальное движение в области является способом формирования и продвижения брендов территории, привлечения туристов, рекламирования товаров и услуг, формирования имиджа региона, города, сельского поселения.

В условиях фестивального движения создаются дополнительные возможности для привлечения в единый социокультурный процесс новых разнообразных форм, жанров и видов искусства (музыка, хореография, театр, декоративно-прикладное творчество) и другое.

Понимая важность фестивалей как комплексной формы социально-культурного творчества, Белгородским государственным центром народного творчества в 2013 году разработан и ежегодно выпускается "Фестивальный календарь Белгородской области". Календарь содержит информацию о наиболее важных фестивальных мероприятиях, планируемых с перспективой на год, даётся краткая характеристика темы и содержания фестиваля, указываются место, время его проведения [3, С. 84].

Анализ развития фестивального движения показал, что за истекший год на территории Белгородской области было проведены фестивали различной тематики (табл.).

Таблица – Анализ развития фестивального движения

№ п/п	Наименование фестиваля	Тематика	Время проведения	Место проведения
1	Фестиваль вареников	гастрономический	11-12 января	г. Белгород, Соборная площадь
2	Маланья зима	народности и исторических реконструкций	15 февраля	Прохоровский район, парк регионального значения «Ключи»
3	BelgorodMusicFest «Борислав Струлёв и друзья»	музыкальный	29 февраля	г. Белгород, Белгородская государственная филармония
4	BelgorodMusicFest «Борислав Струлёв и друзья»	музыкальный	1-7 марта	г. Белгород, Белгородская государственная филармония
5	На соискание премии М.С. Щепкина	театральный	14-15 марта	Губкинский городской округ, губкинский театр для детей и молодежи
6	Театральная весна	театральный	3-4 апреля	Грайворонский городской округ, с. Головичино, ЦКР
7	Фомина яшния	народного творчества	2 мая	г. Новый Оскол
8	Земля мастеровая	народного творчества	24 мая	Чернянский район, с. Ольшанка, открытая площадка ДК
9	От степной слободы начало	казачьей песни	30 мая	п. Ровеньки, рекреационная зона «Бульвар Прибрежный»
10	Синергия	творчества народов мира	29-31 мая	г. Шебекино
11	Лето красное	фольклорный	7 июня	Чернянский район, с. Холки
12	Маланья	народности и исторических реконструкций	6 июня	Прохоровский район, парк регионального значения «Ключи»
13	Русь матрёшечная	фестиваль-праздник	4 июля	Краснояржский район, п. Красная Яруга, парк Победы
14	На родине Маничкиной	фольклорный	18 июля	Алексеевский городской округ, с. Подсерднее
15	Крестьянин.ru	фестиваль-состязание	25 июля	Волоконовский район, с. Новоивановка, Мельничный комплекс
16	Белая маска	городской фестиваль	4 августа	г. Белгород, Парк Победы
17	Приглашает Стригуновское Лукоморье!	фестиваль-ярмарка	15 августа	Борисовский район, с. Стригуны
18	Орешкины потешки	состязательный	29 августа	Красненский район, с. Красное
19	Юсуповские собрания	русской усадебной культуры	12 сентября	Ракитянский район, п. Ракитное, усадьба князей Юсуповых
20	Яблочные осенины	фестиваль-ярмарка	19 сентября	г. Короча, площадь Васильева
21	Посвящение земляку – Михаилу Щепкину	театральный	14-15 ноября	Яковлевский городской округ, музей-усадьба М.С. Щепкина, Центральная, 34
22	Кубок Белогорья	исполнительский (народные инструменты)	23-27 ноября	г. Белгород
23	МорозFest	городской фестиваль	19 декабря	г. Ст. Оскол, площадь Победы

В перечень фестивальных событий календаря, безусловно, включены далеко не все, проводимые на территории области фестивали, представлены только наиболее известные и популярные события. "Фестивальный календарь Белгородской области"

можно рассматривать основанием для дальнейшей деятельности специалистов сферы культуры по социокультурному брендингу территорий муниципальных образований, как фактор продвижения и социально-культурного развития.

Для более полной картины развития фестивального движения нами были проанализированы поведенные на территории Белгородской области фестивали по следующим критериям: тематика, сезонность, возраст участников, локация.

Согласно фестивального календаря Белгородской области, тематически фестивали по количественному составу представлены следующим образом (диаграмма 1).

Помимо фестивалей, приведенных в диаграмме, в регионе проводятся такие мероприятия, как фестиваль русской усадебной культуры "Юсуповские собрания" – 1 ед., фестиваль-праздник "Русь матрёшечная" – 1 ед., фестиваль творчества народов мира "Синергия", гастрономический фестиваль "Фестиваль вареников" – 1. Как видим, большинство фестивалей имеет народно-художественную направленность, что обусловлено приоритетными задачами региональной культурной политики. Белгородская область уникальна и самобытна по своей культуре. Богатая история края, населенного носите-

лями различных культурных традиций, приграничная расположенность, благоприятные климатические условия создали неповторимые образцы материальной и духовной культуры. На территории области проживают носители аутентичной культуры, традиции которой изучаются и транслируются в современных формах социально-культурной деятельности.

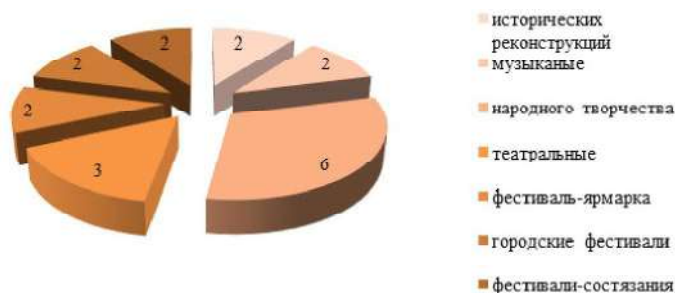

Диаграмма 1 – Тематика фестивалей Белгородской области

Культурное наследие предков остается важным фактором воспитания и формирования личности на территории Белгородчины. В этой связи, сохранение и актуализация ценностей народной художественной культуры остается одним из приоритетных направлений деятельности субъектов культурной политики региона.

По критерию сезонности можно отметить, что большинство фестивалей проводится в летний период (диаграмма 2).

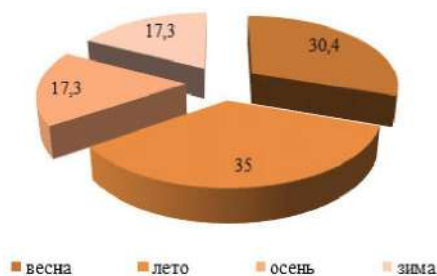

Диаграмма 2 – Сезонность проведения фестивалей в %-ом соотношении

Благоприятные условия, теплый и комфортный климат Белгородской области

является обуславливающим фактором сезонности проведения фестивалей в весенне-летний период. Транспортная доступность в места фестивальных мероприятий способствует большому количеству не только отечественных гостей, но и иностранных зрителей и участников проводимых фестивалей.

Фестивальное движение в Белгородской области становится одним из важных способов культурного брендинга территории. В каждой местности имеются самобытные образцы культурного наследия, которые могут стать объектом не только социальных, но и экономических инвестиций.

По возрастному критерию было отмечено следующее. Большая часть фестивалей для различных категорий населения. На наш взгляд, недостаточно фестивалей для молодежной аудитории.

По признаку локации проведения фестивалей можно наблюдать следующее (диаграмма 3).

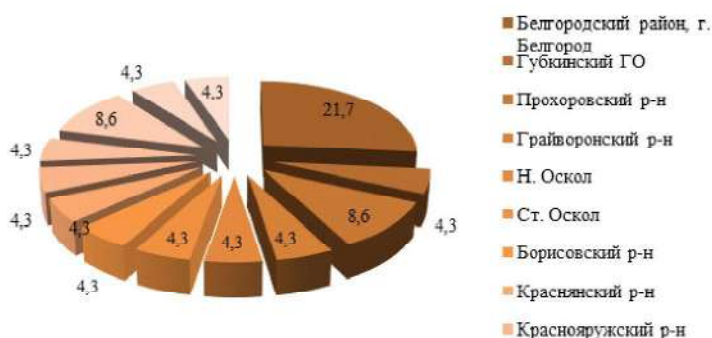

Диаграмма 3 – Территориальная локация фестивалей в %-ом соотношении

Как видно из данных диаграммы, большинство фестивалей анализируемого календаря проводятся в городе Белгороде и Белгородском районе. Это говорит о том, что на уровне районов эта форма не достаточно позиционируется.

Проведенный анализ фестивального календаря показывает, что форма фестивалей достаточно популярна на территории Белгородской области. Фестивальное движение

обуславливается факторами сезонности, территориальным бытованием.

Однако анализ фестивального календаря не дает полной картины развития фестивального движения в Белгородской области. В настоящее время большинство муниципальных образований в практике социально-культурной деятельности используют фестивали, в том числе как способ территориального брендинга.

В фестивальный календарь не включена большая часть проводимых на практике фестивалей различной тематической направленности. Как мы отмечали выше, летний период особенно благоприятен для проведения таких мероприятий. Среди фестивалей, проводимых в летние месяцы, можно отметить музыкальный фестиваль "Мельница" (Краснояружский р-н., с. Колотиловка). В рамках проводимого мероприятия работают торговые ряды, расположившиеся вдоль всей фестивальной площади. На сцене фестиваля проходят выступления артистов и музыкальных групп в стилях фолк и русской народной музыки.

На территории Краснояружского района проходит фестиваль "На Ивана, на Купалу". Это востребованный вариант семейного отдыха, с погружением в традиции наших предков. Весь день до самого завершения играет музыка, организованы площадки с интерактивами для детей и подростков в стиле игр XVIII-XIX веков. У каждого посетителя мероприятия есть прекрасная возможность прожить этот день по всем историческим традициям и правилам, как это было принято на Руси. Огонь, травы и вода являются главными атрибутами праздника. Без них не обходится ни один обряд, большая часть которых проводится ночью [4].

Посещение фестиваля является не только способом проведения досуга, но и знакомства с традициями русского народа, местными обрядами и творчеством.

Фестиваль "Казачий разгуляй", который проводится в летний период в Старооскольском городском округе, городе Старый Ос-

кол, направлен на возрождение, сохранение и пропаганду самобытной культуры казачества, формирование чувства патриотизма и любви к Отечеству.

В программу фестиваля включены выступления вокальных и хореографических коллективов и солистов; выставка-продажа изделий народных промыслов и ремесел, работ самодельных художников и мастеров декоративно-прикладного творчества; презентации казачьих подворий, показ обряда из жизни казаков с использованием предметов быта, казачьей одежды, дегустация казачьей кухни; демонстрация элементов казачьей воинской подготовки; демонстрация костюмов (история и современное исполнение казачьего костюма).

В фестивале принимают участие профессиональные и самодельные коллективы и отдельные исполнители, пропагандирующие казачью культуру, а также коллективы и исполнители, имеющие в своем репертуаре произведения различных жанров казачьего народного творчества, бытующего на территории Белгородской области.

В поселке Пятницкое Волоконовского района проходит фестиваль "Музыкальная слобода", который объединяет любителей народной музыки, песен, частушек и народного танца. Фестиваль направлен на пропаганду народного творчества.

Театрализованное открытие фестиваля проходит на центральной площадке, где выступают лучшие творческие коллективы Волоконовского района и гости из соседних областей и районов: творческие коллективы с баянами и гармошками, балалайками и ложками. Гостей встречают сказочные персонажи Медведь и Балалайка. На прилегающей территории представлены работы мастеров декоративно-прикладного творчества, организованы "вкусная музыкальная ярмарка", интересные конкурсно-игровые программы для детей и взрослых, функционируют торговые точки с продукцией местных производителей. Всем гостям фестиваля вручают яркие символические

ленточки с логотипом "Музыкальной слободы" и добрыми пожеланиями.

На территории Ивнянского района Белгородской области популярными являются такие фестивали, как областной фестиваль народных традиций "Крещенские морозы", который проводится в зимний период времени. Тематическая направленность мероприятия раскрывает традиции местного населения, обряды зимних праздников, особенности музыкально-исполнительского творчества территории. Не менее популярным является фестиваль-праздник "Верхопенский вернисаж", который проводится в рамках создания и продвижения культурных брендов Ивнянского района.

Патриотическую направленность носит открытый фестиваль-конкурс "Войны не знали мы, но все же...". Героическая история Белгородчины нашла свое отражение в программе фестиваля. Мероприятие способствует не только социально-культурному брендированию территории, но и воспитывает патриотические качества, формирует чувство причастности к славному прошлому русского народа.

Ценностный потенциал народной культуры и спортивных традиций заложен в фестивале казачьей культуры и спорта "Станица Ивнянская", который популярен не только среди жителей Ивнянского района, но и гостей. Знакомство с традициями казачества, участие в спортивных состязаниях оставляет глубокие впечатления у посетителей фестивальных мероприятий.

Также на территории Ивнянского района проводится открытый фестиваль современного искусства и спорта "Вектор на столетие", который организуется в целях социокультурного брендирования территории.

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать выводы. Одним из приоритетных направлений государственной культурной политики на уровне региона является создание культурных брендов

как способа продвижения уникальной культуры и самобытных традиций населения Белгородской области. В этом аспекте формой эффективного социально-культурного брендирования территории можно рассматривать фестивали. Развитие фестивального движения на территории Белгородской имеет поддержку со стороны органов управления и коммерческого сектора. В большинстве муниципальных районов созданы и проводятся брендовые фестивали с разнообразными программами и различной тематической направленности.

Можно отметить, что территориальное бытование фестивалей не однородно. Целесообразно активизировать деятельность по развитию фестивального движения с максимальным охватом муниципальных территорий Белгородской области, так как социально-культурный региональный потенциал в сфере культурного брендирования выступает ресурсом развития не только территории, но и страны в целом. В стратегии активизации фестивального движения как фактора социально-культурного брендирования территории должны быть выделены основные этапы, из которых состоит процесс территориального брендинга: описание основных характеристик территории этнокультурного брендирования, определение целей и задач, выбор внешних и внутренних целевых аудиторий, проведение аналитических и социологических исследований по ожиданиям потребителей бренда, выбор культурных образов, персоналий и событий для формирования территориального бренда, создание визуального образа, выбор каналов коммуникации для продвижения и развития.

Примечания:

1. Рождественский Д.А. Вовлекающие технологии в геобрендинге / Д.А. Рождественский, В.С. Пухтунт // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия: Ухтинский государственный технический университет – 2019. – С. 193-198.
2. Кузнецов Е.А. Роль фестивального движения в развитии любительского хореографического искусства в России [Электронный ресурс] / Е.А. Кузнецов // Культура: теория и практика: Московс-

кий государственный институт культуры. – 2017. – № 4. – Электрон. текст. данные – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32302987> (дата обращения: 02.09.2021)

3. Мирошниченко Е.В. Туристский потенциал как условие эффективного развития региональной туристической индустрии (на примере Белгородской области) / Е.В. Мирошниченко, Н.В. Ефремова, Н.В. Посохова, Е.С. Штанько // Вестник университета российской академии образования. – 2018. – № 4. – С. 83-88.

4. Праздники, фестивали и праздники. Праздники Краснояружского района [Электронный ресурс]. Электрон. текст. данные – URL: <https://www.culture.ru/events/997084/festival-na-ivana-na-kupalu> (дата обращения: 29.08.2021).

5. Морозова И.А. Проблемы управления социально-экономическими процессами региона / И.А. Морозова, А.П. Соколов // Регионоведение. – 2015. – №3. – С. 27-35.

6. Плахин Г.В. Организация фестивально-конкурсных форм самодеятельного творчества / Г.В. Плахин // Культура и социум: матер. Всерос. конф. (13-14 апр. 2000 года)". – Тюмень : ТГУ, 2000. – С. 23-25.

7. Проект портала Губернатор и Правительство Белгородской области / Белгород / История. [Электронный ресурс]. – Электрон. текст дан. – Режим доступа: <http://old.belregion.ru/region/districts/gorod/history/> (дата обращения 17.01.2021).

Korzhenko Olga Mihailovna, PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor

Resh Olesya Vladimirovna, PhD of Culturology, Associate Professor

Zenin Sergey Nikolaevich, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod

This article is devoted to the problem of reflection of the Russian people's ethical, ethno-confessional, artistic and aesthetic ideas, the system of traditional values in the context of the semiotic approach in the costume of the Russian people. Attention is paid to the problem of the formation of the Russian folk costume as a system of signs embodying the socio-cultural experience of an ethnic group in different historical periods, as well as the importance of economic, cultural, historical, natural and geographical factors in its development.

Keywords: folk costume; ornament; semiotics; values; symbol; text; culture; traditions.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.9

УДК 391.9

БАК 24.00.01

© Корженко О.М., 2021

© Реш О.В., 2021

© Зенин С.Н., 2021

СЕМИОТИКА НАРОДНОГО КОСТЮМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Данная статья посвящена проблеме отражения в костюме русского народа, его этических, этноконфессиональных, художественно-эстетических представлений, системы традиционных ценностей в контексте семиотического подхода. Уделено внимание проблеме формирования русского народного костюма как системы знаков, воплощающей в себе социокультурный опыт этноса в разные исторические периоды, а также значению хозяйственно-экономических, культурно-исторических и природно-географических факторов в его развитии.

Ключевые слова: народный костюм; орнамент; семиотика; ценности; символ; текст; культура; традиции.

КОРЖЕНКО Ольга Михайловна,
кандидат педагогических наук, доцент

РЕШ Олеся Владимировна,
кандидат культурологии, доцент

ЗЕНИН Сергей Николаевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород

Говоря об актуальности темы данного исследования, надо отметить, что в течение многих десятилетий изучения народного русского костюма на самых разных уровнях обнаружилось очень большое количество самых различных подходов к нему. Так, в частности, данный костюм может рассматриваться с тех или иных точек зрения как: неотъемлемая часть этнической культуры и традиций народа; утилитарный, бытовой предмет; знак или обозначение базовых ценностей этноса и т.п. При этом отметим, что именно знаковые шифры в этнической одежде дали исследователям возможность открыть совсем новый индивидуальный подход к ее изучению – то, что сегодня называют семиотическим анализом.

Согласно утверждениям известного отечественного ученого-культуролога Ю.М. Лотмана, семиотический анализ прежде всего предполагает рассмотрение того или другого любого феномена культуры как некоего своеобразного текста или, говоря иначе, как образной (знаковой) системы. Исходя из этого посыла, нам сразу становится ясно, что под любым знаком следует видеть не что иное, как характерную примету какой-либо идеи, образа, определенного объекта. При этом данная примета сама по себе бывает наделена достаточно самостоятельным содержанием. Она

несет в себе глубокие смыслы – хотя они подчас и могут проявляться лишь в самой обобщенной, не развернутой до конца форме. Здесь мы должны привести одно из определений, данных понятию "семиотический анализ" в научной литературе: "Семиотический анализ предполагает рассмотрение художественного произведения как знаковой системы и исходит из положения: искусство есть язык. Система знаков несет в себе систему значений (ценность) и передает смысл (художественную концепцию). Одна из исходных установок семиотического подхода: художественное произведение значимо все сплошь. Технически служебные и потому заменимые элементы здесь сведены к минимуму. Понять чужое высказывание – значит ориентироваться по отношению к нему, найти для него место в окружающем его контексте. Всякое понимание диалогично; оно противостоит высказыванию, как реплика противостоит реплике в диалоге" [1. С. 22].

Согласимся, что значение символа как феномена культуры для человеческой практики познания и освоения мира практически невозможно переоценить. Это отмечают многими авторами. Так, Э. Кассирер определял человека как "существо, символизирующее" [4. С. 214], а М.М. Бахтин не без оснований сомневался в том, что "...можно найти к нему (к человеку) и к его жизни, какой-либо другой подход, кроме как через создаваемые им знаковые тексты" [2. С. 57]. Следует отметить, что в качестве текста можно рассматривать самые разные знаковые системы – как деятельные, так и иконографические. При этом становится очевидным, что "дух (и свой, и чужой) не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах, для себя или же для других" [3. С. 152].

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЛАГАЕТ РАССМОТРЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ И ИСХОДИТ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ: ИСКУССТВО ЕСТЬ ЯЗЫК.

Целью нашего исследования является рассмотрение семиотики народного костюма как отражения традиционных ценностей русской культуры. Соответственно, в исследовательские задачи входят анализ народного костюма как особой семиотической системы, а также – изучение роли различных факторов его развития. Предмет данного исследования – отражение в костюме русского

народа его этических, этноконфессиональных, художественно-эстетических представлений, а также системы традиционных ценностей в контексте семиотического подхода.

Что касается научной новизны данного исследования, то оно способ-

ствует расширению знаний об истории формирования традиционного русского костюма как семиотической системы. В своем исследовании мы опирались на принципы историзма и объективности развития культуры; кроме того, здесь применялся системный подход. Нами были использованы такие исследовательские методы, как сравнительно-исторический, а также метод анализа и синтеза научной литературы.

Далее, переходя к основной части исследования, мы, в первую очередь, должны отметить тот факт, что в традиционной культуре народное искусство передавалось от поколения к поколению по большей части через язык, вербальную и невербальную коммуникацию. Таким образом, оно являло собой простую, общепонятную и в то же время универсальную систему разнообразных знаков-символов, орнаментов, передающих образы живого и неживого мира, человека и пр. Надо признать, что столь частое применение знаков и целых знаковых систем в культуре любого народа (в том числе – русского) значительно облегчает человечеству весь многогранный процесс накопления и передачи информации. Это, в свою

очередь, обеспечивает такой важный процесс, как культурная преемственность (она осуществляется и в рамках какого-то отдельного этноса, и в общечеловеческом масштабе).

Также обратим внимание на то, что семиотическая система всякого народного костюма состоит из множества компонентов. Они же, в свою очередь, имеют различный уровень информативности. Речь, в частности, идет о материале костюма, его силуэте, цветовой гамме, орнаментах и пр. Значимы также традиционные способы комплектования тех или иных частей и деталей одежды, а также – сама манера носить костюм (ее иногда называют манерой устоявшегося поведения). Все это имеет огромное значение, так как именно с помощью данных компонентов и их сочетаний этнический костюм способен наглядно демонстрировать не только особенности возраста и пола того или иного человека, не только его общественное и семейное положение, местность, в которой он проживает, но даже и его внутренний мир. Например, в народном костюме "заложены" основы космологических, религиозных и эстетических представлений, менталитета этноса или определённой этнической группы.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что, являясь очень важным элементом всей народной художественной культуры, этнический костюм, по сути, представляет собой метазнак, то есть имеет гораздо большую насыщенность различными смыслами и более широкое предметное значение, чем все отдельные культурные символы. Он как бы синтезирует их в себе, рождая в результате нечто принципиально новое.

Семиотика костюма любого этноса уходит своими корнями в народный быт, а он, в свою очередь, всегда бывает обусловлен природными условиями, в которых живет и развивается данный народ. В частности, именно природные условия обозначают тот диапазон материалов, из которых обычно и создавалась традиционная русская одежда.

Нам известно из исторических источников, что с глубокой древности на Руси изготавливались ткани из льна, конопли, шерсти. Они имели самое разное качество и разную плотность. Исходя из этого, довольно легко определить предназначение того или иного этнического костюмного комплекса – для праздничных выходов, для будней, или же для особых видов работ (например, рубки леса).

По поводу того, как именно изготавливались в старину различные ткани, существует целый ряд научной и научно-популярной литературы, изданной под авторством многих культурологов, этнографов и краеведов. Их исследовательские данные достаточно полно объясняют все традиционно принятые при изготовлении тех или иных тканей манипуляции. Например, такие: "Зола для отбеливания, или бучения, холстов должна быть чистой, просеянной, и желательно, из ольхи. Хозяйственные старики весной специально ходили в лес весной, чтобы нажечь ольховой золы для беления холстов, поэтому выбеленный холст, можно едва различить, если положить его на снег" [6. С. 30].

Разные ткани и употреблялись по-разному. Так, наиболее тонкая и нежная ткань была предназначена для изготовления кисеи (ею отделялись рукава, а также праздничные головные платки). Из тонкого, хорошо отбеленного полотна шили самые нарядные рубахи и полотенца (они назывались "красными"). Ну, а на повседневную рабочую одежду шел более суровый холст.

Крестьянское домотканое полотно, которое было предназначено для изготовления праздничной одежды, рушников и т.п., имела не только высокое качество, но и большое разнообразие своих фактур. Также у русского этноса существовали и передавались из века в век многочисленные и зачастую весьма кропотливые техники узорного ткачества (браная, закладная, ремизная и др.). К примеру, ткани с горизонтальными выпуклыми узорами красного цвета назывались "брань". Еще одной интересной и

характерной особенностью русской традиционной одежды является обильное применение в узоре черных нитей. Это давало возможность создать иллюзию объемности тканевого рисунка, подчеркнуть в нем игру светотени. К тому же крестьянки, жившие в различных регионах, всегда умели создавать разнообразные узорчатые ткани с местными характерными особенностями, по-разному варьируя в них одни и те же мотивы орнамента и композиции [3]. Все это обуславливает индивидуальность и красоту этнического костюма, в какой бы местности он ни создавался.

Пожалуй, одним из самых древних способов украшения не только крестьянской одежды, но и в целом изделий из ткани (полотенца, подзоры, скатерти и т.п.) является вышивка. О том, насколько она была важна в народной культуре, говорит тот факт, что в старину само слово "шить" означало "вышивать что-либо". Мастерством вышивания хотя бы в минимальной степени с детских лет владела всякая уважающая себя крестьянка.

Таким образом, вышивание – в том числе, в целях украшения одежды – это один из наиболее массовых видов традиционно-русского искусства. Ученые считают, что оно зародилось еще в далекую первобытную эпоху и было непосредственно связано с появлением самого первого стежка при шитье одежды (точнее – при сшивании шкур животных). Вышивка, как и всякий иной вид традиционного крестьянского искусства, очень тесно связана с природой, деревенским трудом и бытом, а значит, и с менталитетом, верованиями и художественным вкусом своего носителя-народа, выражая его уникальность, своеобразие и высокий уровень мастерства.

В традиционном костюме нашего народа выделяются следующие способы расположения вышивки:

1) традиционный – круговой (им, в частности, украшались и, как считали в народе, оберегались ворот, рукава, подол и пояс);

2) нетрадиционный – любые иные расположения вышивки, также выполняющие защитные функции.

Появление с течением времени, а затем и усовершенствование различных орнаментов геометризированного типа говорит нам о постепенном формировании важной способности человеческого мозга мыслить абстрактно, мышлению. Как доказывают исследования, этот процесс шел параллельно с формированием у наших древних предков мифологической картины мироздания. Постепенно здесь возникали и закреплялись в зрительном выражении все основные языческие образы (в первую очередь – образы природы). Человек с глубокой древности ощущал свое неразрывное единство с окружающим миром, признавал одухотворенность жизни Вселенной, а потому и наделял ее человекоподобными чертами и качествами, рисовал в воображении черты тех или иных божеств. При этом весь мир и космос представлялся человеку в постоянном и непрерывном движении, во взаимодействии противоположных процессов (например, созидания и разрушения), тесно связанных друг с другом.

Впоследствии данные образы ярко проявились во многих иных религиозных системах (хотя и несколько трансформировались) и в целом в культурном наследии человечества. Все эти образы нашли свое место и в символике народного костюма.

Здесь также следует заметить, что качество материала, традиционно шедшего на пошив той или иной крестьянской одежды, определяло не только ее предназначение, но и степень богатства семьи, к которой принадлежит ее владелец. Так, например, у многих исследователей русской традиционной культуры упоминается тот факт, что в прошлые века крестьянские девушки устраивали отдельные хороводы в зависимости от степени их богатства или бедности. Наряженные наиболее богато составляли хоровод "бархатниц". Далее по степени зажиточности выделяют хоровод девушек,

одетых в шерстяные сарафаны (так называемые "гарусники"). Ну, а наиболее бедные девушки, одетые в сарафаны – "ситцевки", составляли свой хоровод [4].

Праздничную одежду, которая доставалась большим трудом и стоила немалых денег, конечно, очень берегли. Например, надев особо праздничные сарафаны, крестьянки даже не садились в них на лавки, боясь запачкать или помять свой драгоценный наряд. А во время свадьбы невесту, как правило, под руки выводили к гостям в самом дорогом и красивом праздничном сарафане, после чего ее почти сразу же уводили и переодевали в более простой наряд.

Еще один пример бережливости и уважительного отношения наших предков к одежде – то, что традиционно в крестьянских семьях (и не только в самых бедных!) частично изношенную одежду взрослых перешивали на детей, а совсем уж истрепавшуюся могли использовать хотя бы на заплатки.

Очень много правил использования и хранения одежды описано в "Домострое". В частности, здесь подробно указано, в каком платье надлежит работать, а какое – носить повседневно. Также описаны требования к костюму, предназначенному для посещения церкви, походов в гости и т.д. [5. С. 179].

Все это еще раз доказывает, что, весь ансамбль традиционного народного костюма, формировавшийся веками под влиянием природного, исторического и социокультурного факторов предстает как единое целое и гармонично сочетает в себе мировоззренческие установки убеждения наших предков, их знания и весь чувственный опыт, а также традиции их устоявшегося быта.

С течением времени в России все более быстрыми темпами шло развитие экономики и производства (в том числе – текстильного). Все это, разумеется, не могло не отразиться на технике изготовления и внешнем облике русского народного костюма. Так, например, почти до конца XIX века ткани фабричного производства в разы чаще

применялись для изготовления простонародной праздничной одежды в северных и центральных российских губерниях, чем на юге империи. Также важен тот факт, что значительно и повсеместно подешевевший с увеличением фабричного производства ситец на рубеже XIX и XX столетий начал активно вытеснять из крестьянского обихода домоткань и традиционные домашние красители. Это, в свою очередь, очень существенно поменяло и разнообразило колористику этнического костюма. А немного позже, в первой трети XX века (в первые годы советской власти) из крестьянского быта постепенно стала уходить традиции узорного ткачества. Все это также повлекло за собой изменения в народной одежде.

Тем не менее, утрачивая в некоторой степени свое семиотическое значение, традиционная русская одежда продолжала сохранять свои практические функции – в первую очередь, такую, как непосредственная защита тела от негативных воздействий извне (включая, в первую очередь, погодные явления). Подробнее рассматривая данную функцию, мы обнаруживаем очень интересный факт: то, что понятия "костюм" и "одежда" имеют существенную смысловую разницу.

На сегодня встречаются самые разные определения понятия "одежда". Однако суть большинства из них сводится к следующему: одежда – это те вещи, которые человек надевает на себя, чтобы защититься от неблагоприятного влияния окружающей среды. Говоря иначе, это комплекс неких покровов, оболочек на нашем теле. Поскольку все мы разные, в ней обязательно так или иначе проявляется индивидуальность каждого человека, а также содержится некоторая информация о нем и об обществе в целом.

Теперь рассмотрим понятие "костюм". У всякого народа это, в первую очередь, единое целое, ансамбль, состоящий из отдельных, но тесно взаимосвязанных элементов все той же одежды. В него, таким образом,

включается все, что надето на человеке одновременно. Это, прежде всего, платье (в самом широком смысле этого слова), а также – обувь, аксессуары (например, украшения, головной убор, пояс и т.д.), прическу. Целостный костюм уже несет в себе некий законченный образ, мировоззренческую идею, то есть имеет более глубокое содержание [6].

Таким образом, создавая определённую образную и психологическую характеристику своего носителя и народа, к которому тот принадлежит, этнический костюм становится знаком. Данный знак, в свою очередь, имеет как бы двойственный смысл. С одной стороны, он выделяет человека среди всех прочих, но, в то же время, по принципу схожести знаков, и объединяет людей в конкретную социальную группу, в единый народ.

Весь костюм народа в целом и отдельные элементы составляющей его одежды обязательно содержат в себе яркое отражение меняющейся с течением времени действительности. Вот почему исследование различных особенностей этнического костюма не может полноценно осуществляться без исследования исторического и культурного пространства, в котором находятся носители данного костюма.

Здесь есть и еще один важный момент. Дело в том, что смысловое содержание всех отдельных элементов традиционного русского костюма, как уж упоминалось выше, аккумулировано в определенных символах, понимание которых доступно лишь для посвященных, т.е. для носителей данной культуры. Исходя из сказанного, важно понимать, что такое кодирование, создание некоего целостного текста культуры (каковым в нашем случае и является этнический костюм) – дело не отдельных индивидов, а целого огромного коллектива людей (т.е. общества, этноса) на протяжении очень длительного времени (порой – тысячелетий). И, в то же время, расшифровать данный знак и достаточно легко "прочитать" сам текст

способен абсолютно любой носитель этой культуры.

Итак, еще раз подчеркнем, что всякий традиционный народный костюм – это неотъемлемый и живой, развивающийся во времени и пространстве элемент семиотической сферы национальной культуры. При этом он одновременно представляет собой знак, выражающий мировоззренческий и художественный смысл данной культуры [8. С. 317]. Это своего рода уникальное "волшебное зеркало", способное очень точно отражать глубинные смыслы и традиции народа, его целостное восприятие себя и мира, гармонии и красоты.

Так, традиционное мировоззрение практически всех народов (в том числе и русского) в первую очередь смотрит на человека как на квинтэссенцию божественного начала, проявленного в природе и в мире в целом. Если смотреть на него таким образом, то и само изготовление вещей (в первую очередь одежды) становится практически актом космического масштаба. С данной точки зрения оно видится необходимым для поддержания безопасности, равновесия и устойчивости мира.

Исходя из этого, не случайно все элементы народного костюма, ткани, из которых он производится, его украшения и т.п. всегда должны были подчиняться строим правилам, канонам. Они не могли не соответствовать неким постоянно повторяющимся вселенским событиям, законам мироздания. Об этом свидетельствует и напоминает нам буквально каждая деталь костюма, имеющая глубочайшее содержание и, конечно, вековой сакральный смысл.

Выводы. В целом, подводя итог вышесказанному, отметим, что русский народный костюм во все времена не только выполнял утилитарные функции, но и являл собою целостную, наполненную различными смыслами систему знаков/символов, в которой заключены основные традиционные ценности русской культуры. Исключительной особенностью русского народного костюма является

ся его уникальность и самобытность, заключенные в его отдельных элементах и передающие сакральную информацию о его носителе будущим поколениям. Столь своеобразное явление этнической культуры как традиционный костюм, уникально еще и тем, что несёт в себе целый ряд региональных черт и отличий. Их рассмотрение в аспекте семиотики является возможным направлением наших дальнейших исследований по данной теме.

Литература:

1. Богомолов В.Б. История костюма и орнамента восточных славян / В.Б. Богомолов. – Омск : ОмГУ, 1990. – 24 с.
2. Васильев А.А. Русская мода: 150 лет в фотографиях / А.А. Васильев. – М. : СЛОВО, 2004. – 446 с.
3. Ефимова Л.В. Русский народный костюм / Л.В. Ефимова. – М. : Советская Россия, 1989. – 314 с.
4. Калашникова Н.М. Народный костюм: семиотические функции / Н.М. Калашникова. – М. : Сварог и К, 2002. – 374 с.
5. Орлов А.С. Домострой. Исследование. Ч. 1 / А.С. Орлов. – М. : Синод. тип., 1917. – 212 с.
6. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии / П.Д. Пономарев. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1994. – 36 с.
7. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – Ленинград: Наука, 1986. – 304 с.
8. Шмелева М.Н. Русская одежда / М.Н. Шмелева // Русские / отв. ред. В.А. Александров и др. – М. : Наука, 2000. – С. 316-353.
9. Юдин А.В. Русская народная духовная культура / А.В. Юдин. – М. : Высшая школа, 1999. – 331 с.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

FEATURES AND SPECIFICS OF THE FORMATION OF CADETS ' READINESS FOR INTERACTION IN THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF THE REGION

Urusova Inga Kazbekovna, adjunct, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar

The article presents the peculiarities and specifics of the formation of cadets' readiness for interaction in multicultural environment of the region. Theoretical and methodological approaches to the mentioned problem are analyzed. The relevance of the work lies in the fact that in our changing world of the 21st century, cadets face a new problem of communication in multicultural environment. The aim of the work is to develop the skills of communication and cooperation with people of different nationalities, races and religions in an international and multicultural environment, strengthening mutual understanding and promoting peace and respect in society. The analysis of the topic carried out in this article allows us to define the learning environment of Russian cadets as a transnational society at the stage of educational development. The introduction of multicultural knowledge in the textbook is based on an analysis of the universality and uniqueness of society. It is a special part of interpersonal communication training.

Keywords: ethno-cultural; multicultural education; dialogue; competence; competence; cadets; multicultural environment.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-8.10

ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА

УДК 316

БАК 24.00.01

© Урусова И.К., 2021

В статье представлены особенности и специфика формирования готовности курсантов к взаимодействию в поликультурной среде региона. Проанализированы теоретико-методологические подходы к указанной проблеме. Актуальность работы заключается в том, что в нашем изменчивом мире XXI века, курсанты сталкиваются с новой проблемой общения в многокультурной среде. Целью работы является развитие навыков общения и сотрудничества с людьми разных национальностей, рас и религий в международной и мультикультурной среде, укрепление взаимопонимания и содействие миру и уважению в обществе. Анализ темы, проведенный в данной статье, позволяет определить учебную среду российских курсантов, как транснациональное общество на этапе развития образования. Введение поликультурных знаний в учебник основано на анализе универсальности и уникальности общества. Это особая часть подготовки к межличностному общению.

Ключевые слова: этнокультура; обучение; диалог; компетентность; компетенция; курсанты; поликультурная среда.

История и культурная политика современного общества объективно определяется развитием народов и ростом взаимодействия и обмена между ними. Миграция и возникновение новых социальных и культурных сообществ увеличили социальные риски, связанные с этническими отношениями. Этнокультурные отношения – это уникальный и сложный процесс. В этом контексте учебные заведения не всегда имеют возможность готовить специалистов, которые могут публично обсуждать вопросы интеграции в новой мультикультурной среде. Современное образование является основой для социального и интеллектуального развития. Особое внимание уделяется развитию местных институтов и национальных традиций. Национальные институты и традиции стабильны и отражают основные ценности и цели мультикультурного общества [4, с.104].

**УРУСОВА Инга
Казбековна**, адъюнкт,
Краснодарский университет
МВД России,
Краснодар

Целью современного образования является создание и развитие среды, основанной на мультикультурных реалиях. Другими словами, мультикультурное образование следует понимать как трансформацию культурных ценностей. В целом, профессионалы с широкой культурной перспективой должны сосредоточиться на инновациях, расширении возможностей будущего и высокой компетентности. Необходимость поликультурной среды будущих специалистов зависит от культурной идентичности общества, потребности в традиционных социальных системах, важности этнической принадлежности, культуры, истории и национальной истории.

Идеальным результатом признания образования курсантов является укрепление международных отношений, улучшение доступа к знаниям и создание интернационализованного мира знаний. В области поликультурной среды глобализация позволяет быстро адаптироваться к изменяющейся социальной и культурной среде и соответствовать международным стандартам качества в образовании, на рабочих местах и в организациях [3, с.123].

Следовательно, глобализация влияет на интеграцию и взаимодействие различных секторов в социокультурной среде и доступность ресурсов на рынке труда.

Глобализация высшего образования основана на обмене и интеграции различных интеллектуальных культур. Люди ощущают себя уникальными объектами исторического и культурного развития. Эти процессы дают возможность переоценить соответствующие результаты обучения [7, с.138].

Процесс глобализации в мультикультурной среде требует модернизации университета. Современная культура является причиной модернизации современного общества. В этом контексте спрос на обра-

МИГРАЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ УВЕЛИЧИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ.

зование и международные потребности постоянно растут. Концепция модернизации подразумевает изменение. Эта эволюция соответствует требованиям времени и требует более быстрых темпов развития. Модернизация образования связана не только

с потребностями общества и совершенствованием существующей системы образования. В развитых странах образование рассматривается как инструмент построения общества. Научный сотрудник Л. Хоронько, озвучил, что нужно рас-

ширить учебную программу и увеличить знания о новых культурах. Каждое современное общество ожидает образования. Качество образования также является показателем национального проекта по созданию новых навыков. Удовлетворение потребностей и запросов сегодняшнего дня и оценка будущего современной жизни – ключевой вопрос российского образования, создание единого образовательного пространства.

Модернизация образовательной системы МВД России осуществляется через мультикультурализм. Основная характеристика мультикультурализма определяется как глобальное явление, способствующее обновлению и модернизации образования. Социальные реформы в России создали новую социально-экономическую идеологию. Новые формы экономического развития в корне изменили восприятие людей. В рамках общих социальных реформ в России была проведена модернизация университетской системы МВД, направленная на удовлетворение новых социальных потребностей и повышение качества образования путем увязки целей и результатов обучения. Проект определил необходимость единообразного, стандартизированного и однородного движения в плане выбора курсов и программ, написания текстов, отбора студентов, специфических интеллектуальных потреб-

ностей и преподавательской базы, ведущего к модернизации [10, с.282].

Современная реальность показывает, что неспособность подготовить квалифицированных и амбициозных специалистов для процесса интеграции привела к росту социальной напряженности, военным конфликтам, терроризму и другим этническим конфликтам.

Националистические идеи, такие как в Украине, выражаются за счет функционирования национального самосознания, расширения мультикультурализма и социально-экономических вопросов, создавая условия, которые подрывают процесс сплочения и препятствуют социальному прогрессу, созданию механизмов для повышения существующих социальных стандартов [5, с.8].

Курсанты должны быть готовы к работе в современной поликультурной среде, учитывая растущий конфликт между стремлением улучшить поликультурную социальную среду и желанием конструктивно участвовать в социальном взаимодействии [4, с.104].

Сегодня только хорошее знание мультикультурализма (включая этические принципы) позволит курсантам анализировать фольклор, национальные культуры, их образовательную значимость и мировоззрение. Для того чтобы курсанты могли профессионально работать в социокультурной среде, вышеперечисленные предметы знакомят курсантов с различными национальными культурами в плане отношения и взаимодействия. Это очень важная часть построения дружеских отношений.

Поскольку поликультурные проблемы часто пересекаются с важными темами исследований, курсанты не "стимулируются" своими руководителями и не осознают, что в поиске наиболее эффективных и подходящих решений участвует множество людей. Иногда необходимо спросить преподавателя: "Не дискриминирует ли его позиция определенную социальную группу?" [6, с. 4].

Понимание страны и всех процессов развития (включая образование), которые происходят в Краснодарском крае. Трудности в реализации поликультурной среды обусловлены непреодолимыми методологическими проблемами [11].

Культурное самодовольство и уникальные навыки развития играют важную роль в процессе развития курсантов, которые решили подготовиться к работе в мультикультурной среде. Заблуждение культурного самодовольства основано на предположении, что культуры эстетически и идеологически противоположны, как будто внешние влияния не влияют на их развитие. Интеркультурность может быть описана как благоприятные отношения между одной культурой и другой. Другими словами, культурные отношения – это вопрос равенства.

Аналитические факторы – философские, педагогические и психологические – помогают определить наиболее распространенные подходы к международному образованию, чтобы понять природу мультикультурного образования [4, с.104].

Профессионалы будущего должны будут совершенствовать свои коммуникативные навыки, формировать культуру общения и развивать навыки межличностного общения.

На современном уровне образования требования и зрелость навыков межкультурной коммуникации не соответствуют реальным способностям курсантов. Проблемы курсантов с межкультурной коммуникацией, конструктивным общением, разногласиями и недостаточной концентрацией в групповой и командной работе представляют собой проблему для систематического развития навыков и компетенций межкультурной коммуникации. Это указывает на недостаток методов обучения [1, с.52].

Курсанты должны уметь общаться с представителями разных культур, понимать и терпимо относиться к их различиям, поддерживать свои собственные интересы и

культурное разнообразие своих сообществ [9].

Многие ученые, такие как А. Андреев, О. Арефьев, В. Болотов, Г. Селевко и др., применяли эту педагогику в своих исследованиях. Применение метода продуктивных навыков в современном образовании обусловлено положением России в европейской образовательной сфере, поскольку в России нет соответствующего закона о развитии навыков в учебной среде. Как указано в Законе о навыках, цель образования заключается не в приобретении знаний, а в том, чтобы научиться функционировать в различных социальных средах.

Российские психологи В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, И.С. Якиманской акцентируют внимание на активном приобретении знаний, навыков и приемов, характерных для своей работы. Исследователи используют различные подходы и методы для определе-

ния навыков, которые постепенно адаптируются к текущей образовательной политике в области трансформации знаний, фокусируясь на различных навыках и стратегиях преодоления. Они охватывают широкий спектр дисциплин, включая политику, рынки, экономику и коммуникации. Педагогический подход фокусируется на целях обучения: обучение, самооценка, уверенность в себе, социализация и развитие конкретных личных или практических навыков.

Ю.Г. Татур рассматривает общие и основные черты понятия "компетенция" по отношению к понятиям "знания", "навыки" и "атрибуты", используемым в действующих образовательных стандартах, перевод которых получил широкое распространение. Конкретные области работы и содержания могут рассматриваться на разных уровнях [8, с.20].

ИНТЕРКУЛЬТУРНОСТЬ МОЖЕТ
БЫТЬ ОПИСАНА КАК
БЛАГОПРИЯТНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОДНОЙ
КУЛЬТУРОЙ И ДРУГОЙ.
ДРУГИМИ СЛОВАМИ,
КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ –
ЭТО ВОПРОС РАВЕНСТВА.

Эти единицы считаются необходимыми для обновления текущих элементов, таких как компетенции и навыки. Специалист определяется как эксперт высокого уровня в различных областях, известных явлениях и всех профессиях.

Выделим взгляды на данную тему ученых И.А. Зимней, В.И. Байденко. Компетентность связана с личностью, физическим состоянием и качеством фактической работы.

И.А. Зимняя указывает, что "способность выражать слова, принципы и смыслы является необходимым сочетанием теоретических и эмпирических знаний. Опыт – это

внешнее свойство вещей и явлений. Но общий потенциал является общим. Действие: когда необходимо что-то сделать, чтобы добиться успеха. Результат: повышение производительности. Способность к достижению – это их результат [2, с.71].

Поликультурная среда включает в себя культурное разнообразие и идентичность, культурные установки, культурную практику, культурные изменения, культурную интеграцию, коммуникацию и культурные барьеры, теорию коммуникации, культурное разнообразие и образование, межкультурное общение.

Основной целью поликультурной среды является развитие мультикультурной компетентности потенциальных профессионалов. К ним относятся культурная чувствительность и уважение к уникальности каждой культуры, способность адаптироваться к незнакомому поведению, приспособляемость к неожиданным изменениям, гибкость в принятии решений от имени других, а также коммуникативные навыки. Это включает в себя навыки ведения переговоров. Эти знания помогают разрешать конфликты с другими культурами и обще-

ствами, поддерживать международные отношения и контакты между россиянами.

Содержание поликультурной среды основывается на социальном и культурном происхождении учителя, личном интересе учащегося к поликультурным обществам и конкретным социальным и культурным группам в целом, а также на изменениях в социальных и культурных условиях (культурное, этническое и религиозное принятие), положение и социально-экономические условия, индивидуальные методы, личные ресурсы и способности всего преподавательского состава.

Таким образом, образование как модель подразумевает ряд различных временных периодов вне культуры. В многокультурной среде курсанты могут научиться участвовать в подлинных межкультурных дискуссиях в духе толерантности. Отсутствие интереса к мультикультурному образованию отражает культурную нетерпимость со стороны соседних общин. Поликультурная среда не искореняет этнические различия; она развивает позитивное отношение к собственной культуре и терпимость к культурным различиям, с пониманием того, что образование культурно разнообразно и соответствует культурным ценностям. Процесс модернизации в поликультурной среде обусловлен организационными и содержательными изменениями в образовании, целями и приоритетами сохранения знаний, а также все более широким использованием новых информационных и коммуникационных технологий. Представлены примеры упражнений и обучающих игр. В этом контексте межкультурное образование, которое основано на сохранении культурных ценностей и их передаче следующему поколению, играет все более важную роль.

Литература:

Издания под заголовком индивидуального автора:

1. Зимняя И.А. Компетентность человека - новое качество результата образования / И.А. Зимняя. – Уфа.: Норма, 2020. – 71 с.

2. Иванова И.Н. Социологический аспект понимания ценностей культуры / И.Н. Иванова. – М.: Диалог в культуре, 2018. – Вып. 5. – с. 52-58.

Издания под заголовком двух и более авторов:

3. Архипкина Г.Д., Афанасьева Л.А., Базар Ч. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур / ред. Л. И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Владос, 2017. – Ч. 1. – 123 с.
4. Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / ред. И.Д. Святская. – Ростов н/Д.: Пресс, 2018. – 104 с.

Статьи из журналов и сборников:

5. Болотов В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов. – М.: Педагогика, 2017. – № 10. – с. 8-14.
6. Менская Т. Б. Поликультурное образование: программы и методы / Т.Б. Менская. – М.: Общество и образование в современном мире: сб. материалов из зарубежного опыта, 2019. – Вып. 2. – с. 4-12.
7. Селевко Г.К. Компетентность и ее классификация / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 2019. – № 4. – с. 138-143.
8. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста / Ю.Г. Татур. – М.: Высшее образование сегодня, 2020. – №3. – с. 20-26.

Авторефераты и диссертационные исследования:

9. Ильина А. В. Формирование познавательной самостоятельности студентов в ходе изучения общепрофессиональных дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2008.

Учебные издания:

10. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина. – М.: Аврора, 2016. – 282 с.
11. Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие / В.И. Байденко. – М.: Норма, 2016.

Словари:

12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа в РИНЦ выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Публикуется за счет средств издательства. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" издается по следующим отраслям наук: 10.00.00 Филологические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политические науки; 24.00.00 Культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147–158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАСУ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее* – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходи

мости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Стоимость печатного экземпляра с учетом почтовой пересылки по РФ (по запросу автора) – **1600 руб./1 экз.**

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6. Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____

1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____

1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____

1.9. Название статьи _____

4.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социологические науки

УДК 316.74

ВАК 22.00.00

Иванов И.И., 2020

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.